

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АМИЧБА

ГЬАРГЬ АЛЕҚСАНДР-ИПА АМҬБА ДИИЖЬҬЕИ 90 ШЫҚӘСА АҬРА ИАЗКУ АҬҬАРАДЫРРАТӘ КОНФЕРЕНЦИА АМАТЕРИАЛҚӘА

Сухум, 2026

УДК 001(5)
ББК 72.5(5Абх)-8я 431
М 34

Редколлегия: *Габелия А.Н., Касландзия Н.В., Джапуа А.Э., Смыр С.А.*

Материалы научной конференции, посвященной 90-летию Георгия Александровича Амичба. Сухум, 2026. 350 с.

В настоящем сборнике публикуются материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения известного кавказоведа, этнолога, переводчика, профессора АГУ Г.А. Амичба.

Представленные в сборнике материалы охватывают широкий спектр научных тем. Они предназначены для историков, этнологов, археологов, студентов, магистров, аспирантов, а также обширной читательской аудитории.

Г/Р 978-5-155-24-04026

©Абхазский государственный университет, 2026

БИГӘАА В.Л.,
Аԥсны атҩоурыхи, археологиеи, аетнологиеи
ркафедра апрофессор

АПРОФЕССОР ГЬАРГЬ АМҨБА ИАХЬА 90 ШЫҚӘСА ИХЫЦУАЗААРЫН… (ИПСҬАЗААРЕИ ИЦАРАДЫРРАТӘ НЫСЫМҨЕИ)

Иҟоуп ауаҩы изхара изымхәо ажәа. Инакәызаалакь уи зыхьз адҳәалоу аперсонажи иареи реизаҟазаашьоуп цатцгәыс иамоу.

Гьаргь Амҩба, аус ицызуаз иколлегацәа ҳшақәымгәыгзоз, еиҳа игәарԥханы ацарадырра данахагылашаз, аԥсуа медиевистика еиҳагьы анышьтихшаз аамҭазы иԥсҭазаара ҿахцәеит.

Имариам-нас, ҩынҩажәа шықәса инархыҳәщъо убзиеи-уцәгьеи иалагылаз, ҿатцак еиҩшаны изцуфоз, ула дхыԥшылар, угәы итыхо еилызкаауаз, ацәашь еиԥш ирлашо уаԥхьа игылаз, иатаххаргьы, уан иуцлыхшаз уашьа гәакьа иеиԥш, инаувагылоз, абга узтоз уҩыза-хазына, уҩызаду ихьзала ажәа аҳәара. 23 шықәса рышьтахь (6.03.2003), Гьаргь Амҩба инарцәымҩахь данынаскьаагоз аҿены, сара исыкәшәеит ихцәажәара, илаԥшны дыздыруаз азәы иаҳасаб ала. Уи ашьтахьгьы иара ихьзала ҩынтә-хынтә сыкәгылахьеит, аха егьарааны избахә сҳәаргьы, сгәы итыхо нагзаны исызҳәазом.

Царадырраккык аҳасаб ала, аԥсуа жәлар рҭоурых аҭцаара знапы алаку, дарбанызаалакгьы, иазгәеимҭар ауам, жәынгьы-ҿангьы урҭ ацаруаа дуқәа шрықәыз атәы. Агәра ганы исҳәоит, Зураб Анчабазеии Гьаргь Зизариеи Шьалуа Инал-ипеи реиԥш, ихатәрақәоу аҭоурых знапы рылаку ауаа, хыпхьазарала имачу аԥсуаа ҳакәым, миллионла иҟоу ажәларқәа рыҩнытцкагьы рыԥшаара мариам.

Аныхачаԥа еиԥш, аԥсуа жәлар зхәаԥшуаз рҭеицәа дуқәа ихацдыркыз аус рымыздашаз аҳә иакәны даарывагылеит иара иаиамҭаз иахьа зԥшьынѡажәижәаба шықәа азгәаҳҭо Гьаргь Амҷба.

Гьаргь Амҷба ҳажәлар ибзианы ирдыруаз уаѡын, ҵарауаѡхатәрак еиԥш адагьы, уаѡышьалагьы, аамысташәашьалагьы. Зажәа раҳаз, адырра ҵаула змаз, мацқьа-шьацқьа, ламысла зхы нықәызгоз, заԥсуара нагҳаны издыруаз, еилаҳангьы иныкәызгоз аԥсыуа хаҵан уи.

Ҳәарас иатахузеи, кавказҭцааѡык иаҳасаб ала Гьаргь Амҷба дырдыруан Аԥсны аѡнытҟа еиԥш, анҭытцгьы, уимоу адунеи аназарақәа рыҷегьы.

Гьаргь Амҷба жәа-монографиак дравторын. Ишьардан ацарадырратә журналқәеи ацарадырратә усумҭақәа реизгақәеи ирницахьаз аусумҭақәагьы. Аха ианакәызаалак урҭ иара икәнишьон, – «ицегь сылшар ауан», – иҳәон.

Иаармариазаны акәын, ѡтәыс иоур, ишиѡуаз уи иавтобиографиагьы: «Сара, Сандра ипа Амҷы Гьаргь, сиит 1936 шыәса латцарамза 10 азы Ҭәада ақытан, аԥсуа нхаѡ итаацәараҷеы. 1953 шықәсазы, Кәачаратәи абжьаратә школ саналга, Қарҭтәи аҳәынҭқарратә университет сталеит. 1961 – 1963 ш. рзы Ацарадыррақәа Қырҭтәылатәи ракадемиа иатәу Аҭоурыхи археологиеи аетнографиеи ринститут аспирантура аҷеы сцара иацыстон, акандидадтә диссертациа сыхьчеит…». Настәи, иааркьаҷены акәзаргьы, сара салацәажәап.

Гьаргь амедиевистикатә дунеи дагәылалеит Кавказ аҭцаара знапы алакыз ацарауаа дуқәа иара иахь ихьазырԥшыз, лахәлахәы ишьклаԥшуаз иаппонентцәа ргәы ашьақәақәа ҭазцаз, изыршыз иусумҭа – «Грузинские нарративные источники об Абхазском царстве» ала. Иусумҭа «Абхазское царство» ахьахьзицаз дахыркьаны, уи адиссертациа идмырхьчеит ақыртуа милатеилыхыѡцәа. Аѡынтә раангьы атәы илазцоз ацарауаа маҷѡымхеит. Урҭ «ацарауаа корифеицәа» рахьтә аҳәы, Гьаргь ихы наиқәикын, диазцааит: «ақыртуа жәытә бызшәа узымдыруа укавказҭцааѡ-

хар ауама»? Жора ишиҟазшьаз еиԥш, дмыццакъакәа қыртуажәытәбызшәала аҭак иитеит уи, ажәытә қыртуаҩырытә баҟақәа рҟынтә ацитатақәа ааго мацара. Азцаара зтиыз аҭоурыхттцааҩ ииҳәо иҿамшәо, днеины, иҭыпаҿы днатәеит, ихы икәаҽ. Адиссовет иалаз реиҳараҩык, ҩагыланы, аԥсуа царауаҩ қәыԥш инапы изеинырҟьеит. Аха Гьаргь шьапҿаршә изура убри ала ацыхәа цырымцәеит ақыртуа царауаа. ВАК аҟны лыԥха арҭаразы идокументқәа Маскәаҟа иандәыкәырцагьы, идиплом аара хашақәса дазыԥшын. Убраанъагьы инаҙон усҟан қарҭаа рнапқәа.

Гьаргь Амҷба Аԥсны данааи инаркны Аԥсуа институт аҿы аусура далагеит. Уи нахыс, хрыжь-хрыжь акәзаргьы, еишьтагыланы рҿаархеит, қыртшәала еиԥш, бырзен бызшәала, шәамахь бызшәала ажәытә шәкәқәа иргәылихыз, аԥсуа ҭоурых зеиҧьатамала ицәырызго егьырҭ иусумтақәагьы: Средневековые грузинские письменные источники об Абхазии», «Грузинские средневековые письменные истчники об абхазах и Абхазии», «Новый Афон», уҳәа, убас егьыртгьы. Урҭ рҧырак аԥсуа хылтцшьтрақәа, рҿеидкыланы, жәларык раҳасаб ала ишышьақәгылаз, нас VIII-X ашәышықәсақәа рзы Кавказ зегьы зырхыцхыцуаз афеодалтә ҳәынтқарра шыҟартцаз, уинахысгьы, XVIII ашәышықәса аҽееиҩшмтанъа, Багратидаа рышьтра иатәыз ауаа аҳәынтқарра маа шыркызгьы, аԥсуа аамыстцәадуқәа рыда уск уаҩы ишизымыҙбоз, хьҙыс иамазгьы «Аԥсуа ҳәытқарра» шакәыз. Абас еиԥш, еиҳа ҳгәы зкышаз азцаарақәа ртак ҟартцоит Гьаргь Амҷба иацитақәаз егьырҭ иусумтақәагьы. Урҭ иаҳдырбот ира убас ианакәызаалак таха ҳазымтоз ҳгәылацәа бзиахәқәа ҳәаатыхла ирҿагыланы ҳабацәа дуқәа рыдгьыл гәакьеи рбызшәеи, рмилатта ҟазшьеи шырыхьчоз атәы.

Аԥсуа культуратә ԥстазаараҿы зеиԥш ҟамлацыз хтысхеит, цакыла еиԥш, формалагьы иԥшъаз, 1993 шықәса азы Стампыл тырқәбызшәала итытцыз Гьаргь Амҷба ишәкәы «Аԥсуааи алазкәеи». Уаанъа итытцхьаз иҩымтақәа реиԥш, ари ашәкәы аҿы автор аԥхьаҩ иирбоит абжьаратәи ашәышықәсқәа раан аԥсуа

етнополитикатә цәыртцракәа ирымаз асоциалтә-економикатә тагылазаашьеи рхьыпшымреи рхақәитреи рзы урт иаадырпшуаз ахатцареи.

Абжьаратәи ашәышықәсқәа апсуа жәлар ртоурых аҽы даара акры зцазкуа аамтан. Зегь рапхьаза иргыланы, ари Апсны афеодалтә еизыказаашьақәа рцәыртцреи рыҷиареи ираамтан, апсуаа рхатәхәынтқарра катцаны, иаркы-ирцә, ҳәа, геи-шьхеи, ладеи-ԥадеи ианрыбжьаз иаамтан. Урт зегьы дырра харакыла, комплексла, гәык-псык ала, ламысла рыԥра, усқан, атоурыхтә цабырг, ишырхәо еипш, ала акырқы ианкылырхуаз аамтазы, даара имариамызт. Зегьы акоуп, апсуа царауаԥ ижәлар рхатцара иасимволу ачҳара аҳәаақәа дыртамтцит. Гьаргь Амҷба атцарадырратә ус аҽы иибаз ақьабаа ахә ашьара уадаԥуп.

Инарцәыма дықәлаанза, атцыхәтәантәи ахәышықәса ирылагзаны, изыпшыз идыруазшәа, уи итижьит даҽа ԥ-шәкәык: «Культура и идеология Абхазии раннего средневековья», «Абхазия в эпоху средневековья».

Апхьатәи ашәкәы, ахьз ахата ишаҳәо еипш, VI-X ашәышықәсақәа рзы Апсны идыргылаз атоурыхтә бакақәеи аҳәынтқарратә динк аҳасаб ала апсуаа ақьырсианра шрыдыркылази, насгьы урт рдоуҳатә пстазаараҽы уи иааннакылаз атыпци ирызкуп. Аԥбатәи ашәкәаҽы ажәытәзатәи аԥыратә хытхыртақәеи археологиатә материалқәеи аетнологиеи рышьатала, автор иааирпшуеит апсуа жәлар рынхамԥа атоурыхи рсоциалтә еизыказаашьақәеи. Аха Гьаргь уи инапаҽы иааникылартә еипш аразкы илахь ианымызт.

Икоуп даҽа усумта дук. Уи апсуаа ртоурыхтә антропонимиа иазкуп. Ари аусумта апсуатцаараҽы уникалтә пцамта ҿыцуп. Апсуа, апсыуатцас, адунеи ишьапы нықәиргылазар аахыс хьзыс, хьызшьарас иныкәигоз, иабипарахьызқәа (патронимиа) уҳәа апхьаԥ зинтерес икыша, иџьеишьаша, илакәишьаша рацәоуп ари аусумтаҽы. Автор ихатагьы уи азы алкаа чыда каитцеит: «Апсуа жәлар ртоурыхтә антропонимиа ретностә тоурых атцаара акырза иацхраауеит, итнагоит». Ԥашьара ақәымкәа уи иахнарбоит

иара убас урҭ рполитикатә, ркультуратә ориентациақәагьы. Аха абри ашәкәгьы иара ишьҭахь ауп акьыцхь анаба.

Гьаргь Амҷба зымҽехак ҭбааз царауа҉ын. Уи ибзиаҙаны идыруан дызлииаз ижәлар рбызшәа амаҙақәа, уи аҧсы ахьҭаз, аҧсуа цасқәеи аҧсуа қьабзқәеи рҷыдарақәа, аҧсуаа рҽаҧыцтә рҽиамҭақәа, уҳәа, урҭ ртрадициатә культура афномналтә гәеисырҭа – Аҧсуара – злеибарку асистема зегьы. Убри аганахь ала иналкааны иазгәаҭатәу усумҭоуп иеҭнографиатә ҭцаамҭа «Аҧсуаа рҽыбгақазара». Хаҭала иара автор «адәы иқәигаз» аеҭнографиатә аматериал хьыршәыгәқәа ихы иархәаны, ицәыригеит ҳажәлар рыбзазара иузалымхуа иалаз аҽы акульт, иахьаҙагьы урҭ даҽа жәларык ирылазмыр҉ашьо аба҉ҷыдара, уи иацыз аетностә специфика.

Иазгәаҭатәуп иара убас аҵарауа҉ду имаз даҽа ҟазшьа-ҷыдак. Аатҵарадырраҽы Гьаргь Амҷба изы аус злаз аҭоурыхтә факт акәын. Афакт иара изы ихсаалаган, ишәагазаган, иқәырҧшыган, зегьы зхагьежьуаз лыран.

Гьаргь Амҷба дагьеиҭага҉ын. Аҧсуа шәкәы҉҉ ду Алықьса Гогәуеи иареи, рҽеиҧшьны, Иаков Цурҭавели иҭоурыхтә рҽиамҭа «Шушаник лгәаҟра» аҧсышәала идырцәажәахьан. Иара ихалагьы аҧсуа ҧхьа҉ иитахьан Константине Гамсахурдиа иажәабжьқәа кыр. Аҧсшәа аҟынтә акыртшәахь еитеигахьан Нарҭаа репос аҕырак. Гьаргь Амҷба ибзоураны аҧсуа ҧхьа҉цәа ироухьан арумын шәкәы҉҉ы Виктор Кернбахи, авенгер ҭоурыхҭцаа҉ Лаиош Ҭардии, американатәи аетнолог Сула Бенети аҧсуаа ирызкны иры҉хьоу ашәкәқәа.

Гьаргь Амҷба аҧсабара иланаҵаз аба҉хатәреи идырреи аҧсуа ҭцарадырреи аҵараиурҭақәеи рзы итҿаатәышьақақәан. Жәашықәсала уи иҵьабаа Дырмит Гәлиа ихьӡ зху Аҧсуаҭцааратә институт иадиҵахьан. Уи араҟа зквалификациа ҳаракӡоу аҭоурыхҭцаа҉цәа дреиуан. Зны Аҧсуа ҳәынҭқарратә университет аҽы алекциақәа дрыҧхьон, зны Аҧсны аҭоурыхи, археологиеи, аетнографиеи ркафедра деиҳабын, аҽазных аҭоурыхтә факуль-

тет дахагылан, ддеканын. Абраҟа Гьаргь Амҷба дпрофессорын, аҽар аҭоурых дирҵон, аха, иара ихымԥаԥгашьала аԥсуаа рсоциал-нормативтә культурагьы рылаиааӡон. Даҽеак ала иаҳҳәозар, Гьаргь Амҷба ҵарауаԥык иаҳасаб ала дхатәран, дхатәран рҵаԥык иаҳасаб алагьы.

Хынԥажәибжьба шыҟәса қәрам аԥсуа хаҵа изы. Иуаԥра дынҭалеит аҟароуп.

Гьаргь инырцәымԥа дыкәлеит 2003 шыҟәса март 6 азы, еиҭасҳәоит, еиҳа ҳҭоурых аҽахәы аниҳәашаз, аҭцаараус аҽы еиҳа анилшашаз, еиҳа данаҳҭахыз аамҭазы.

Изӡом, аԥсуа ҭоурыхҭцаара, ҷыдала абжьарашәышыҟәсақәа рҭоурых аҭцаара, иара ида ихьысҳахазшәа збоит, сара саӡәыкны. «Ар ирнымиаз дхаҵаҷәгәоуп». Зны-зынла, аханатә ахыс ҳазмыртәо-ҳазмыргыло амилаҭҭә зҵаарақәа анцәыраагало, ҳгәы ҳаҵасны, – «Гьаргь, азыҟаҵара бзиа шимаз ала, ицегьы дцьаҵьазар акәын, ицегьы дақәыҷгәгәаны, ицегьы итыцҟьааны иԥыр акәын», – анаҳҳәалоз ыҟан, данҳалагылаз аамҭақәа рзы. Аха, иаҳҳаҳмырштып, иара иаамҭазы иҟаз аполитикатә система амч, уи злеибыҭаз ашьамҭлаҳәқәеи азынӷьырқәеи. Уи дыԥуан ҳазҭагылаз аамҭа иахылаԥшуаз апартиатә идеологиа ишизаҵәгоз ала. Шәԥыла анцәа иҳаҭәеишьааит, аха иахьазы Гьаргь Амҷба дзыпсахша аҭоурыхҭцаԥ ипшаара уадаԥуп. Ҳақла иаҳҳәозар, уи мчылатәкьа зҽеибызҭаз аԥсуа интеллигенциа дыруаӡәкын, ҳзырызгоз, ҳзырԥшӡоз, ҳазлаҽхәоз ауаа барақәа, ауаа нырҳарақәа дырҟәырҷахан.

Ҟазшьала Гьаргь дҭынчшәа дыҟан, аха уивалар, иуамызт, дыцьбаран. Амала дтәаны думбар, дгыланы ихы уирбомызт. Уи – ааӡашьаә метод ала джәытәарпысын, джәытәаамыстан. Аиԥызараҽы акәзар, Гьаргь дцышәан: даартын, дыгәшаҭаԥын, дгәыбылԥын, дчеицьыкауаԥын.

Машәырны иҟамлет, ҳәарада, Гьаргь ихьӡ камыршәкәа иахьааго, ҳаиҷаҳаны иахьаҳҳәо, ихьӡ лассы-лассы иахьаҳҽытцаку. Иара ихаҭа ара дҳалагылазшәа. Уи зыртцабыргуа акы акәны иҟоуп иара идаракәац.

Апрофессор Гьаргь Амҵба ихьӡ ала ажәак зҳәарц зтаху, дарбанызаалак, рыӡбахә мҳәакәа дызрывсуам дызлиааз итаацәара – Амҵы-Сандра итаацәараду.

«Асоветтә жәлар рцьынць тәылатә еибашьраду», – ҳәа атурых ианхалаз аибашьра-хлымӡаах ианалага, фԥык асабицәа иԥшәмаԥҳәыс лкалт инаныԥсаланы, афронт ахь дцеит Сандра. Уи акәхеит, уи урт раазара ираскымхеит – Асовет тәыла ихы ақәитцеит. Абарт ахәыҵқәа шыфԥыкызгьы хьта иамыркыкәа, мла иамыркыкәа, рцәа иақәмырԥшыкәа ршьапы иқәлыргылеит, ибагьа-багьаӡа рыуааҽәлар рытгәа ртыпқәа ааныркылартә еиԥш, илырхиеит ран-ԥсаташкәакәа, Зина Ашәпҳа. Гьаргь иаҳәшьцәа, Валентинеи Сариеи, бызшәадырыԥцәахит, Борис Амҵба апсуа музыкатә ҟазара ишьта анымтцуа ианитцеит – уи ҳара ҳтәыла аԥнытцкамоу, адунеи анаӡарақәа рҽы асцена дукәа зыбжьы-ҽаца ықәыԥхьоу шәаҳәаԥуп. Англыз бызшәа ашьапы иқәкьаны издыруа еитага ԥуп. Ԥсаташкәакәа Федиа занаатла дфизикын. Аполлон дыртаԥуп, иқытауаа рхәыҵқәа адырра-лаша зыԥнырго ашкол аҽы кыршыкәса директорс аус иуан. Иахьа уи иаб иԥьынць дахагылоуп, еихаҳауа, ирҭбаауа, Жора иԥызцәа анбаауеи, ҳәа, агәашә ахь дыԥшуа.

Гьаргь Амҵба дыздыруа ауаа ихьӡ зларҳәаша ахшара итынхеит. Света Ҭарԥҳаи иареи апеи апҳаи рцәа иалтцит, ираазеит, ирыхьчеит, атара ддыртцеит, иртаху-изтаху рыкәгәыргьартә, – шәнеишь-шәааишь, – ҳәа, рарҳәартә акынза. Хьыбла иахьа апсуаа зегьы ҳлеигәыргьоит, Берлин дынхоит, Апсуа ҳәынтқарра дахатарнакуп. Германиа амузыкатә ҟазара иалахәу ауа реидгыла далахәылоуп.

Ари адунеи аҽы акгьы машәырны икалазом, зегьы-зегьы апсабаратә ҟазшьа рымоуп, зегьы-зегьы ԥсабарала ишоуп.

Сажәа сцәоуцәахазар ауеит, аха, зегьы рапхьаӡа иргыланы, исҳәарц истаху абриоуп: Ҳарт ашлакәа, иԥызцәа, иколлегацәа ҳапсы ҭанатцы Гьаргь Амҵба дащхаштуам, ҳара ҳзы уи Жора иакәын, ус дагьаанхоит наунагӡа. Истахуп абарт сцәаҳәакәа

ирыԥхьогьы агәра игар даҽеакгьы: Ҳажәлар дрыԥхеит, иахьагьы дрыгуп, ирҳәарызеишь, ҳәа, зҿы итаԥшуаз ртеицәа дуқәа иреиуаз аԥсуа хаҵа, ртоурыхтә ҽахәы нагӡаны изҳәашаз рыхьӡырҳәага, иара ишиҳәалоз еиԥш, Сандр иԥа Амч-Гьаргь.

КАСЛАНДЗИЯ Н.В.,
д-р ист. наук, доц. кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии

ВКЛАД Г.А. АМИЧБА В ИСТОРИЧЕСКОЕ АБХАЗОВЕДЕНИЕ

Аннотация: *В статье рассматривается научное наследие видного абхазского историка-медиевиста Г.А. Амичба. На основе анализа его монографических работ раскрывается системность исследовательского метода ученого, основанного на синтезе источниковедения, этнологии, лингвистики и археологии. Труды Г.А. Амичба, охватывающие широкий круг вопросов истории, экономики, культуры и антропонимии раннесредневековой Абхазии, образуют целостную систему взглядов, которая продолжает определять проблемное поле современной историографии и сохраняет научную значимость.*

Ключевые слова: *Г.А. Амичба, абхазская историография, средневековая Абхазия, Абхазское царство, источниковедение, историческая антропонимия, христианизация.*

Abstract: *The article examines the scientific legacy of the prominent Abkhazian historian and medievalist G.A. Amichba. Based on an analysis of his monographic works, the article reveals the systematic nature of the scholar's research method, which is based on the synthesis of source studies, ethnology, linguistics, and archaeology. G.A. Amichba's works, which cover a wide range of issues related to the history, economy, culture, and anthroponymy of early medieval Abkhazia, form a coherent system of views that continues to shape the field of contemporary historiography and retains its scientific significance.*

Keywords: *G.A. Amichba, Abkhaz historiography, medieval Abkhazia, Abkhazian kingdom, source studies, historical anthroponymy, Christianization.*

Современное абхазское общество переживает сложный и многоплановый процесс переосмысления собственного исторического прошлого. На фоне трансформаций общественного сознания, актуализации вопросов идентичности и исторической преемственности особую значимость приобретает обращение к научному наследию представителей отечественной исторической школы. Осмысление трудов ведущих абхазских исследователей позволяет не только восстановить контуры историографического процесса второй половины XX – начала XXI века, но и выявить те методологические и концептуальные установки, которые сохраняют научную продуктивность в современных условиях.

В этом контексте несомненный научный интерес представляет изучение творческого наследия Георгия Александровича Амичба – одного из крупнейших специалистов по истории раннесредневековой Абхазии, историка-медиевиста, источниковеда, этнолога и культуролога. Его труды по праву занимают особое место в отечественной историографии, формируя устойчивую исследовательскую традицию, которая продолжает оказывать влияние на развитие исторической науки и в XXI в. Работы Г.А. Амичба отличаются тематической широтой и внутренней целостностью. В центре внимания специалиста находились ключевые проблемы политической, социально-экономической и культурной истории Абхазии античного и раннесредневекового периодов, вопросы источниковедения, антропонимии, этнокультурных процессов. При этом все направления его исследований объединены общей методологической установкой – стремлением рассматривать исторические явления в их многоуровневой взаимосвязи, в широком историко-культурном контексте.

История раннесредневековой Абхазии на протяжении длительного времени оставалась предметом острой историографической полемики. От интерпретации процессов формирования абхазской государственности, характера политических инсти-

тутов, этнокультурной динамики региона зависело решение не только научных, но и мировоззренческих вопросов. В работах грузинских исследователей советского и постсоветского времени прослеживалась устойчивая тенденция на принижение и искажение абхазской истории. В этих условиях принципиальное значение имело обеспечение абхазских специалистов высококвалифицированным переводом корпуса грузинских средневековых письменных памятников. Исторический источник в гуманитарных науках выполняет функцию, сопоставимую с экспериментом в естествознании: именно от точности его прочтения и анализа зависит достоверность научных выводов. Ошибки перевода, произвольные интерпретации или тенденциозные комментарии способны искажать историческую картину и воспроизводить устойчивые историографические мифы.

В 1986 г. вышла в свет работа Г.А. Амичба под названием «Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии».[1] Она содержала переводы пространных отрывков из грузинских повествовательных источников, агиографических сочинений, важнейшего памятника генеалогии – «Дивана абхазских царей». В основе переводов исторических нарративов, осуществленных Г.А. Амичба, лежит принцип точности и верности оригиналу. Переводы снабжены научным аппаратом; комментарии, приложенные к переводу, содержат историко-филологические и историко-географические сведения, большое значение уделено передаче терминологической лексики. Методологические подходы Г.А. Амичба к изучению источников и поныне сохраняют свою актуальность. Тонкое понимание текстов, их тщательный анализ, проницательность и реалистичность мышления, позволили исследователю внести некоторые существенные уточнения в события политической истории средневековой Абхазии.

[1] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Перевод и комментарии Г.А. Амичба. Сухуми, 1986.

Следующей значимой работой Г.А. Амичба стала опубликованная в 1988 г. монография «Новый Афон и его окрестности (исторический очерк)».[2] Это фундаментальное исследование, убедительно раскрывающее особую роль Нового Афона (Анакопии–Псырдзхи) как одного из ключевых локусов Восточного Причерноморья. На основе комплексного анализа археологических материалов, письменных источников (византийских и грузинских), а также данных топонимики автор реконструирует непрерывное развитие данной территории от эпохи палеолита до современности. В его интерпретации Новый Афон последовательно выступает в качестве политического центра Абазгии, арены противоборства Византии и Арабского халифата, столицы Абхазского царства и, позднее, с основанием в XIX в. Новоафонского монастыря, значимого очага христианства на Кавказе.

В качестве методологического основания Г.А. Амичба выдвигает концепцию исторической преемственности, трактуемую как поступательная непрерывность политического и культурного развития данной территории. История Нового Афона осмысляется им не как механическая совокупность сменяющих друг друга эпох, а как внутренне связанный процесс, в котором античные истоки, средневековая государственность и позднейшие духовные центры образуют единую эволюционную линию. Именно через призму этой концепции он выстраивает анализ политической истории, культурного развития, локальной топографии.

Центральное место в исследовании занимает проблема локализации крепости Трахея, упомянутой византийским историком VI в. Прокопием Кесарийским в связи с восстанием абасгов. На протяжении длительного времени в историографии господствовала версия, связывавшая Трахею с районом современной Гагры. Г.А. Амичба подверг данную гипотезу всестороннему кри-

[2] Амичба Г.А. Новый Афон и его окрестности (исторический очерк). Сухуми, 1988.

тическому пересмотру, сопоставив свидетельства письменных источников с археологическими данными, топонимическими наблюдениями и историко-географическим контекстом. Исследователь пришел к выводу о тождестве Трахеи и Анакопии – стратегического центра, сыгравшего ключевую роль в формировании абхазской государственности, и предложил его выверенную хроностратиграфическую реконструкцию. Согласно выводам Г.А. Амичба, уже в V–VI вв. здесь формируется цитадель, интерпретируемая как опорный пункт Абазгии. Сам факт наличия раннего фортификационного комплекса свидетельствует о существовании организованной власти, способной контролировать важнейшие коммуникации и противостоять внешнеполитическому давлению. Новый этап связан с VII столетием, когда в условиях ослабления византийского влияния и внутренней консолидации абхазских земель осуществляется масштабная реконструкция укреплений. Сооружение второй линии обороны с многоярусной системой башен и стен рассматривается автором как материальное выражение процесса политического самоутверждения абасгской знати.[3] Анализ строительной техники и археологического материала позволяет говорить о значительной роли местного населения в осуществлении этих работ.

Особое внимание уделено реконструкции Анакопийского сражения, ставшего кульминационным эпизодом арабского наступления на Западное Закавказье в 30-х гг. VIII в. В отличие от традиционных объяснительных моделей, связывавших исход сражения эпидемией в лагере противника, Г.А. Амичба предложил рациональную интерпретацию событий. Им детально проанализированы тактические преимущества крепости: возможность фланкирующего обстрела с башен, сложная конфигурация ворот и предвратных пространств, которые позволяли успешно противостоять попыткам прорыва со стороны атаку-

[3] Амичба Г.А. Новый Афон и его окрестности (исторический очерк). Сухуми, 1988. С. 34.

ющих. Победа защитников трактуется как результат сочетания инженерной продуманности оборонительных сооружений, взвешенной стратегии и высокой мобилизационной готовности населения, проявившего стойкость и воинское мастерство.

Обращаясь к археологическим находкам – керамике, остаткам ремесленных мастерских, христианским рельефам, – автор реконструирует историю Анакопии как устойчиво функционировавшего урбанистического центра. Эволюция укрепленного комплекса – от ранней цитадели, соотносимой с Трахеей, до разветвленной многоуровневой оборонительной системы – рассматривается Г.А. Амичба как отражение процесса формирования и укрепления абхазского раннесредневекового государства и его столицы.

Исследования убедительно показывают, каким образом углубленный анализ одного памятника способен повлечь за собой пересмотр более широких теоретических построений. В предложенной автором интерпретации Анакопия предстает как системообразующий центр в структуре расселения, обороны и управления, что открывает возможность для нового осмысления пространственной конфигурации Абхазского царства и принципов его территориальной организации.

Подобная исследовательская стратегия была направлена против редукционистских схем, в рамках которых Абхазия трактовалась преимущественно как периферийная зона более мощных государственных образований. Г.А. Амичба последовательно обосновывал тезис о наличии собственной внутренней логики развития абхазского общества, располагавшего автономными центрами политической консолидации и действенными механизмами интеграции власти и территории. В этом проявляется одна из существенных характеристик его научного метода – способность, опираясь на тщательный источниковедческий анализ и археологическую конкретику, выходить к обоснованным историческим обобщениям, не снижая при этом уровня

доказательности. Исследования, посвященные Анакопии, стали важным этапом в формировании современной концепции средневековой истории Абхазии и задали методологические ориентиры для последующих работ в области исторической географии, фортификационной проблематики и военно-политической истории региона.

Научная позиция Г.А. Амичба по актуальным вопросам истории Абхазии нашла отражение в созданной им серии монографий, увидевших свет в 90 – 2000-е годы, а также в разделе «Средневековый период IV–XVIII вв.» в коллективной монографии «Абхазы» (2007).[4]

Концептуальной основой работы Г.А. Амичба «Культура и идеология раннесредневековой Абхазии V–X вв.» (Сухум, 1999)[5] выступает тезис о том, что становление раннесредневековой культуры представляет собой не разрыв с предшествующей традицией, а ее структурное преобразование в новых политических и конфессиональных условиях. Исследователь аргументированно утверждает, что уже в V–VI вв. уровень материальной и духовной культуры местного населения был достаточно высок, а историческая жизнь отличалась непрерывностью и внутренней динамикой.

В качестве ключевого фактора, определившего идейный облик эпохи, Г.А. Амичба рассматривает христианизацию. Он предлагает дифференцированный анализ этого процесса применительно к отдельным этнополитическим единицам – апсилам, абазгам и мисимианам,[6] – рассматривая его в неразрывной связи с дипломатическими стратегиями Византийской империи эпохи Юстиниана I. Автор отмечает, что религиозная политика ромеев сочетала миссионерские задачи с укреплением полити-

[4] Абхазы. (Народы и культуры). М., 2007. С. 64–73.

[5] Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии V–X вв. Сухум, 1999.

[6] Там же. С. 22–29.

ческого влияния на восточном побережье Черного моря. Тем самым христианизация предстает как фактор не только духовной, но и геополитической интеграции региона. В институциональном аспекте автор прослеживает становление церковной организации, трактуя формирование к концу VII в. самостоятельной Абазгской автокефальной епархии с центром в Севастополисе как показатель укрепления региональной политической субъектности.

Христианство как стержень средневековой культуры, согласно Г.А. Амичба, создало духовную основу ранней абхазской государственности. Культовое строительство, развитие архитектуры и монументального искусства интерпретируются им как материальное выражение новой идеологической парадигмы. Ее становление, по мнению автора, происходило в контексте византийского цивилизационного влияния, определявшего основные ориентиры культурного развития региона. При этом восприятие византийской традиции по Г.А. Амичба не сводилось к механическому воспроизведению внешних образцов, а сопровождалось творческой переработкой в соответствии с локальной художественной и мировоззренческой средой. Теоретически значимым достижением монографии является разработка проблемы христианско-языческого синкретизма. Г.А. Амичба показывает, что рецепция христианства в абхазской среде происходила посредством адаптации его догматических и символических форм к традиционной системе ценностей – кодексу «апсуара».[7]

Значительное место в работе занимают проблемы языка и письменности. Особую доказательную силу исследованию придает обращение к эпиграфическим источникам, тщательный анализ которых позволил подтвердить статус греческого языка как языка элиты и межрегионального общения. Опираясь на этот материал, исследователь обосновывает тезис о доминировании

[7] Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии V–X вв. Сухум, 1999. С. 20-21.

греческого в сфере богослужения и письменной культуры, что соответствовало общей ориентации Абхазии на византийский культурно-религиозный ареал. Г.А. Амичба резюмирует: «Все имеющиеся в распоряжении ученых материалы свидетельствуют о том, что в позднеантичной и раннесредневековой Абхазии официальным церковным языком являлся греческий».[8] Вместе с тем, признавая доминирование греческого, исследователь допускает возможность использования абхазского языка в устной литургической практике, особенно в пастырской работе с широкими слоями населения, что указывает на формирование двуязычной коммуникативной модели.

Монография Г.А. Амичба «Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений VI–X вв.)» (Сухум, 2002)[9] значительно расширила предметное поле отечественной медиевистики, вводя в исследовательский контекст проблематику, существенную для понимания закономерностей исторического развития Абхазии. В научно-методологическом плане данная работа представляет собой первую в абхазской историографии попытку построения системной модели социально-экономического развития региона в VI–X вв. Г.А. Амичба рассматривает раннее Средневековье как этап структурной трансформации позднеантичного общества, в ходе которой происходило формирование феодальных отношений. При этом становление новых форм собственности, социальной стратификации и власти выводится им из внутренних процессов развития производительных сил при одновременном активном участии региона в межрегиональном обмене.

---

[8] Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии V–X вв. Сухум, 1999. С. 43.

[9] Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений VI–X вв. Сухум, 2002.

Анализ хозяйственной системы выстроен по принципу комплексности и учитывает природно-географическую специфику страны. Разграничение приморской и горной зон позволяет автору выявить дифференцированные типы хозяйствования, находившиеся в отношениях взаимодополняемости. Основу экономики составляло многоотраслевое сельское хозяйство, включавшее пашенное земледелие, подсечно-огневые формы обработки земли, садоводство, виноградарство и развитое скотоводство.

В зерновом производстве ведущую роль играли пшеница и ячмень, дополнявшиеся просом и бобовыми культурами. Эта продукция формировала продовольственную базу укрепленных центров и обеспечивала избыточный продукт, вовлекавшийся в обменные операции. Скотоводство, в том числе отгонного типа с использованием высокогорных пастбищ (ацангуар), рассматривается исследователем как один из ключевых факторов экономической устойчивости. Оно обеспечивало население не только продуктами питания и сырьем, но и тягловой силой. Реконструкция сезонных перемещений стад и их пространственная корреляция с системой укрепленных пунктов и дорог позволяет автору говорить о наличии организованного контроля над ресурсами.

Ремесленное производство интерпретируется автором как показатель усложнения социальной организации. На основании археологических материалов Г.А. Амичба выявлены специализированные центры металлообработки, гончарного, камнерезного и текстильного ремесел. Концентрация мастерских вблизи административных и крепостных центров свидетельствует о существовании устойчивого спроса со стороны военной и управленческой элиты на их продукцию. Типологический и технологический анализ керамики, металлических изделий и строительных материалов позволил Г.А. Амичба проследить динамику локальных традиций и степень их включенности в

более широкий причерноморский и закавказский экономический ареал. Особое внимание уделено коммуникационной инфраструктуре. Система внутренних дорог и транзитных путей обеспечивала связь между приморскими центрами и горными районами, способствуя межкавказским контактам, автор отмечает включенность Абхазии в международную торговлю.[10]

Городские центры рассматриваются в монографии как узловые элементы социально-экономической структуры. Продолжая античную традицию урбанистического развития, они выполняли одновременно административные, военные и торгово-ремесленные функции. Планировочная организация поселений, наличие культовых сооружений, складских помещений и ремесленных кварталов интерпретируются Г.А. Амичба как признаки институционализации власти и усложнения общественных связей.

Особое внимание в трудах ученого уделяется реконструкции комплекса вооружения, включавшего оружие ближнего боя (мечи, сабли, кинжалы, боевые топоры, копья), дистанционного поражения (луки со стрелами, дротики, пращевые камни) и защитные доспехи (щиты с умбонами, кольчуги, панцирные пластины).[11] Г.А. Амичба подчеркивает высокий уровень развития оружейного дела, подтверждаемый использованием техники сварочного дамаска, и рассматривает систему оборонительных сооружений (Анакопийская, Цебельдинская крепости, Келасурская стена) как неотъемлемую часть военной организации.

Исследователь уделял особое внимание материальной культуре как ключевому источнику для реконструкции повседневной жизни. Изучение керамики, металлических изделий, оружия, ювелирных украшений и предметов бытового назначения позволило ему восстановить технологические навыки, эстети-

---

[10] Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений VI–X вв. Сухум, 2002. С. 216-220.

[11] Там же. С. 123-135.

ческие предпочтения и социальные практики населения. Например, анализ оружия – мечей, наконечников стрел, кольчуг – позволял исследователю реконструировать военную организацию, а типологический разбор украшений и костюмов – социальную дифференциацию и культурные связи с соседними регионами. Важным компонентом была и археологическая фиксация изменений в строительной технике: переход от сухой каменной кладки к сложным инженерным системам отражает как техническое совершенствование, так и рост политической и экономической стабильности.

В целом монография Г.А. Амичба демонстрирует пример комплексного социально-экономического анализа, в котором природная среда, хозяйственная специализация, урбанизация, социальная стратификация и торгово-коммуникационные связи рассматриваются как взаимосвязанные компоненты единой системы. Именно эта система, по убеждению исследователя, создала материальные предпосылки для становления устойчивых форм раннесредневековой абхазской государственности.

Труд Г.А. Амичба «Историческая антропонимия абхазов» (Сухум, 2010)[12] представляет собой закономерный итог его многолетних исследований в области средневековой истории, источниковедения и исторической лингвистики. В данной работе автор, умело сочетая историко-филологический и культурно-антропологический подходы, выходит за рамки узкоспециального ономастического анализа и предлагает целостную интерпретацию антропонимической системы как важнейшего инструмента реконструкции политической, социальной и культурной истории Абхазского царства. Исследование убедительно демонстрирует, что личное имя в средневековом обществе являлось не только средством индивидуализации, но и носителем информации о династической легитимности, конфессиональ-

[12] Амичба Г.А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). Сухум, 2010.

ной принадлежности, культурной ориентации и социальном статусе.

Монография открывается обстоятельным источниковедческим анализом памятника генеалогии, известного как «Диван абхазских царей». Г.А. Амичба рассматривает его как текст с выраженной политической и идеологической функцией. Исследователь привел убедительные доводы в пользу существования, наряду с грузинским, греческого варианта документа.[13]

По мнению Г.А. Амичба, документ был создан в условиях династической трансформации и служил инструментом легитимации власти посредством конструирования непрерывной линии преемственности. Тем самым антропонимический материал вводится в поле анализа как элемент политической программы и исторической памяти. Г.А. Амичба выявляет три основных культурно-исторических пласта в именослове абхазских царей. Первый – абхазо-адыгский, отражающий автохтонную традицию и восходящий к глубинным слоям местной культуры; второй – иранский, представленный именами, свидетельствующими о ранних контактах с Передней Азией; третий – греко-византийский, доминирующий с периода утверждения христианства. Автор стремится выявить социокультурные коннотации, политическую и идеологическую символику, заложенную в династических именах, мотивы номинации, этимологию и формульность имен, а также выявить смену культурных доминант в правящей среде.

Значительный вклад в историческую реконструкцию вносит анализ двухкомпонентных именований, фиксируемых в источниках. Прозвищные определения, сопровождающие имена правителей, рассматриваются автором как самостоятельный пласт исторической информации. Они позволяют выявить территориальные связи внутри династии, особенности удельного зем-

[13] Амичба Г.А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). Сухум, 2010. С. 10-11.

левладения, а также конкретные эпизоды политической борьбы. Таким образом, антропонимия используется не только для общей характеристики культурной среды, но и для уточнения конкретных событий и механизмов функционирования власти. Так, анализируя проблему так называемой «династии Шавлиани», Г. А. Амичба убедительно опровергает укоренившееся мнение о том, что в IX в. власть в Абхазском царстве была узурпирована неабхазской по своему происхождению династией Шавлиани (Иоанн и Адарнасе). Г.А. Амичба отмечал: «Шавлиани – индивидуальный, персональный, но не наследственный титул Иоанна. Он, став обладателем местности Шавли, был прозван «Иоанн Шавлиани», после же воцарения он уже не титулован по прозвищу Шавлиани. Адарнас, сын Иоанна, вообще не носил прозвище Шавлиани, ибо лично он не являлся обладателем Шавли».[14] Исследователь полагал, что «Иоанн и Адарнас являлись (если не прямыми потомками царя абхазов Георгия I), то представителями той же абхазской династии Леонидов, одной из ее боковых ветвей».[15] Тем самым генеалогическая преемственность правящего дома получает более взвешенное и источниковедчески обоснованное объяснение.

Словарные статьи антропонимов, бытовавших в древней и средневековой Абхазии, составляют важнейшую справочную и аналитическую часть исследования. В них последовательно представлены этимология, исторические формы употребления и культурно-исторические коннотации каждого имени, что позволяет проследить динамику антропонимической системы на протяжении длительного периода. Систематизация подобного материала не только расширяет возможности ономастических исследований, но и создает надежную источниковедческую базу для дальнейшего изучения политической, социальной и

[14] Амичба Г.А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). Сухум, 2010. С. 44.

[15] Там же. С. 46.

культурной истории Абхазии. Антропонимический корпус, собранный и проанализированный автором, приобретает значение самостоятельного инструмента исторической реконструкции и открывает новые перспективы для междисциплинарных исследований в области медиевистики, исторической антропологии и лингвистики.

Подводя итог, следует отметить, что научное наследие Георгия Александровича Амичба представляет собой целостный и концептуально выстроенный корпус исследований, посвященных ключевым проблемам исторического абхазоведения. Его труды объединены идеей исторической преемственности, позволившей рассматривать становление государственности, развитие культуры, хозяйственной системы и династической традиции как взаимосвязанные элементы единого процесса.

Отличительной чертой работ Г.А. Амичба является методологическая строгость и опора на комплексный анализ источников – письменных, археологических, лингвистических. Внимание к тексту, критическое отношение к историографическим построениям, стремление соотнести локальный материал с более широким историческим контекстом обеспечили его исследованиям устойчивую научную значимость. При этом конкретные сюжеты – политическая география, христианизация, социально-экономическая структура, антропонимия правящей элиты – в интерпретации автора выходят за рамки частных реконструкций и способствуют осмыслению внутренней логики развития абхазского общества. Тем самым его труды сохраняют не только историографическое, но и методологическое значение, оставаясь ориентиром для последующих поколений исследователей и важным вкладом в формирование академической традиции изучения средневековой истории Абхазии. Работы Г.А. Амичба заложили основу для новых открытий, чтобы грядущие поколения исследователей, «встав на плечи» предшественников, могли видеть дальше и лучше.

Литература

1. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Перевод и комментарии Г.А. Амичба. Сухуми, 1986.

2. Амичба Г.А. Новый Афон и его окрестности (исторический очерк). Сухуми, 1988.

3. Абхазы. (Народы и культуры). М., 2007.

4. Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии V–X вв. Сухум, 1999.

5. Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего Средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений VI–X вв.). Сухум, 2002.

6. Амичба Г.А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). Сухум, 2010.

АРХИМАНДРИТ ДОРОФЕЙ (ДБАР),
д-р теологии, доц. кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии

ХРАМ КИАЧНЫХА: АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ЦЕРКОВНЫЕ ДРЕВНОСТИ

Аннотация. *В статье представлено комплексное историко-археологическое и теологическое исследование средневекового храма Киач (Киачныха), расположенного в горной части Очамчырского района Абхазии. Автором систематизированы данные по географическому положению и архитектурно-типологическим особенностям памятника, атрибутируемого как трехнефная базилика с изолированными нефами (mur cloisonnée).*

Особое внимание уделено дискуссионным вопросам датировки храма: сопоставляются существующие в историографии концепции (от VII до XI вв.), при этом в качестве ключевого хронологического индикатора (terminus ante quem) рассматриваются предметы церковной утвари. В работе детально анализируется серебряная рипида X в. с надписью абхазского царя Георгия II, позволяющая уточнить время функционирования храма.

Важной составляющей исследования является анализ трансформации образа храма в народной памяти. Автор рассматривает фольклорные сюжеты о «строительной жертве», родовых святынях и мифологизированные представления о перемещении «огненных» святынь, проводя параллели между народными преданиями и библейской экзегезой. Статья подчеркивает необходимость проведения полномасштабных археологических раскопок для верификации ранних этапов истории памятника.

Ключевые слова: *храм Киач, Киачныха, село Джгярда, Чегем, река Кодор, Абхазское царство, Георгий II, трехнефная базилика, литургическая утварь, серебряная рипида, чеканное искусство, Тетраморф, архангел Гавриил, христианство в Абхазии, народное православие,*

святыня (аныха), фольклор, строительная жертва, род Киачаа (Гечаа).

Abstract. *This article presents a comprehensive historical-archaeological and theological study of the medieval Church of Kiach (Kiachnykha), located in the mountainous part of Ochamchira district of Abkhazia. The author systematizes data on the geographical location and architectural-typological features of the monument, which is identified as a three-nave basilica with isolated naves (cloisonnée type).*

Special attention is given to the debatable issues of the church's dating: existing historiographical concepts (ranging from the 7th to the 11th centuries) are compared, while items of church utensils are considered as a key chronological indicator (terminus ante quem). The work provides a detailed analysis of a 10th-century silver ripidion bearing an inscription of the Abkhazian king George II, which helps to clarify the period of the church's functioning.

A significant element of the study is the analysis of the transformation of the church's image in folk memory. The author examines folklore narratives concerning "building sacrifice," clan shrines, and mythologized perceptions of the movement of "fiery" icons, drawing parallels between folk traditions and biblical exegesis. The article underscores the necessity of conducting full-scale archaeological excavations to verify the early stages of the monument's history.

Keywords: *Kiach Church, Kiachnykha, Jgyarda village, Chegem, Kodor River, Abkhazian Kingdom, George II, three-nave basilica, liturgical utensils, silver ripidion, toreutic art, Tetramorph, Archangel Gabriel, Christianity in Abkhazia, folk Orthodoxy, shrine (anykha), folklore, building sacrifice, Kiachaa family (Gechaa).*

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Руины средневекового христианского храма Киач, известного в местной традиции как Киачныха[1], расположены в Очам-

[1] В современной научной литературе наблюдается вариативность в передаче данного топонима: встречаются формы *Киач*, *Кеч* и *Кяч*. С точки зрения фонетической точности, абхазской форме *Қьач* [Кэарчиа, 2002, ад. 467] наиболее соответствуют варианты *Кьач* или *Кьяч*. Однако в русскоязычной традиции закрепились формы *Киач* или *Кяч*, что обусловлено артикуляционной сложностью палатализованных сочетаний для русскоязычной аудитории.

чырском районе Республики Абхазия. Памятник находится в горной части с. Джгярда (*Цьгьа́рда*), в местности Чегем, на одноименном холме (рис. 1).

Согласно Иосифу Адзинба, храм возведен на плоской поверхности отрога Панаюского хребта, на высоте около 1200 м над уровнем моря [Адзинба, 1958, с. 90]. По более современным

Вариант *Кеч* представляется наименее обоснованным, так как в наиболее ранней известной фиксации топонима, датируемой X в., используется форма *Қиач* [Чубинашвили, т. 1, 1959, с. 138].

При именовании памятника как культового объекта (святилища) также дискуссионным остается вопрос использования аффикса *-ных*/*-ныха*. Проф. Ш. Инал-ипа в подготовленном им перечне древнеабхазских святилищ использует форму *Кьач-ных* (*Қьач-ных*) [Инал-ипа, 1976, с. 303]. Следует отметить, что в работе названного исследователя наблюдается терминологическая вариативность: одни названия имеют окончание *-ных* и пишутся либо слитно, либо через дефис (например, *Айтарных*, *Лыдзаа-ных*), другие же – окончание *-ныха* (*Ебырныха*, *Елыр-ныха*). При этом автор не приводит объяснений подобному различию. Тем не менее, учитывая этимологическую связь абхазской основы *а-ныха* с аланским (осетинским) *ныхас* [Джонуа, 2004, с. 428], филологически более корректным для научной работы представляется использование полногласного варианта – *Киачныха (Қьачныха)*. Данный вариант написания также верифицируется материалами В. Кварчия, зафиксированными в труде «Топонимика Абхазии» [Кәарҷиа, 2002, ад. 467].

В специальной литературе исследуемый объект также упоминается под названием *Киач-абаа* (абх. *абаа* – крепость) и *Киач-Абааныха* или *Аныхабаа* [Сангулиа, 1969, с. 93; Бердзенишвили, 2010, с. 319, 323; Ендольцева, 2017, с. 45; Ендольцева, 2020, с. 315]. Подобная дефиниция объясняется сложившейся в советский период традицией в народной среде и локальной топонимике отождествления любых монументальных руин с фортификационными сооружениями. Аналогичная терминологическая подмена зафиксирована и на примере других памятников церковного зодчества Абхазии. Так, раннехристианская базилика Амбара (пос. Мюссера, с. Мгудзырхуа) в местной традиции также именуется крепостью (*абаа*). Как мы уже отметили, в абхазской топонимике для обозначения храма и прилегающей сакральной территории традиционно используются компоненты *-ныха* или *-ных*. Искусственная форма *аныхабаа* (букв. *церковь/святилище-крепость*) является нетипичной и, по всей видимости, представляет собой позднейший лексический конструкт, возникший в результате наслоения разнородных определений объекта.

уточненным данным с использованием GPS-навигации, высота объекта составляет 1030 м над уровнем моря, а его географические координаты – 42°58’52» с.ш., 41°21’40» в.д. [Ендольцева, 2020, с. 315].

Храм занимал стратегически важное положение на одной из старинных перевальных дорог, связывавших левобережье р. Кодор (села Адзюбжа, Атара, Джгярда) с долиной Цабала и Далом. Объект расположен в 8 км к югу от русла Кодора. Путь пролегал через урочище Амзара к Багадскому мосту – ключевому пункту переправы через Кодор. Ю.Н. Воронов описывает подход к памятнику как «долгую тропу через буковый и тисовый лес», выводящую из урочища Амзара непосредственно к перевалу, на котором покоятся руины [Воронов, 1977, с. 33].

Важной деталью ландшафтного контекста является связь памятника с оборонительными сооружениями региона. Царбей Бжания зафиксировал расположение храма Киачныха (датируется им IX–X вв.) в непосредственной близости от трассы Великой Абхазской стены, между поселками Чегем и Бакькан. В этом районе к югу от стены им были обнаружены остатки древней мостовой из тесаных известняковых булыжников, что подтверждает статус данной местности как благоустроенного транспортного узла в период Средневековья [Бжания, 1973, с. 11, прим. 2].

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТИПОЛОГИЯ ХРАМА

Киачский храм, представлявший собой некогда монументальное сооружение[2], дошел до нашего времени в руинирован-

[2] Сравнительный анализ метрических данных памятника выявляет существенные расхождения в данных о его площади. При внешних габаритах 24 × 16,5 м, приводимых в ряде исследовательских работ (см. ниже), общая площадь застройки составляет 396 м². В то же время, если исходить из параметров 17,5 × 16,5 м, которые мы встречаем у других авторов (см. ниже), площадь объекта сокращается до 288,75 м². В каталоге «Позднеантичные и

ном состоянии (восточная, западная и северная стены храма сохранились до уровня сводов). Согласно сведениям И. Адзинба, впервые описавшего объект по результатам натурного осмотра в ноябре 1939 г., в тот период практически полностью сохранялась восточная стена, тогда как остальные участки кладки находились в значительно худшем состоянии [Адзинба, 1958, с. 91]. К сегодняшнему дню степень сохранности памятника снизилась: южная стена сооружения разрушена полностью.

Храм атрибутируется как трехнефная базилика с изолированными нефами и тремя не выраженными снаружи апсидами (тип *cloisonnée*) [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 155]. Согласно типологии Л. Рчеулишвили, такой архитектурный тип представлен в Абхазии узкой группой памятников, в которую также входят храмы в Старой Гагре, Амбаре (Мюссера) и крепости Аба-Анта (Лыхны) [Рчеулишвили, 1978, с. 23]. При этом исследователь полагал, что Киачский храм является наиболее поздним образцом названного архитектурного стиля [Рчеулишвили, 1988, с. 75–76]. По своему прямоугольному плану объект обнаруживает

средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья» указана площадь около 289 м² [Требелева, Саканиа и др., 2024, с. 23–24]. При такой фиксации площади (что соответствует расчетным параметрам 17,5 × 16,5 м) авторы того же издания в качестве линейных размеров базилики приводят цифры 24 × 16,5 м. Данное несоответствие между указанными габаритами и итоговой площадью в тексте каталога свидетельствует о технической ошибке или использовании при описании объекта невыверенных данных.

Если говорить о вместимости Киачской базилики, при общей площади застройки 396 м² полезная площадь интерьера (за вычетом толщины стен и алтарной части) оценивается примерно в 277 м². В этом случае средняя вместимость храма составляет ок. 500 человек (из расчета 2 чел./м²), а в дни больших церковных праздников при максимальном заполнении (4 чел./м²) здание могло вмещать до 1000 человек. Такие показатели ставят Киач в один ряд с крупнейшими храмами периода Абхазского царства. При варианте площади 288,75 м² (соответствующем размерам 17,5 × 16,5 м) полезная площадь сокращается до 190–200 м². При таких параметрах средняя вместимость составляет 380–400 человек, а максимальная – до 800 человек.

наибольшее сходство с церковью в Амбаре [Адзинба, 1958, с. 90; Хрушкова, 2015, с. 130]. Последний расположен на побережье в пос. Мюссера Гудаутского района (ранее территория с. Мгудзырхуа). По мнению А.Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, сходства двух этих храмов, которые видны в таких уникальных чертах, как устройство укороченной платформы в южном нефе и система прохода в западный компартимент северного нефа, допускают вероятность, что «Киачский храм является упрощенной (без нартекса и хор) копией перестроенной Мюссерской базилики» [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 156].

В историографии Киачский храм представлен как элемент единого ансамбля (включающего башню и ограду) – в работе В. Пачулиа [Пачулиа, 1968, с. 94]. Позднее Ю.Н. Воронов дополнил эти сведения, зафиксировав руины прилегающего прямоугольного строения [Воронов, 1977, с. 33]. Наиболее полная графическая фиксация памятника была выполнена В.А. Логиновым и В. Касландзия по результатам натурных изысканий 1983 г.; на представленном ими плане впервые отображены фундаменты прямоугольной западной пристройки [Логинов, Касландзия, 1988, с. 54, рис. 2].

На сегодня исследователи располагают несколькими планами Киачского храма. Первый из них был выполнен, по всей видимости, Ю.Н. Вороновым (рис. 2, *1*) на основе его собственных натурных измерений [Воронов, 1977, рис. 15.2]. Второй план, который до настоящего времени сохраняет статус базового в специальной литературе, был подготовлен Л. Рчеулишвили (рис. 2, *2, 3*) [Рчеулишвили, 1978, с. 24; Рчеулишвили, 1988, с. 75]. Наконец, наиболее полная графическая фиксация памятника, как мы уже отметили выше, осуществлена В. А. Логиновым и В. Касландзия; на их чертеже впервые отображены фундаменты прямоугольной западной пристройки (рис. 2, *4*) [Логинов, Касландзия, 1988, с. 54, рис. 2]. Следует отметить, что на плане Л. Рчеулишвили, опубликованном в 1978 г., также зафиксирова-

ны начальные участки южной и северной стен все той же западной пристройки (рис. 2, *2*).

В историографии Киачской базилики в определении ее размеров наблюдаются значительные расхождения. И. Адзинба, выполнивший первичный обмер храма, зафиксировал параметры 17,5 × 16,5 м [Адзинба, 1958, с. 90]; впоследствии эти данные были транслированы в ряде работ, включая исследование Л.Г. Хрушковой [Хрушкова, 2015, с. 130]. Иные результаты измерений – 24 × 16,5 м – приводят А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий, основываясь, вероятно, на масштабированном плане Л. Рчеулишвили [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 155]. Аналогичные показатели содержатся и в коллективном каталоге «Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья» [Требелева, Сакания и др., 2024, с. 23–24].

Столь существенное расхождение в показателе длины сооружения обусловлено объективными трудностями полевых работ: из-за сильного снегопада И. Адзинба не смог верифицировать наличие западного притвора, что привело, очевидно, к исключению его площади из общих замеров памятника.

Что касается конструктивных особенностей Киачского храма, основной его корпус возведен из тесаного известнякового туфа (травертина) местного происхождения. И. Адзинба удалось зафиксировать все три локации добычи этого камня, использованного при строительстве данного объекта [Адзинба, 1958, с. 90]. Толщина стен составляет около 1 м. В строительной технике отмечено сочетание каменной кладки с кирпичными (плинфяными) элементами в арочных перемычках дверных проемов. Храм был покрыт черепицей (длина – 40 см, толщина – 2 см, высота бортика – 6 см) [Адзинба, 1958, с. 91].

В историографии мнения относительно отделки интерьера и фасадов храма разделились. И. Адзинба полагал, что здание не имело штукатурного слоя ни снаружи, ни внутри [Адзинба, 1958,

с. 91]. Противоположную точку зрения высказывал Ю.Н. Воронов, указав на наличие в прошлом штукатурки с фрагментами «яркой фресковой росписи», однако без приведения конкретных находок, подтверждающих данную гипотезу [Воронов, 1977, с. 33].

Натурные исследования 2016 г. внесли уточнения в представление о внутреннем устройстве храма. Обнаруженная белокаменная деталь (предположительно – основание арки) позволила Е.Ю. Ендольцевой сделать вывод о существовании в интерьере алтарной преграды [Ендольцева, 2020, с. 319–320].

В конструкции сводов храма применялись голосники – специальные керамические сосуды, служившие для улучшения акустики и облегчения веса перекрытий. Несмотря на то что сами своды к настоящему времени утрачены, фрагменты такой керамики были зафиксированы в завалах внутри здания [Требелева, Саканиа и др., 2024, с. 23–24].

Важной особенностью интерьера Киачской базилики является повышение уровня пола в восточных частях всех трех нефов. Исследователи А.Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий отмечают, что площадь приподнятого пространства в южной апсиде недостаточна для размещения полноценного алтаря. Это позволяет предположить наличие здесь специфического литургического устройства – вероятно, мощехранилища, что находит прямые аналогии в архитектурном решении Мюссерского храма [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 155].

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

В историографии сложились три основные концепции датировки памятника, соответствующие ключевым этапам развития региона: 1) раннесредневековая (VI–VII вв.) – эпоха становления христианства; 2) эпоха Абхазского царства (VIII–X вв.) – период правления династии Леонидов; 3) позднеабхазская (XI в.) – период правления абхазской ветви Багратидов.

Анализ научной литературы демонстрирует отсутствие консенсуса даже в трудах одних и тех же авторов. И. Бердзенишвили в последних работах относит сооружение к раннехристианскому периоду (VI–VII вв.) [Бердзенишвили, 2010, с. 317–324], хотя ранее он же датировал Киачский храм VIII–IX вв. [Бердзенишвили, 2006, с. 12]. Л. Рчеулишвили первоначально сближал памятник с базиликой в Амбара, датируя их оба по стилистическим признакам VII–VIII вв. [Рчеулишвили, 1978, с. 23]. Однако в последующей публикации исследователь сместил хронологические рамки к VIII–X вв. [Рчеулишвили, 1988, с. 75–76]. А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий подчеркивают, что автор так и не предложил точной датировки [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 156].

Составители каталога «Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья», опираясь на специфику строительных материалов – использование тонкого кирпича (плинфы) (3,5 см) и раствора с низким содержанием песка, – обосновывают принадлежность Киачского храма к VII в.

Согласно этой гипотезе, первоначальное ядро храма было однонефным. Боковые же нефы рассматриваются как вторичные пристройки периода Абхазского царства, на что указывают два ключевых архитектурных признака: отсутствие конструктивной перевязи между кладкой основного объема и боковых частей; наличие «фасадных» окон, оказавшихся во внутреннем пространстве между нефами после расширения здания [Требелева, Саканиа и др., 2024, с. 24].

Важное уточнение: сведения о толщине кирпича в 3,5 см приводятся исключительно в названном каталоге. В работах остальных исследователей зафиксированы иные параметры – 5-6 см, что является существенным расхождением для атрибуции памятника.

Ряд исследователей связывает строительство Киачской базилики с периодом существования Абхазского царства. Так, Ц.

Бжания датирует памятник IX–X вв. [Бжания, 1973, с. 11], между тем, А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий уточняют это время до последней трети X в. (ок. 970 г.). Свою позицию последние авторы аргументируют использованием в арочных перекрытиях дверей кирпича (33 × 26 × 5–6 см), который в абхазской архитектуре встречается преимущественно до 1000 г. Сходство формата кирпича и специфических планировочных черт (устройство укороченной платформы в южном нефе и система прохода в северный неф) позволяют авторам рассматривать Киачский храм как упрощенную копию перестроенной Мюссерской базилики (рис. 3, *1*, *2*) [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 156].

Однако версия о строительстве храма в конце X в. вступает в противоречие с датировкой предметов церковной утвари Киачской базилики, которую Г. Чубинашвили относил к середине X в. (см. ниже). Пытаясь разрешить эту коллизию, А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий допускают возможность более позднего происхождения предметов: «В своем анализе этих предметов Чубинашвили указал им стилистические аналоги в рамках как X, так и XI в., так что они могут быть и вкладом Георгия II (1072-1089)» [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 155]. Такой аргумент представляется нам недостаточно убедительным и требует дополнительной верификации.

Согласно выводам Е.Ю. Ендольцевой, стилистические и иконографические особенности обнаруженного в храме фрагмента (предположительно – основание арки алтарной преграды) позволяют датировать его X–XI вв., что косвенно подтверждает постройку памятника в этот хронологический отрезок [Ендольцева, 2020, с. 319–320].

Наконец, ряд исследователей относят возведение Киачской базилики к XI в. Если в работе В.А. Логинова и В. Касландзия эта датировка приводится без какой-либо аргументации [Логинов, Касландзия, 1988, с. 51], то Л.Г. Хрушкова обосновывает ее морфологическими особенностями памятника. В частности,

она указывает на асимметрию боковых компартиментов и специфическую структуру опор – три пары пилястр с двумя выступами, которые рассматриваются как характерный датирующий признак. Проводя типологические аналогии с храмами в Айлага-Абыку (X в.) и Герзеуле (XI–XII вв.), Л.Г. Хрушкова локализует время строительства Киачского храма в пределах XI в. При этом исследователь подчеркивает предварительный характер такой хронологии и необходимость проведения полномасштабных археологических изысканий для ее окончательного подтверждения [Хрушкова, 2015, с. 130].

Окончательная верификация хронологии Киачского храма невозможна без проведения комплексных археологических исследований. Тем не менее, если датировка предметов церковной утвари, происходящих из этого памятника (рипиды, кадила и фрагменты потира), признается верной (см. ниже), можно предположить, что к середине X в. базилика уже была возведена и функционировала. Таким образом, наличие литургических предметов данного периода выступает в качестве *terminus ante quem* (конечной даты) для определения времени строительства объекта.

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ РАСКОПКИ

В течение XX столетия территория Киачского храма неоднократно подвергалась несанкционированным раскопкам, что нанесло урон его стратиграфии и погребальному инвентарю. Первый случай разграбления относится к 1908–1910 гг. Согласно данным И. Адзинба, в этот период «кладоискателями» был разорен погребальный склеп, расположенный в 150–200 м к северу от базилики [Адзинба, 1958, с. 92].

Второй масштабный инцидент произошел в ходе лесозаготовительных работ в 1969 г. По свидетельству Сандра Сангулия, при поиске артефактов на территории памятника применялась

тяжелая дорожная техника. В районе произрастания вековой липы была вскрыта и впоследствии разрушена гробница, сооруженная из известняковых плит на известковом растворе. Внутри находилось нетронутое захоронение, сопровождаемое керамическим инвентарем. Наиболее примечательной находкой являлся набор из четырех кувшинов у изголовья погребенного, вложенных один в другой (сосуды были фрагментированы в процессе извлечения). Несмотря на призыв С. Сангулия к научному сообществу о необходимости спасательных работ, полноценного археологического обследования объекта в тот период проведено не было [Сангулиа, 1969, с. 93].

Сведения о несанкционированных работах конца 1960-х гг. получили подтверждение в ходе нашей экспедиции в августе 2005 г. Согласно показаниям информанта Шоты Каджая, в указанный период со стороны храмовой горы был слышен взрыв, после чего зафиксирован отход группы из семи человек. Вероятно, респондент допустил незначительную ошибку в датировке (указав 1968 г.), и речь идет о тех же событиях 1969 г., которые описывал С. Сангулия.

Труднодоступность и высокогорное расположение Киачского храма предопределили его слабую археологическую изученность. На сегодня научный потенциал памятника остается нереализованным, а ключевые вопросы его истории – дискуссионными. Как мы уже отметили, только проведение планомерных стационарных раскопок позволит верифицировать ранние этапы функционирования храмового комплекса и получить надежные стратиграфические данные для уточнения его хронологии.

ХРАМ В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ И ФОЛЬКЛОРЕ

В XVI–XVIII вв. на фоне ослабления церковных институтов в Абхазии и утверждения османского влияния на побережье Черного моря, Киачский храм пришел в запустение. Утратив

свои прямые функции, он сохранился в народной памяти как объект устных преданий, которые были зафиксированы исследователями лишь в XX столетии. Так, И. Адзинба сообщает, что местность «Кеч» была заселена представителями фамилии «Кечевых (Кечаа, Киачаа)», однако, по его мнению, строителями храма они не являлись. Исследователь приводит легенду, приписывающую возведение сооружения представителям родов Когония и Взаркая. Согласно преданию, стены храма неоднократно обрушались, и строители, по совету старейшин, принесли в жертву своих незамужних сестер: богато разодев девушек, их замуровали в фундаменте под углами здания. Лишь после этого строительство было благополучно завершено [Адзинба, 1958, с. 91].

Очевидно, что с точки зрения хронологии возведения храма данная легенда не имеет исторической основы. Она представляет собой классический фольклорный сюжет о «строительной жертве», характерный для культур многих народов, и является результатом позднейшей мифологизации истории памятника в народном сознании.

И. Адзинба сообщает и о Киачской иконе (*Кеч-ныха*), которая, по его словам, в старину пользовалась большой популярностью среди населения Абжуйской Абхазии. Перед ней совершались ритуальные клятвы и изобличения («заклинания») преступников. Автор также упоминает, что представители фамилии Парлия, проживающие в с. Члоу, совершали в честь этой иконы жертвоприношения [Адзинба, 1958, с. 91].

Уроженец с. Джгярда С. Сангулия в заметке 1969 г. приводит версию легенды, отличную от данных И. Адзинба. Ссылаясь на рассказ родственника (сказитель Маткири Сангулия, прожил 125 лет), автор утверждает, что строителями храма Киачныха являлись представители рода Киач, проживавшие в данной местности. Сюжет о «строительной жертве» в его изложении также связан с этим родом: для упрочения стен в фундаменте

под углами здания были замурованы две девушки из фамилии Киач [Сангулия, 1969, с. 93].

Кроме того, С. Сангулия впервые фиксирует предание о переносе святыни из Киача в с. Елыр. Согласно легенде, однажды летним вечером святыня в виде огненного шара покинула храм и переместилась на юг, опустившись у подножия ольхи в Елыре, где представители рода Киачаа впоследствии возвели для нее новое святилище. С этим событием народная традиция связывает исчезновение воды в местном роднике [Сангулия, 1969, с. 93].

Существенным недостатком работы С. Сангулия является отсутствие должного внимания к архитектурному контексту: автор рассматривает объект исключительно через призму фольклора, игнорируя факт, что речь идет о крупном памятнике средневекового христианского зодчества.

Принципиально иной подход представлен в публикации проф. Г. Амичба. В журнале «Алашара» (1969 г.), непосредственно вслед за заметкой С. Сангулия, он опубликовал статью «Қьачныха аҭоурых ахьтә» («Из истории Кьячской иконы») [Амҷба, 1969, ад. 94–95]. Анализ данной работы будет представлен ниже. Здесь же заметим, что автор отмечает широкое распространение в абхазской среде ритуальных клятв перед святыней Киачныха и фиксирует различные версии ее происхождения. Согласно одним преданиям, святыня (икона) является родовой собственностью фамилии Ашуба (*Ашәаа ирныхан*) и была якобы принесена ими с Северного Кавказа. По другой версии, она принадлежала роду Когония. Сам Г. Амичба допускал, что первоначально святыня была связана с древним абхазским родом Киачаа (*ажәытәтәи аԥсуа жәларҳәыԥ Қьачаа*), известным в литературе как Гечаа [Амҷба, 1969, ад. 95].

Вопросам фольклорных традиций, связанных с Киачским храмом, уделено значительное внимание и в работе В.А. Логинова и В. Касландзия. Исследователи, опираясь на данные И.

Адзинба, подтверждают предание об участии в строительстве храма представителей родов Когония и Взаркая, уточняя написание последней фамилии как Бзаркал. По их сведениям, представители этого рода еще в начале XX в. служили в Кутольской церкви [Логинов, Касландзия, 1988, с. 51].

Несмотря на отсутствие ссылок на источники этих данных, они представляют интерес, так как именно в Кутольской церкви хранилась одна из чтимых икон архангела Гавриила, происходящая из храма Киач. Этот факт в 1912 г. был зафиксирован священником Саввой Кация [Кация, 1912, с. 195–196]. Однако наши изыскания не подтверждают наличия в указанный период священнослужителей по фамилии Бзаркал (Взаркая). Анализ «Отчета Совета Сухумского епархиального церковного братства св. Александра Невского за 1911–1912 гг.», содержащего полный пофамильный список духовенства епархии, выявил имя священника Саввы Кация, тогда как упоминания фамилий Бзаркал или Взаркая в нем отсутствуют [Отчет, 1912, с. 25].

В.А. Логинов и В. Касландзия приводят и альтернативную версию предания, согласно которой строителями храма выступали представители родов Когония и Сакания. В этой вариации сюжета о «замурованном родственнике» жертвой становится дочь Сакания, в чью честь в лощине близ храма было посажено растение, ошибочно идентифицированное авторами как просо [Логинов, Касландзия, 1988, с. 51]. Очевидно, речь идет о дикорастущем луке-порее (*праса*).

Версия об участии рода Сакания и замурованной дочери с 1980-х гг. стала доминирующей в локальной традиции с. Джгярда. Это подтверждается и материалами наших экспедиций (10 ноября 2003 г. и 24 августа 2005 г.): информанты Д. Ашуба и Ш. Каджая воспроизвели именно этот вариант легенды.

Характерно, что оба респондента акцентировали внимание на специфическом растении (луке или чесноке), произрастаю-

щем исключительно в окрестностях объекта и закрепившемся в местной топонимии под названием «*Сақаниа-ԥҳа лԥыш*» (*чеснок дочери Сакания*). Терминологическая вариативность (лук/чеснок) объясняется особенностями перевода абхазского фитонима: речь идет о Луке Кунта (*Allium kunthianum*) – многолетнем дикорастущем съедобном растении. В абхазской лексике оно известно как «ашьхацыш» (букв. *«горный чеснок»*), что обусловлено его характерным чесночным ароматом и вкусовыми качествами.

Приведенные выше данные свидетельствуют о глубокой метаморфозе коллективной памяти, произошедшей после прекращения функционирования храма. Наблюдается резкий контраст между исторической реальностью эпохи расцвета памятника и его восприятием в народном сознании к XX в.

В период своего расцвета Киачский храм представлял собой не только значимый центр христианской культуры, но и объект государственного попечения. Сложность архитектурных решений, наличие дорогостоящей церковной утвари, вложенной абхазскими царями, указывают на высокий статус памятника в церковно-административной системе средневекового Абхазского царства. Однако с течением веков, по мере деградации церковных институтов, восприятие храма в местной среде подверглось существенной примитивизации. Институциональная история была замещена фольклорным субстратом: место реальных исторических ктиторов и просветителей заняли персонажи легенд о «замурованной жертве». Таким образом, сложный культурно-религиозный ландшафт сузился до рамок локального предания, в котором единственным связующим звеном между прошлым и настоящим стали мифологемы и элементы народной ботаники, утратившие связь с первоначальными христианскими смыслами памятника.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ И ЭПИГРАФИКА

Переходя к анализу исторических сведений о Киачском храме, следует отметить крайнюю скудость доступных данных. Сегодня исследователи не располагают нарративными или иными письменными источниками, которые бы непосредственно освещали этапы строительства или функционирования памятника в период Средневековья. За исключением двух эпиграфических памятников на предметах литургической утвари (рассматриваемых ниже), практически все доступные сведения относятся к исследованиям и фиксациям XX столетия.

Специфика географического расположения объекта в труднодоступной высокогорной местности привела к тому, что в XVIII–XIX вв. он оставался вне поля зрения путешественников и ученых. В историографии существует гипотеза, высказанная Сурамом Сакания, о возможной идентификации памятника с монастырем во имя св. Михаила (архангела?), упоминаемым в сочинении Арканджело Ламберти XVII в. [Саканиа, 1988, с. 16–17; см. также: Ендольцева, 2020, с. 317].

Большой труд итальянского миссионера, префекта одесской миссии теотинцев (ранее ошибочно называемого доминиканцем) Арканджело Ламберти «Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией» (Неаполь, 1654) является ценнейшим источником по истории Восточного побережья Черного моря. Автор провел в Мегрелии восемнадцать лет (в 1633–1650-х гг.), собирая уникальные этнографические и топографические данные. Однако на текущем этапе наших исследований верифицировать упоминание Киачского храма в тексте А. Ламберти не представляется возможным: прямые указания на данный объект в работе миссионера пока нами не обнаружены.

Привлекают внимание и сведения из «Книги путешествий» («Сейяхатнаме») османского автора XVII в. Эвлии Челеби (его мать была абхазкой). Описывая субэтносы народа «абаза», Че-

леби называет и «племя Кеч» [Челеби, 2023, с. 64], локализуя его в плодородной местности вблизи судоходной реки Пишу (предположительно Псоу). По данным автора, речь идет о многочисленном (70 сел) и воинственном сообществе (до 10 тыс. воинов), обладавшем значительными ресурсами и развитым садоводством [Челеби, 2023, с. 82][3].

В современной исторической науке названная группа отождествляется с абхазским родом Гечаа (Гечба), исконно проживавшим в районе Гячрыпща (совр. граница Республики Абхазия и РФ) до депортации в Османскую империю. Г. Амичба высказывал гипотезу о тождестве древнего рода Киачаа с известным в литературе родом Гечаа [Амичба, 1969, с. 95]. Вопрос о генетической связи между западными группами Гечаа и фамилией Киачаа, а также их возможная роль в строительстве и патронаже храма Киачныха остаются открытыми и требуют дальнейшего комплексного исследования.

В опубликованном в 1959 г. фундаментальном труде Георгия Чубинашвили «Грузинское чеканное искусство» приводятся сведения о ряде предметов литургической утвари, происходящих из церкви села Обуджи (Цаленджихский район, Мегрелия; примерно в 23 км от Зугдиди). Артефакты первоначально являлись вкладами в Киачский храм и были перемещены позднее.

---

[3] «Их область плодородна и подобна саду Ирема. Здесь семьдесят сёл. Они имеют две тысячи стрелков из ружей. Имя их *бега* ... У них имеются воды жизни. Здесь есть большая река под названием Пишу, в неё заходят суда. Она стекает с горы Эльбурз и здесь впадает в Чёрное море. Это такая вода жизни, что даже в месяце июле через неё нельзя переправиться. Это безопасное место, зимой здесь стоят суда. От племени Кеч до этого места оба берега этой реки представляют собой сады Ирема, здесь сами собой растут разнообразные плоды. У этих Кечей десять тысяч воинов, большинство из них всадники. Это большой народ, они очень богатые разбойники. Мы гостили у этого племени в доме одного Абаза по имени Зепраха в селении Хавка. Для всех наших спутников-*янычар* он зарезал десять овец и устроил угощение. Мы насытились и утолили голод *сазбалем*, *шылхарчы* и *пасте*. Отсюда в двух переходах снова на запад» [Эвлия Челеби, 2023, с. 82].

Первым среди этих предметов описывается серебряная рипида[4] с частичной позолотой, содержащая надпись исторического характера на унциальном письме асомтаврули (рис. 4, *1*, *2*, *3*, *4*) [Чубинашвили, 1959, т. 2, илл. 22, 23, 24]. Согласно Г. Чубинашвили, ранее эта рипида была подробно описана Еквтиме Такайшвили в работе «Археологические экскурсии и заметки», изданной на грузинском языке в 1913 г. [Такайшвили, 1913, с. 238–240]. Текст надписи в переводе на французский язык был опубликован еще раньше М. Броссе (Voy., IX, 9). С 1923 г. предмет находится в Зугдидском историко-этнографическом музее (инв. № 525, старый № 226).

Далее Г. Чубинашвили цитирует Е. Такайшвили, отмечая, что еще в конце XIX в. рассматриваемая рипида пользовалась «большой славой и почетом в Мингрелии. Ее считали за святыню (“хати”) большой силы и при разборе выдающихся дел заставляли свидетелей приносить на ней присягу» [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 137–138].

Аналогичное сакральное отношение к рипиде как к святыне (*аныха*) сохранялось и в абхазской традиции.

Вопрос этимологии термина *аныха* является дискуссионным. Если Д. Гулиа видел в нем заимствование из грузинского ხატი (*хати*) – образ, икона [Гулиа, 1986, с. 201], то современные лингвистические исследования указывают на генетическую связь абхазской основы с осетинским (аланским) *ныхас* [Джонуа, 2004, с. 428].

---

[4] Рипи́да (от греч. *ριπίδιον*, веер) – богослужебный предмет в виде металлического круга или многогранника с изображением шестикрылого Серафима, закрепленного на длинной рукояти. Рипиды употребляются при совершении таинства Евхаристии с глубокой древности. Изначально они имели практическое назначение (отгонять насекомых от Святых Даров), но со временем приобрели символический смысл, изображая присутствие Небесных Сил у Престола. В современной практике используются диаконами и иподиаконами для осенения Святых Даров во время Анафоры, а также в архиерейских богослужениях и крестных ходах.

В современной абхазской лексике термин *аныха* полисемантичен и включает значения «святыня», «икона» и «церковь». Последнее значение подтверждается топонимикой: *Ахаш-ных(а)* («каменная церковь») или *Айтарных(а)* (церковь св. Теодора/Феодора). Примечательно, что данная семантическая модель полностью соответствует греческому *ἡ ἐκκλησία* (*ekklesia*), где значение эволюционировало от «собрания народа» (аналог осетинского *ныхас* и адыгского *хасэ*) к литургическому собранию верных и зданию храма.

В контексте «Киачныха» термин, очевидно, прилагался именно к рипиде как к чеканному образу Небесных Сил.

Б. Джонуа связывает корень осетинского слова *ныхас* с **ni-kāśa-* («являться», «сиять», «смотреть»; др.-инд. *kāś*), что коррелирует с абхазскими преданиями о перемещении святынь в виде огненных небесных тел [Джонуа, 2004, с. 428–429]. Отражение этого мотива в устной традиции о Киачском храме было зафиксировано С. Сангулия в 1969 г. (см. выше).

По сообщению Г. Чубинашвили, Е. Такайшвили также опубликовал надпись, размещенную в два столбца у каждого из изображений на четырех кругах, примыкающих к центральному квадрату, одной стороны предмета (рис. 4, *5*, *6*). Основываясь на упоминании в тексте «царя Георгия», Е. Такайшвили датировал рипиду XIV в., относя ее ко времени правления либо Георгия Блистательного (первая половина XIV в.), либо Георгия, царя Имеретинского (конец XIV в.).

Г. Чубинашвили опубликовал текст надписи на рипиде, уточнив разбивку строк и восстановив аббревиатуры под титлами (рис. 4, *7*). В его чтении и переводе текст выглядит следующим образом: «Именем Бога я, царь (*меԥеман*)[5] Георгий, положил эти рипиды в этой святой церкви Киачи (*еклесиаса Қиачс*) в

[5] Для целей филологического анализа ключевые лексемы представленного эпиграфического памятника снабжены в скобках транслитерацией в современной абхазской графике.

моление за мою душу. Священники (*мҷвделно*), когда вы будете совершать жертву Телом и Кровью Христовой, помяните меня в молитве, аминь. Святая Богородица, будь заступницей перед Сыном Твоим и Богом нашим мне, царю Георгию» [Чубинашвили, т. 1, 1959, с. 138].

Сам исследователь отождествлял упомянутого «царя Георгия» с абхазским царем Георгием II, правившим до 957 г.[6], что позволяет датировать предмет серединой X в. [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 138].

Лингвистический анализ фрагмента «еклесиаса Киачс» представляет особый интерес. Наличие флексии *-с (-са)*, являющейся маркером дательного падежа в грузинском языке, свидетельствует, что абхазский топоним *Қьач* (Киач) был интегрирован в текст без фонетических искажений.

На основе анализа надписи можно сделать два существенных вывода: 1) в дар храму была передана именно пара рипид (согласно литургической традиции), что подтверждается употреблением множественного числа; 2) текст содержит древнейшее упоминание Киачского храма, датируемое серединой X в.

В исследовании Г. Чубинашвили представлен детальный иконографический и стилистический анализ Киачской рипиды. Лицевая поверхность предмета (рис. 4, *1*, *2*), включающая центральный квадрат и четыре примыкающих к нему круга, несет единую сюжетную композицию: апокалиптическую группу Тетраморфа, состоящую из ангела (человека), льва, тельца и орла. Композиция дополнена помещенными в боковых кругах над концами крыльев антропоморфными изображениями светил в сиянии (вид *en face*), которые, согласно надписям, идентифицируются как солнце (слева) и луна (справа).

---

[6] Вопросы хронологии правления абхазских царей выходят за рамки данной статьи (подробно см.: [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 88]). Периодизация правления Георгия II приводится в соответствии с датировкой самого Г. Чубинашвили.

Внешний контур изделия, помимо парного жгута, обрамлен орнаментом, характерным для художественного металла X–XI вв. Такой тип узора представляет собой переходную форму от строгой геометрической структуры к растительной стилизации. Дополнительным декоративным элементом служит ряд полусферических «пуговок», расположенных между двойным жгутом в каждом кружке.

Особого внимания заслуживает техника обработки фона: все поле внутри центрального квадрата и боковых кругов покрыто чешуйчатым узором, выполненным точечным наколом с концентрическим кружком в центре каждого элемента. Этот же декоративный прием использован мастером для передачи фактуры оперения в верхних частях крыльев [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 138].

Иконографическая программа рипиды восходит к двум ключевым библейским текстам. В видении пророка Иезекииля (1:4–28) описывается теофаническое явление: четыре крылатых существа (тетраморф) с четырьмя ликами (человек, лев, телец и орел) поддерживают Божественный престол. Позднее, в Откровении Иоанна Богослова, тетраморф трансформируется в образ четырех отдельных апокалиптических существ (Откр. 4:6–8). В христианской традиции эти образы закрепились как символы евангелистов и различных граней земного служения Христа: Матфея (человек), Марка (лев), Луки (телец) и Иоанна (орел).

Особое значение для понимания феноменологии святыни «Киачныха» имеет именно пророчество Иезекииля. Описание огненной теофании у пророка обнаруживает примечательные параллели с абхазскими преданиями о перемещении святынь (*аныха*) в виде «клубящегося огня» или «огненного шара».

Иезекииль описывает явление Славы Господней как динамическую огненную субстанцию: «...Надвигается буря, огромная туча, пронизанная огнем. Сияние окружает ее. А там, внутри огня – словно бы янтарь; там виднелись очертания четырех существ <…>. Фигуры существ были подобны раскаленным углям

в пламени, они пылали, словно факелы <…>. Сверкал огонь, из него вырывались молнии. И сами существа неслись и метались, подобно молниям» (Иез. 1:4–14).

В контексте исследования «Киачныха» библейская цитата служит ключом к интерпретации не только иконографии чеканной рипиды, изображающей Небесные Силы, но и народных верований. Световая природа библейских существ – «пылающих как факелы» и «метающихся как молнии», – находит прямое отражение в семантике корня **ni-kāśa-* («сиять», «являться»), к которому возводится термин *аныха* [Джонуа, 2004, с. 428–429]. Таким образом, рипида с изображением Тетраморфа выступала не просто литургическим предметом, но и визуальным воплощением самой природы святыни, чье перемещение в пространстве в народном сознании наделялось огненными, световыми характеристиками, тождественными библейскому видению.

Анализируя включение антропоморфных изображений солнца и луны в композицию лицевой стороны рипиды, Г. Чубинашвили указывает на отсутствие прямой обусловленности данных элементов священными текстами. По мнению исследователя, их появление продиктовано прежде всего композиционными задачами: необходимостью заполнения пустующих полей и создания декоративной связки между тремя верхними кругами. Подобное решение подчеркивает строго симметричное построение рипиды и свидетельствует о стремлении мастера к гармоничному распределению визуальных акцентов в пространстве изделия [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 139].

Оборотная сторона Киачской рипиды (Е. Такайшвили ее ошибочно принимал за лицевую) обладает сложной композиционной структурой, сочетающей изобразительные элементы с пространной посвятительной надписью. Текст структурирован в восемь столбцов: по два столбца у каждого из изображений на четырех кругах, примыкающих к центральному сегменту композиции (рис. 4, *3*, *4*, *5*, *6*).

В центральном секторе оборотной стороны рипиды, в круге с орнаментальным обрамлением в виде «пуговок», на гладком фоне продублирована композиция лицевой стороны – Тетраморф, сопровождаемый пояснительной надписью: «Святой Херувим». В примыкающих к центру четырех кругах представлены стоящие *en face* фигуры Небесных Сил и Богородицы: в верхнем – архангел Рафаил, в левом – архангел Михаил и в правом – архангел Гавриил (по указанию Г. Чубинашвили, именам архангелов предшествует эпитет «святой»). В нижнем же круге изображена Богоматерь (с подписью «Святая Мария») в полный рост в традиционном одеянии, с молитвенно развернутыми перед грудью ладонями (жест Оранты).

По сторонам каждой из фигур в верхней части расположены идентифицирующие надписи, подчеркнутые горизонтальной линией на всю длину слова. Непосредственно под этими линиями, симметрично распределенная в два столбца по сторонам фигур во всех четырех кругах, размещена вышеупомянутая историческая надпись царя Георгия.

Комментируя иконографическую программу, Г. Чубинашвили отмечает необычность включения фигуры Богоматери в один ряд с именованными архангелами. Однако исследователь полагает, что такое решение находит логическое обоснование в структуре самого донаторского текста, финальная часть которого представляет собой прямое молитвенное обращение к Богородице о заступничестве за царя Георгия [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 140].

В работе Г. Чубинашвили также представлен детальный анализ техники изготовления Киачской рипиды. Конструктивно изделие состоит из двух серебряных пластин (лицевой и оборотной), соединенных по периметру узким незолоченым серебряным ободком (шириной и высотой около 2 мм), фиксирующим края обеих сторон. Суммарная толщина пластин у кромки составляет около 1 мм. Дополнительная фиксация листов обеспе-

чивается заклепочными штифтами. На лицевой стороне головки заклепок интегрированы в орнаментальный декор, что делает их практически незаметными. На оборотной стороне штифты, расположенные на гладком фоне, выступают в виде точек, обрамленных двумя или тремя концентрическими кругами; в орнаментированных зонах оборота они также скрыты элементами узора [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 141].

Что касается метрических параметров и сохранности Киачской рипиды Г. Чубинашвили указывает следующее: ширина – 35,3 см, высота (без рукояти) – 35,6 см. Рукоять – серебряная, длиной 7 см (является поздним дополнением, приклепанным к нижнему краю изделия). Памятник несет на себе следы неоднократных ремонтов. В частности, на левом (с лицевой стороны) полукружии зафиксированы серебряные накладки, укрепляющие края пластин в верхней и нижней частях. В этом же секторе по линии внутреннего кольца с «пуговками» с обеих сторон закреплены две серебряные полосы, обеспечивающие конструктивную жесткость предмета [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 141].

Вслед за описанием Киачской рипиды Г. Чубинашвили вводит в научный оборот второй артефакт из Обуджской церкви – фрагменты расчлененного серебряного потира (литургическая чаша). Данные фрагменты были использованы в качестве декоративных накладок для отделки грубой теки (футляр), в которой хранилась упомянутая рипида (рис. 5, *1*, *2*, *3*, *4*) [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 145–148; т. 2, илл. 25, 21].

Первые сведения о теке содержатся в работе Е. Такаишвили [Такаишвили, 1913, с. 238–240][7]. Г. Чубинашвили, опираясь на натурные исследования, корректирует данные предшественника относительно габаритов футляра: фактические размеры составляют 41 х 39 см (высота с учетом шипа – 47 см), в

[7] В тексте Г. Чубинашвили встречается расхождение в датировке работы Е. Такаишвили (1913 и 1914 гг.), что, вероятно, является технической ошибкой.

то время как у Е. Такаишвили указаны заниженные параметры (36,5 х 35 см).

На крышке и бортах теки зафиксированы разрозненные чеканные пластины в виде узких полос с аркатурой, под пролетами которой размещены ростовые фигуры. Согласно описанию исследователя, сохранилось 14 изображений: семь полос (с одной или двумя фигурами) закреплены на створках дверец; две пластины с двумя изображениями помещены на верхнем борту.

Иконографический анализ позволяет идентифицировать следующие образы: Христос Пантократор с благословляющим жестом и свитком; Архангелы Михаил и Гавриил (Михаил представлен с чашей в руках); Богоматерь в позе Оранты (размещена на верхнем борту); апостольский ряд: выделяются фигуры первоверховного апостола Петра (с ключами и книгой) и стоящая рядом с ним фигура с кадилом и книгой (надпись утрачена); шесть апостолов представлены с книгой (в том числе Петр), а три – со свитком в руке.

Г. Чубинашвили допускает возможность нехватки еще двух апостольских фигур и отмечает, что такой «набор повторяется на золотом потире, заказанном Багратом III (Баграт II – *о. Дорофей*) и его матерью Гурандухтой ок. 1000 года для храма в Бедиа». Автор особо подчеркивает, что «во всех направлениях замечается аналогия обуджских фрагментов с бедийской чашей» [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 146].

Основываясь на метрических данных сохранившихся пластин (высота наибольшей – 17 см, ширина интерколумния – 4,2 см), исследователь предлагает теоретическую реконструкцию сосуда. Предполагается, что потир из Обуджи превосходил Бедийский по размерам: при наличии 14-16 фигур длина окружности чаши могла составлять 50-60 см, а диаметр – ок. 20 см.

Резюмируя технико-стилистические особенности (характер чеканки, сочетание золоченых и серебряных плоскостей), Г.

Чубинашвили обосновывает идентичность фрагментов чаши и Обуджской рипиды.

«Потому, – пишет исследователь, – мы вправе отнести этот –предположительно разрезанный на части – потир к тому общему вкладу царя Георгия, о котором гласит надпись на рипиде и которого я полагаю нужным идентифицировать с абхазским царем Георгием II, вступившим на престол около 916 г. и умершим в 957 г.» [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 148].

В качестве надлежащей меры по сохранению и изучению памятника Г. Чубинашвили указывает на необходимость демонтажа пластин, перекрытых поздними крепежными полосами, для проведения полноценной научной реставрации и возможной реконструкции первоначального облика литургического сосуда.

Наконец, третий артефакт, происходящий из церкви с. Обуджи и изначально являвшийся вкладом в Киачский храм, представляет собой массивную кадильницу оригинальной формы, выполненную из позолоченного серебра (рис. 6, *1*, *2*, *3*, *4*) [Чубинашвили, 1959, т. 2, илл. 29, 30, 31].

Декор изделия ограничен орнаментальными мотивами; на донце расположена эпиграфическая надпись с молением царя Георгия, аналогичная надписи на Киачской рипиде. Данный памятник, наряду с упомянутой рипидой, с 1923 г. входит в собрание Зугдидского государственного историко-этнографического музея (инв. № 518, старый инв. № 228).

Г. Чубинашвили приводит детальные морфологические характеристики предмета: высота изделия составляет 8 см, диаметр по верхнему краю варьируется от 11,3 см (по выступающим частям) до 8,4 см (в местах сужения). Тулово кадильницы выполнено в технике чеканки из единого листа серебра; в нижней части сформирован кольцевидный поддон (ножка), имеющий в настоящее время значительные деформации.

Внешняя поверхность сосуда, имеющего форму квадрифолия, полностью позолочена. Вследствие бытования позолота на

выступающих элементах рельефа потерта, однако она сохранилась в углублениях фона. Автор отмечает, что оттенок золочения здесь более бледный в сравнении с палитрой Киачской рипиды.

Относительно декоративной программы кадильницы Г. Чубинашвили отмечает следующее: «Четыре раза повторен один и тот же узор, состоящий из своеобразного листика или цветка в обрамлении арочным орнаментальным мотивом, примененным как на рипиде, так и на фрагментах потира; другой узор повторяется во всех четырех западинках между выступающими полукружиями, а еще один на ножке всей кадильницы, на наружной ее стороне, под каждым из полукружий: два последних узорных мотива даны едва подымающимися гладкими поверхностями условного орнаментального образования над испещренным мелкими ударами пунсона фоном. Донышко кадильницы, представляющее правильный круг, окаймленный ее ножкой, украшено тонко гравированным центрального построения узором» [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 148].

Эпиграфика памятника представлена вкладной надписью, выполненной в технике гравировки унциальным письмом асомтаврули. Текст расположен по внешнему краю донца, параллельно линии поддона (ножки). Согласно чтению Г. Чубинашвили, надпись содержит формулу моления и в переводе на русский язык гласит: «† Святая церковь, будь мне, царю Георгию, помощницей (заступницей – *о. Дорофей*) перед Господом» [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 148][8].

Сохранность артефакта характеризуется частичной утратой первоначальных элементов крепления: из оригинальных мас-

[8] Здесь приведу текст надписи в оригинальном начертании, в транслитерации современным грузинским шрифтом и абхазской графикой:

•Асомтаврули: † ჩ̃ი ეკ̃ლესიაო მეოს მეყავ მე გ̃ი მეფესა წ̃ე ო̃ისა

•Мхедрули: † წ̃ო ეკლესიაო მეოს მეყავ მე გ̃ი მეფესა წ̃ე ო̃ისა

•Транслитерация на абхазском: † тц~о еклесиао меос меԥав ме г~и мепеса тц~е о~иси.

сивных ушек для подвеса сохранились лишь два. В местах утрат в корпусе проделаны вторичные отверстия, в которые пропущены звенья цепей.

Подвесная система состоит из четырех серебряных цепей (без золочения) длиной ок. 50 см каждая. В центральной части каждой цепи в качестве декоративного звена вмонтирован гладкий серебряный крест слегка вытянутых пропорций. В верхней точке цепи сведены к навершию («ручке»), имеющему форму куполообразной крышечки с центральным ушком. Первоначальное кольцо для удержания прибора в данном ушке не сохранилось.

Особого внимания заслуживает конструкция памятника: у кадильницы изначально отсутствует подвесная крышка, закрывающая чашу. Данная морфологическая особенность, по мнению Г. Чубинашвили, отличает этот ранний образец от более поздних кадильниц закрытого типа.

Подводя итог описанию кадильницы из Обуджи, Г. Чубинашвили подчеркивает исключительную научную значимость артефакта, обусловленную как его оригинальной морфологией, так и спецификой декоративной программы. Особого внимания заслуживает орнаментация донца – детали, функционально скрытой от постоянного обзора.

По мнению исследователя, решение украсить основание сосуда было продиктовано необходимостью размещения здесь ктиторской надписи, композиционное введение которой по верхнему борту представлялось технически невозможным. Данная кадильница, наряду с рипидой и потиром, входила в состав драгоценного вклада абхазского царя Георгия II (ок. 916–957) [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 148].

Спустя десятилетие после выхода исследования Г. Чубинашвили, в 1969 г., в журнале «Алашара» была опубликована статья Георгия Амичба «Қьачныха аҭоурых ахьтә» («Из истории Кьячской иконы») [Амҷба, 1969, ад. 94–95; см. также: Амҷба,

1977, ад. 41–42; Амҷба, 2004, ад. 183–185]. В этой работе автор освещает обстоятельства перемещения церковной утвари из Киачского храма в Западную Грузию. Основная цель публикации Г. Амичба заключалась в ознакомлении абхазоязычного читателя с положениями статьи Акакия Топурия «Относительно псевдонима Киачели», ранее вышедшей в журнале «Мнатоби» (Тбилиси, 1967, № 7).

Г. Амичба указывает, что этимология псевдонима известного грузинского писателя Лео Киачели (настоящая фамилия Шенгелая, 1884–1963) в литературоведческой среде долгое время оставалась невыясненной. Согласно филологическому анализу А. Топурия, формант *-ели* в фамилии «Киачели» является грузинским суффиксом происхождения, что предполагает наличие топонимической основы «Киач». Однако факт, что писатель родился в с. Обуджи (ныне Цаленджихский муниципалитет, Грузия), на первый взгляд вносил противоречие в данную гипотезу.

В ходе дальнейших изысканий А. Топурия установил, что в Мегрелии издревле почиталась Киачская икона (речь идет о рипиде), хранившаяся именно в церкви с. Обуджи. Святыня пользовалась исключительным авторитетом у местного населения; ей приписывали сакральную силу, вызывавшую благоговейный трепет у верующих.

В вопросах описания и датировки Киачской иконы (рипиды) А. Топурия основывается на сведениях Е. Такаишвили. Следует констатировать, что ни А. Топурия, ни Г. Амичба не учитывали результаты исследования Г. Чубинашвили. Между тем последний, как было отмечено выше, указал на ряд фактических и интерпретационных ошибок в работе Е. Такаишвили.

Главный вопрос, вызывавший интерес у Г. Амичба, заключался в том, каким образом эта икона (рипида) попала из Абхазии в Мегрелию. Решение этой задачи А. Топурия основывает на анализе исторического документа 1680 г. и этнографических материалов, зафиксированных С. Какабадзе со слов жителей с. Обуджи.

Согласно данным источникам, Киач – это название древнего абхазского храма, в котором пребывала одноименная святыня – икона (рипида), датируемая XIV в. (период правления Георгия, царя Абхазии и Имеретии).

Однако, судя по стилистическому анализу и упоминанию «царя Георгия», речь идет об абхазском царе Георгии II (X в.). Очевидно, что поздняя датировка основывается на выводах Е. Такаишвили, а не на данных документа 1680 г.

Историко-легендарная канва событий представляется следующей: реликвия была похищена из храма представителем рода Какачия. Позднее один из его потомков совершил ограбление невесты из дворянского рода Шенгелая. Будучи признан виновным и не имея средств для выплаты наложенного судом взыскания, он передал роду Шенгелая Киачскую икону (рипиду) в качестве компенсации.

Данный акт передачи имущества был задокументирован в XVII в. Примечательно, что в качестве свидетеля при составлении документа фигурировал владетельный князь Абхазии Саустан (?) Шервашидзе (Чачба), а заверил акт представитель мегрельской знати Кац Чиковани.

Указанный документ в дальнейшем хранился в личном архиве Лео Киачели. Писатель придавал истории святыни основополагающее значение в контексте своей генеалогии, что и определило выбор его литературного псевдонима. Как отмечает А. Топурия, икона (рипида) перешла от Какачия именно к прямым предкам писателя, которые впоследствии принесли ее в дар церкви с. Обуджи.

«Ҳара агәра ганы ҳазлаҟоу ала, – пишет в завершении Г. Амичба, – Қьач захьӡыз ауахәамагьы аныхагьы Аԥсны акәын иахьыҟаз, уи аԥсуаа ирныҳәарҭан. Ари артцабыргуеит аныха Аԥснытәи ишыргаз атәы зҳәо адокумент. Уиадагьы, иахьанӡа идыруп Цьгьарда аԥыҭан Чагьам аҳаблаҷы игылоу Қьач-абаа; Қьачныха аԥсуаа жәпаԥык иахьагьы ирныкәуеит» [Амҷба, 1969, ад. 95].

Дополнительные сведения, проливающие свет на позднюю историю Киачского храма и бытование его святынь, содержатся в публикации 1912 г. в журнале «Сотрудник Закавказской миссии» (№13). Заметка, посвященная Кутольскому приходу, была составлена на основе рукописных материалов священника Саввы Кация.

В тексте, в частности, сообщалось следующее: «Свято-Георгиевская Квитоульская церковь не имеет особенно достопримечательных икон, утвари и облачений, заслуживающих внимания по своей древности или ценности. Но в ней следует указать особенно почитаемую населением святыню-икону (аныха – *о. Дорофей*) архангела Гавриила, которую местное общество называет “Киачи”. Под этим названием подразумевается жителями прихода особенно чтимое ими “божество”, пред которым они в каждый Новый год производят молебствие; в честь его у каждого домохозяина имеется кувшин с вином, чтобы в означенный торжественный день, по обычаю, открыть этот кувшин, зажечь свечи на его краях, принести жертву и произвести моление во имя Киачи» [Кация, 1912, с. 195–196].

Анализ приведенных свидетельств позволяет констатировать, что в начале XX столетия в возобновленном Свято-Георгиевском храме с. Кутол Очамчырского района (в 1908 г. на месте деревянной постройки здесь было возведено каменное здание) пребывала особо чтимая икона (аныха) Архангела Гавриила. Данный образ либо непосредственно происходил из Киачского храма, либо являлся его списком.

Гипотеза о перемещении названной святыни или расширении ареала ее почитания подтверждается географическим фактором: село Кутол на севере граничит с селом Джгярда, на территории которого локализован исследуемый средневековый памятник.

Во-вторых, рассматриваемое свидетельство содержит принципиально важную фиксацию топонима «Киачи». Данная форма, за вычетом финального гласного *-и*, полностью идентична

именованию, зафиксированному в эпиграфической надписи X в. Этот факт заслуживает особого внимания, так как позволяет проследить устойчивую традицию именования памятника на протяжении тысячелетия. Мы помним, что во многих последующих публикациях, посвященных Киачскому храму, распространение получила иная вариация топонима – «Кеч», которая, на наш взгляд, искажает историческую форму названия, зафиксированную в первоисточниках.

Интерпретация топонима «Киачи» как имени некоего языческого божества представляется либо ошибочным допущением автора заметки, священника С. Кации, либо следствием глубокой трансформации христианства в плоскость народных верований. В абхазской этнографической среде неоднократно фиксировались случаи синкретизма, при которых за именами якобы языческих божеств в действительности стоят христианские святые. Так, в образах божеств *Аиергь*, *Айтар* и *Анапра* отчетливо прослеживаются прототипы святых Георгия, Феодора и Онуфрия соответственно [Чирикба, 2009, с. 99–101].

Такая трансформация, как мы уже отметили, стала происходить после ослабления церковных институтов в Абхазии, начиная с XVI в. Это хорошо наблюдаемый среди многих кавказских народов процесс, характеризуемый в научной литературе как «этнизированное христианство». Типичным проявлением данного феномена является описанный священником С. Кация ритуал в с. Кутол: вскрытие пифоса с вином, зажжение свечей на его горловине, заклание жертвенного животного и произнесение молитв.

Вопрос о причинах проведения моления «Киачи» именно в канун Нового года остается дискуссионным. Логично предположить, что эта дата была привязана к престольному празднику храма Киачныха или дню почитания его главной иконы. Однако из-за отсутствия письменных свидетельств первоначальное посвящение церкви остается неизвестным.

Следует также отметить хронологическое несовпадение: если храмовой иконой действительно являлся образ Архангела Гавриила, то ближайший к новолетию день его церковного поминовения приходится на 8 (21) ноября, что существенно дистанцировано от дат новогоднего цикла.

Архангелов Михаила и Гавриила в абхазской традиции именуют единым собирательным именем *Мқамгариа*, причем в некоторых фольклорных текстах эти образы трансформировались в понятия, совершенно далекие от христианства [Апсуаа рфольклор, 1995, ад. 375].

Касаясь вопроса посвящения храмов на территории Абхазии в честь вышеупомянутых архистратигов, следует отметить, что средневековая церковь в с. Пшап Гулрыпшского района была посвящена архангелу Гавриилу (хотя хронологические рамки возникновения данного посвящения остаются невыясненными). В более поздний период, на рубеже XIX–XX вв., в с. Дурипш Гудаутского района был возведен храм в честь архангела Михаила [Дорофей Дбар, 2024, с. 649–656]. Кроме того, известно, что 6 июня 1883 г. состоялось освящение придела во имя того же архистратига при церкви Покрова Пресвятой Богородицы в г. Новый Афон, построенной в 1876 г. [И.Н., 1899, с. 223].

В фондах Абхазского государственного музея хранятся несколько артефактов XI в., непосредственно связанных с почитанием указанных архистратигов. Первый – это архитектурная деталь из с. Анхуа (инв. № 1938–542), на которой сохранилась надпись на асомтаврули: «Святые архангелы Михаил и Гавриил» (рис. 7, *1*) [Бгажба, 1967, с. 16, рис. 8; Ендольцева, 2019, с. 21]. Второй – бронзовая иконка (размером 4×5,5 см) с изображением архангела Гавриила (рис. 7, *2*, *3*). Справа от архангела представлена фигура коленопреклоненного ктитора, а слева расположена надпись также на асомтаврули – «Святой Гавриил» [Хрушкова, 1976, с. 139–145][9].

[9] Вячеслав Чирикба в работе «Цабалский диалект абхазского языка», перечисляя фамилии цабалцев, проживающих в Турции, указывает и фамилию

Еще одна примечательная находка была сделана Сурамом Саканиа в 2013–2014 гг. в ходе археологической расчистки средневекового храма в с. Кутол. Артефакт представляет собой фрагмент круглого медальона из сланцевой пластины с поясным изображением архангела (вероятно, Михаила) (рис. 7, *4*). Образ выполнен в высокохудожественном византийском стиле: «Архангел изображен в лоратном одеянии: далматике (узкая длинная одежда с широкими рукавами, вышитым оплечьем и подолом) и лоре (широкая длинная полоса ткани, украшенная жемчугом и драгоценными камнями; часть одеяния византийских императоров); в правой руке у архангела находится лабарум (древко с полотнищем) – боевой штандарт императора, символ властных полномочий» [Требелева, Саканиа и др., 2024, с. 29, 163–164, рис. 62, 63].

В одной из своих ранних публикаций исследователь относил изготовление медальона к V–VII вв., однако позднее пересмотрел датировку, определив время создания образа примерно XII в. [Саканиа, 2022, с. 358; Требелева, Саканиа и др., 2024, с. 29].

Габры́йаа (мн. ч.) [Чирикба, 2021, с. 24]. Несмотря на отсутствие прямых данных о генезисе этой фамилии, трудно не заметить ее фонетическое сходство с именем Гавриил (Габриил). Небезосновательными представляются и гипотезы Михаила Джергения относительно связи христианского имени Михаил (Микаэль, ит. вариант – Микеле) с двумя абхазскими аристократическими родами: Миканба/Мканба (дворяне с. Анхуа) и Мкелба/Мкялба (садзский род, от которого происходит название с. Микельрыпшь в Гагрском районе). В случае с фамилией Мканба автор полагает, что финальный согласный «л» в результате типичного фонетического процесса трансформировался в «н». Представляется целесообразным, чтобы М. Джергения оформил данные наблюдения в виде отдельной научной публикации. Однако, на наш взгляд, данная этимология более аргументирована применительно к фамилии Мкелба/Мкялба. В случае с Мканба в качестве основы целесообразнее рассматривать абхазское личное имя *Мкан*. Вышеупомянутый В. Чирикба в другой статье – «Фамилии абхазов Турции: садзские, ахчыпсские, псхувские, цабалские» – в списке садзских фамилий группы халцыс приводит фамилию «Корҵи́йаа», указывая в качестве их патронимов формы «Миқьал иԥацәа» и «Мқьа́лаа // Ԥара-иԥацәа» [Чирикба, 2024, с. 15].

Для выявления генезиса народной традиции почитания архангелов Гавриила и Михаила (*Мқамгариа*) у абхазов необходимо проведение сравнительно-типологического анализа аналогичных культов у соседних христианских народов Кавказа. Несмотря на то, что полноценное решение этой задачи требует отдельного исследования, в рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением ряда репрезентативных примеров.

Графиня П.С. Уварова в первой части своих «Путевых заметок», опубликованных в 1887 г., описывая быт осетин (алан), отмечала, что они и в ее время проявляли особое почтение к «святым местам». Речь шла об урочищах особого назначения, находившихся по большей части высоко в горах, в густых лесах. Там возводились храмы особого типа, куда ежегодно в назначенный день (на Святую Троицу или в день св. Николая 9 мая) собирались жители соседних аулов с целыми стадами животных, приносимых в жертву и здесь же поедаемых. Сюда же охотники приносили рога убитых ими туров и оленей. В таких местах можно было увидеть и другие приношения: иконы, ковры, кресты, серьги, оружие, стрелы, кольца и прочее [Алиева, 2017, с. 210–211].

Далее П.С. Уварова приводит перечень святых мест Владикавказского округа, среди которых упоминает и следующее: «В Касарском ущелье, между св. Николаем и местом, называемым Гальфандаг, влево от дороги – храм во имя святых Михаила и Гавриила, прозываемых туземцами Микалгаброта. Здесь, говорят, показывают кольцо Нарта Батраса (Батрадз – один из главных героев осетинского Нартского эпоса), будто бы сражавшегося с архангелом Гавриилом. Будучи побежден Архангелом, Батрас должен был ему оставить в залог кольцо, которое и сохраняется в храме» [Алиева, 2017, с. 211].

Здесь мы видим синтез христианской традиции и архаических пластов Нартского эпоса. Поскольку эпос на протяжении столетий бытовал исключительно в устной форме и был зафик-

сирован лишь в XIX–XX вв., его содержание неизбежно отразило процессы синкретизации, происходившие в XVI–XVIII вв. В этот период, как мы уже отметили, ослабление институциональной Церкви привело к возникновению этнизированного христианства, в рамках которого библейские персонажи (в данном случае – архангелы) были переосмыслены через призму эпических и народных представлений.

В Мегрелии в первый понедельник после Нового года существовал обычай совершать в честь архангелов Михаила и Гавриила «охвамери» – моление, сопровождавшееся открытием ритуального пифоса с вином. Одним из символов этих архангелов, к которым обращались с молитвой в начале года, выступала луна. Подтверждением этой связи служат примеры из грузинской иконографии, где архангелы изображены с полумесяцем на головных уборах [Абакелия, 2006, с. 282].

К сожалению, в работах грузинских исследователей нам не удалось найти исчерпывающего ответа на вопрос, почему моление архангелам Гавриилу и Михаилу было приурочено у мегрелов, равно как и у жителей с. Кутол в Абхазии, именно к первому понедельнику Нового года. Как представляется, истоки данной традиции следует искать в пластах народного православия Византии.

Судя по всему, почитание архистратигов Михаила и Гавриила в объединенном образе «Мқамгариа» у абхазов, очевидно, сформировалось под влиянием все того же этнизированного христианства, но уже проникшего из Имеретии, Мегрелии и Гурии. Данные территории исторически входили в юрисдикцию Абхазского Католикосата, административный центр которого последовательно располагался в Пицунде, а позднее – в Гелати.

В завершение настоящего исследования необходимо сделать следующее уточнение. Совокупность проанализированных материалов позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что средневековый храм Киачныха либо

изначально был освящен во имя Небесных Сил Бесплотных, либо являлся местом пребывания исключительной по своей значимости святыни – иконы Архангелов (аныхачапа). Что касается рипиды с изображением Тетраморфа, то, несмотря на ее исходное функциональное предназначение как предмета литургической утвари, она приобрела статус почитаемой иконы (святыни/аныха) позднее – в период упадка церковных институтов и прекращения функционирования Киачской базилики как приходского или монастырского центра. Убедительным доказательством изменения сакрального статуса предмета служит использование потира (литургической чаши) для изготовления защитного футляра (теги) рипиды. Подобное вторичное использование священного сосуда не только маркирует исключительную значимость рипиды как святыни (хати, аныха) для заказчиков изделия, но и свидетельствует о специфическом переосмыслении церковного инвентаря в народной религиозной традиции.

Учитывая выявленную преемственность традиций, представляется целесообразным в случае возрождения литургической жизни в храме Киачныха приурочить праздничные богослужения к трем ключевым церковным датам:

1. 26 марта (8 апреля по юлианскому календарю) – Собор Архангела Гавриила, т. е. молитвенное собрание верующих в честь архангела Гавриила (празднуется на следующий день после Благовещения Пресвятой Богородицы).

2. 13 июля (26 июля по юлианскому календарю) – Собор Архангела Гавриила.

3. 8 ноября (21 ноября по юлианскому календарю) – Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил Бесплотных. Эта дата представляется наиболее значимой, так как объединяет почитание Михаила и Гавриила, что коррелирует с абхазской традицией «Мқамгариа». Термин «собор» в данном контексте (греч. *Σύναξις*) означает общее молитвенное собрание верую-

щих в честь группы святых или ангельских чинов, чья память празднуется в один день.

В эти дни объектом литургического поклонения должна выступать вышеописанная рипида. Для практического обеспечения богослужений будущему клиру храма необходимо располагать точными копиями рипиды и кадильницы.

Параллельно с этим актуальным остается вопрос о репатриации трех аутентичных церковных реликвий, находящихся в настоящее время в собрании Зугдидского историко-архитектурного музея. Оптимальным сценарием их возвращения представляется передача артефактов в фонды Абхазского государственного музея, что обеспечит их надлежащее хранение в рамках национального музейного фонда при возможности их экспонирования и научного изучения.

Литература

1. Амҷба Г. Қьачныха аҭоурых ахьтә // Алашара, 10 (1969), ад. 94–95.
2. Амҷба Г. Аԥсны аҭоурыхи аетнографиеи ирызку астатиақәа. Аҟәа, 1977.
3. Амҷба Г. Аусумҭақәа. Аԥсны аҭоурыхи аетнографиеи. Аҟәа, 2004.
4. Аԥсуаа рфольклор. Артур Аншба иантҳамҭақәа. Еиқәиршәеит, аԥхьажәа, атекстқәа разгәаҭақәеи рарбагақәеи иԥит З. Џьапыуа. Анаукатә редактор В. Арҳынба. Аҟәа, 1995.
5. Кәарҷиа В. Аԥсны атопонимика. Ақәа, 2002.
6. Абакелия Н. Народные обычаи, связанные с церковным календарем. Грузинская Православная Церковь. Ч. III // Православная энциклопедия, 13 (2006). С. 280–283.
7. Адзинба И. Архитектурные памятники Абхазии. Сухум: Абгиз, 1958.
8. Алиева А. «Отреченные» страницы истории российского академического кавказоведения кон. XIX – нач. XX вв.: кавказоведческое наследие А.С. и П.С. Уваровых. М.: ИМЛ им. А.М. Горького РАН, 2017.

9. Бгажба Х. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967.

10. Бжания Ц. Из истории хозяйства и культуры абхазов. (Исследования и материалы). Сухум: Алашара, 1973.

11. Бердзенишвили И. Вопрос о распространении христианства в Абхазии по данным археологии (IV–VIII вв.). Автореф. дисс. на соис. уч. ст. канд. ист. наук. Тбилиси, 2006.

12. Бердзенишвили И. Раннее христианство в Абхазии // Stratum plus, 5 (2010). С. 317–324.

13. Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М.: Индрик, 2015.

14. Воронов Ю.Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухум: Алашара, 1977.

15. Гулиа Д. Собрание сочинений. Т. 6. Сухум, 1986.

16. Джонуа Б. К вопросу об этимологии абхазо-абазинского (А)нцәа «Бог» / Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию АбИГИ им. Д. Гулиа АНА. Сухум, 28–31 мая 2001 г. Сухум: Дом печати, 2004. – С. 424–423.

17. Православная Церковь в Абхазии: прошлое, настоящее, будущее. (Статьи, заметки, посты, лекции, интервью). Т. 2. – Новый Афон (Анакопия): Изд. Священной Митрополии Абхазии, 2024.

18. Ендольцева Е.Ю. Храм Киач-Абааныха (Аныхабаа): материалы к изучению // Seminarium Bulkinianum IV. К 80-летию со дня рождения В. А. Булкина. [Сб. статей]. СПб.: Каламос, 2017. – С. 45-49.

19. Ендольцева Е.Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). Отв. ред. А.Ю. Скаков. М.: ИВ РАН, 2020.

20. Инал-Ипа Ш. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум: Алашара, 1976.

21. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С картами Абхазского побережья и части Римской империи, с рисунками памятников христианства в Абхазии, видов Ново-Афонского монастыря и портретами почивших старцев Афонского Св. Пантелеимонова монастыря. Новое, значительно измененное и дополненное издание. Сост. И.Н. М., 1899.

22. Кация С., священник. Квитоульский приход // Сотрудник Закавказской миссии, 13 (1912). С. 195–199.

23. Логинов В.А., Касландзия В. Новые материалы по архитектуре средневековой Абхазии // Труды Абхазского государственного университета, 6 (1988). С. 50–56.

24. Отчет Совета Сухумского епархиального церковного братства святого благоверного великого князя Александра Невского (за 1911–1912 братский год). Сухум, 1912.

25. Пачулиа В. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: Наука, 1968.

26. Рчеулишвили Л. Некоторые аспекты грузинской архитектуры Черноморского побережья / Средневековое искусство. Русь. Грузия. М: Наука, 1978. С. 21–28.

27. Рчеулишвили Л. Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, 1988.

28. Саканиа С. Кячский храм / Тезисы докладов научной сессии Абхазского государственного музея. Сухум, 1988. С. 16–17 (на абх. яз.)

29. Саканиа С. Две церкви одной формы (из истории архитектуры Абхазии) / Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных регионов: материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения кавказоведа М.М. Трапш. Сухум [7–11 ноября 2017 г.]: сб. ст. / Ин-т востоковедения Рос. акад. наук; [отв. ред. А. Ю. Скаков]. Москва – Сухум, 2022. С. 354–358.

30. Сангулиа С. Қьач абаа амаӡа // Алашара, 10 (1969). Ад. 93–94.

31. Такайшвили Е. Археологические экскурсии и заметки. Т. 2. Тифлис, 1913 (на груз. яз.).

32. Требелева Г.В., Саканиа С.М., Глазов К.А., Кизилов А.С., Юрков Г.Ю. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Т. 2: Храмы предгорной части Восточной Абхазии (Гульрипшский, Очамчирский, Ткуарчальский и Гальский районы). Под ред. А. А. Осиповой. СПб.: Изд. РХГА, 2024.

33. Хрушкова Л.Г. Памятник художественного литья Абхазского музея (икона Архангела Гавриила) // Известия Абхазского института языка, литературы и истории, 5 (1976). С. 139–145.

34. Хрушкова Л.Г. Абхазия в эпоху средних веков: церковная организация и архитектура // Вестник Археологического центра, 5 (2015). С. 98–168.

35. Чирикба В. Абхазские заимствования в мегрельском языке // Абхазоведение (труды АбИГИ: язык, фольклор, литература), 3 (2009). С. 64–125.

36. Чирикба В. Цабалский диалект абхазского языка // Вестник Академии наук Абхазии (Серия: Гуманитарные науки), 11 (2021). С. 20–26.

37. Чирикба В. Фамилии абхазов Турции: садзские, ахчыпсские, псхувские, цабалские // Вестник Академии наук Абхазии (Серия: Гуманитарные науки), 14 (2024). С. 11–36.

38. Чубинашвили Г. Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. В 2 тт. Тбилиси, 1959.

39. Эвлия Челеби. «Книга путешествия». Извлечения из сочинений Османского путешественника XVII в. Земли исторической России и сопредельные области. Вступительная статья, перевод с османского языка и комментарии Е. Бахревского. М.: Институт Наследия, 2023.

Рис. 1. Топографическое расположение руин храма Киачныха (с. Джгярда, Очамчырский р-н). Составлено на основе данных Google Earth.

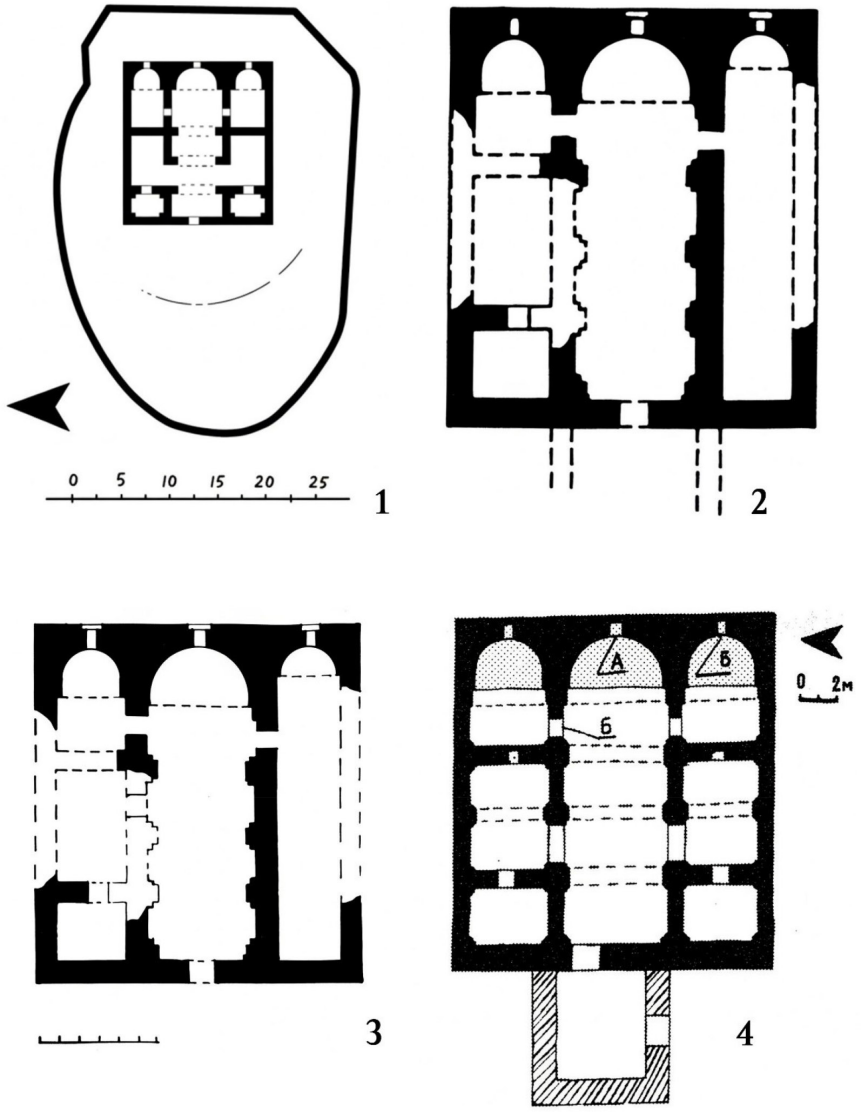
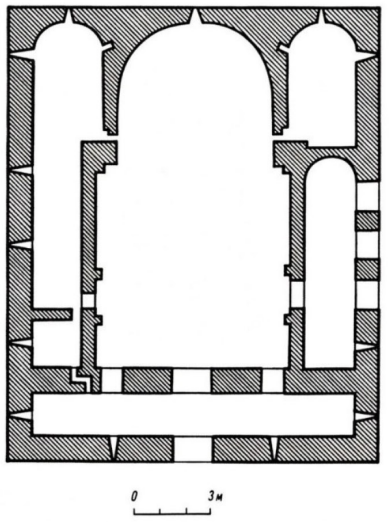
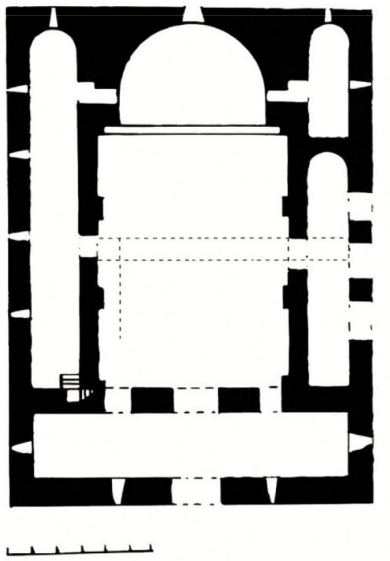


Рис. 2. Планы храма Киачныха. 1 – по Ю. Н. Воронову, 1977 г.; 2 – по Л. Рчеулишвили, 1978 г.; 3 – по Л. Рчеулишвили, 1988 г.; 4 – по В. А. Логинову и В. Касландзия, 1988 г.



1



2

Рис. 3. План храма Амбара (Мюссера). 1 – по М. Иващенко, 1968 г.; 2 – по Л. Рчеулишвили, 1988 г.

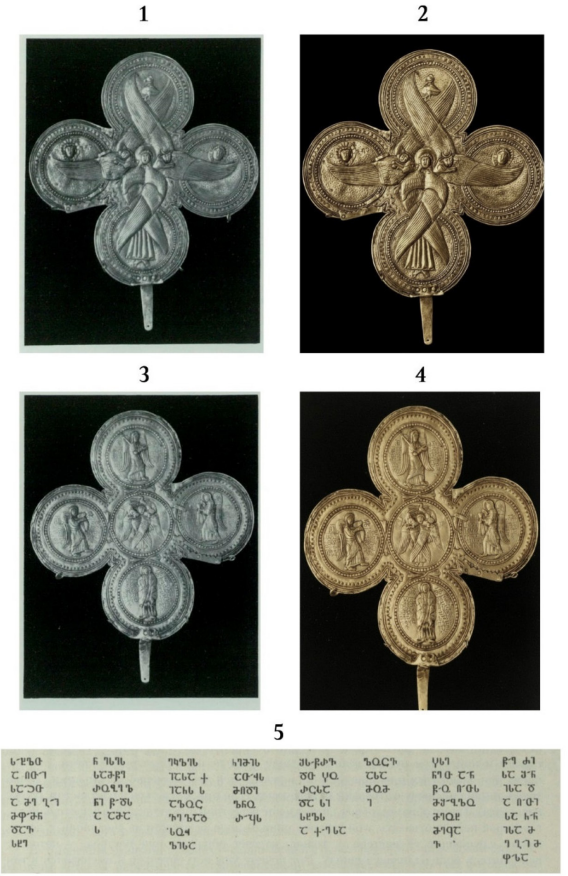


Рис. 4. Киачская рипида. Серебро, позолота, чеканка. Сер. X в. 1 – лицевая сторона, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 22]; 2 – лицевая сторона, реконструкция выполнена с применением технологий искусственного интеллекта; 3 – оборотная сторона, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 23]; 4 – оборотная сторона, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ; 5 – фрагмент оборотной стороны, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 24]; 6 – фрагмент оборотной стороны, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ; 7 – текст надписи на Киачской рипиде в дешифровке Г. Чубинашвили.

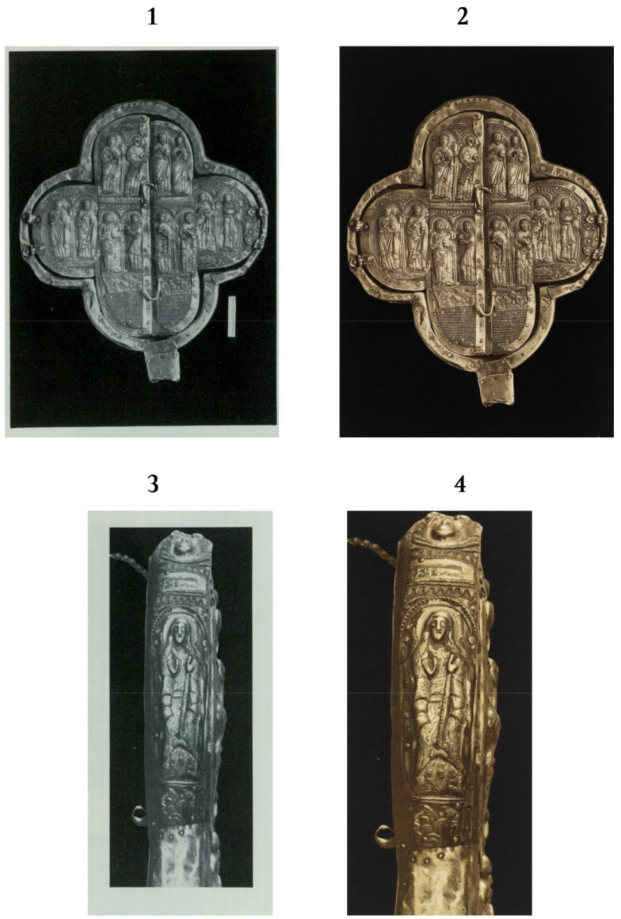


Рис. 5. Тека (футляр) для Киачской рипиды с фрагментами литургической чаши (вторичное использование). Серебро, чеканка. Сер. X в. 1 – лицевая сторона, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 25]; 2 – лицевая сторона, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ; 3 – фрагмент борта теки Киачской рипиды с изображением Богоматери Оранты, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 21]; 4 – фрагмент борта теки Киачской рипиды с изображением Богоматери Оранты, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ.

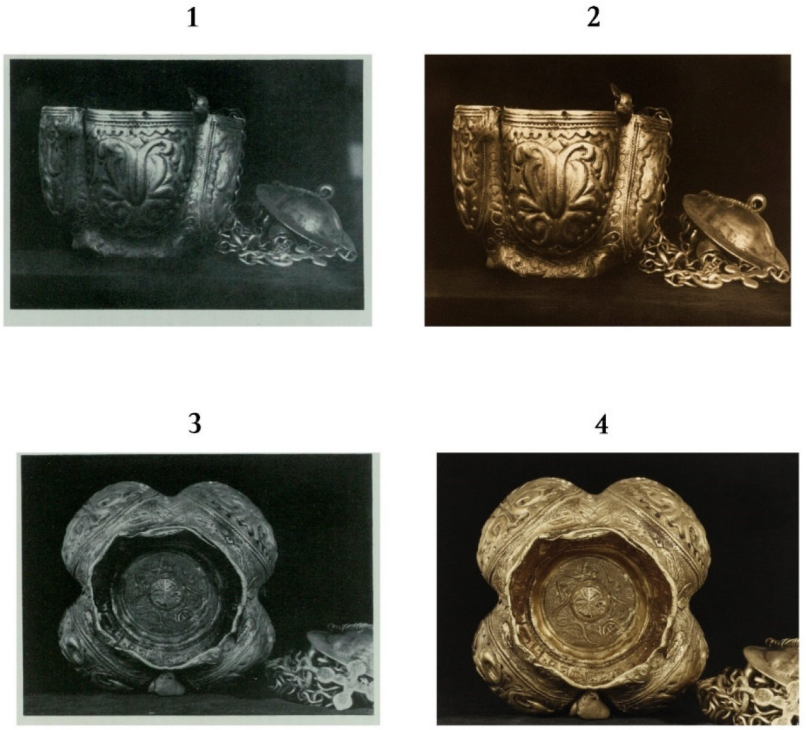


Рис. 6. Кадильница из Киачского храма. Серебро, позолота, чеканка. Сер. X в. 1 – вид сбоку, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 29]; 2 – вид сбоку, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ; 3 – донце (внешняя сторона), воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 31]; 4 –донце (внешняя сторона); реконструкция выполнена с применением технологий ИИ.

Рис. 7. Архангелы: эпиграфика и изображения. 1 – известняковая архитектурная деталь с надписью на асомтаврули из с. Анхуа, АГМ, фото втор. пол. XX в.; 2 – бронзовая иконка с изображением архангела Гавриила, АГМ, воспроизведено по: [Хрушкова, 1976, с. 140]; 3 – бронзовая иконка с изображением архангела Гавриила, АГМ, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ; 4 – медальон с изображением архангела (вероятно, Михаила) из средневекового храма в с. Кутол, предположительно, XII в.

КВИЦИНИЯ М.Б.,
к. филос. н., доц. кафедры всеобщей истории

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ В ТРУДАХ Г.А. АМИЧБА

Аннотация: *В статье анализируется научное наследие в области истории религии Абхазии видного историка, медиевиста, профессора Г.А. Амичба. В ней дана попытка анализа источниковедческого материала и выводов ученого в сравнении с современными интерпретациями, выдвигаемых тем, со стороны историков, археологов, богословов и других исследователей.*

Ключевые слова*: христолюбящие абасги, Максим Исповедник, Анастасий Апокрисиарий, Абхазский католикосат, Мцхетский католикосат*

Annotation: *The article analyzes the scientific heritage in the field of the history of religion of Abkhazia of the prominent historian, medievalist, professor G.A. Amichba. It provides an attempt to analyze the source material and the scientist's conclusions in comparison with modern interpretations, topics put forward by historians, archaeologists, theologians and other researchers.*

Keywords: *Christ-loving Abasgi, Maximus the Confessor, Anastasius Apocrisiary, Abkhaz Catholicosate, Mtskheta Catholicosate*

Видный абхазский ученый-кавказовед, медиевист, этнолог Г.А. Амичба внес значительный вклад в изучение вопросов по истории религии Абхазии, начиная с эпохи древности вплоть до современности. Им освещаются не только темы распространения христианства и возникновения церковной организации в Абхазии, но и этнографические аспекты религиозных представлений, традиций и обычаев абхазов. Анализируя исторические,

литературные и иные средневековые источники, ученый дал возможность исследователям других направлений кавказоведения глубже, убедительнее осветить малоисследованные аспекты изучаемых вопросов. В этом смысле его работы сегодня весьма актуальны.

Анализируя труды Г.А. Амичба, касающиеся истории церковной организации и содержания апокрифической литературы, в которой даются упоминания об Абхазии, на наш взгляд, интереснее было бы представить аналитическое соотнесение выводов автора и данных источников с современными интерпретациями историков, археологов, философов, богословов, религиоведов и других ученых.

Важнейшими трудами Г.А. Амичба, касающимися истории религии, являются: «Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии» (Сухуми, 1977, на абх яз., 1986, на русс. яз.), «Статьи по истории и этнографии Абхазии» (Сухуми, 1977, на абх. яз.), «Новый Афон и его окрестности» (Сухуми, 1988), «Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.)» (Сухум, 1999), «Средневековый период (IV-XVIII вв.)». // (раздел в коллективной монографии «Абхазы», М., 2012), «Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках» (Сухум, 2011) и другие.

В своих работах Г.А. Амичба использует жизнеописания святых и мучеников, таких как: «Житие Максима Исповедника» (VII в.), «Мученичество Або Тбилели» (VIII в.) Иоанна Сабанисдзе, «Житие Григола Ханцтели» (X в.) Георгия Мерчуле, «Мученичество святого и великомученика Арчила» Леонтия Мровели (XI в.), «Жизнь и гражданственность Вахтанга Горгосала» (XI в.) Джуаншера Джуаншериани, «Житие царицы царей Тамар» (нач. XIII в.) Басилия Эзосомодзгвари и другие.

В работе Г.А. Амичба «Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках» (Сухум, 2011) важное место в вопросе изучения религии занимает глава III под названием

«Сведения грузинских нарративных источников о средневековой культуре Абхазии», состоящая из двух пунктов. На основе текстов житий святых, мучеников веры автор анализирует причины, характер и сущность понимания христианского вероучения абасгами и апсилами. Некоторые суждения, на наш взгляд, могут быть оспорены или уточнены. Г.А. Амичба называет христианство для Абхазии «допущенной»,[1] «дозволительной религией»,[2] то есть официально разрешенной Константинополем. Как известно, такая религия не обязательно представляет собой государственную, но принимается как желательная. На наш взгляд, она является не внедренной, а, скорее всего, исторически закономерно ожидаемой. Следует подчеркнуть, что предпосылки к утверждению христианства на территории Абхазии в VI–VII вв. уже были: край был известен христианскому миру со времен деятельности апостолов Христа; здесь располагались римские легионы, в составе которых находились христиане, о чем сообщают источники; в начале IV века на территории Питиунта действовала парикия (община); сохранились остатки первых христианских строений, относящихся к этому времени; в церковных источниках фиксируются епархии и т.д. Поэтому оценка христианства как «дозволительной» веры несколько суживает его восприятие. Вне сомнения, что апсилы и абасги до и после официального принятия и утверждения христианства продолжали соблюдать традиционные верования и обычаи (Цибилиумский могильник). Заметим, что в разные периоды истории этот синкретизм с преобладанием той или иной системы религий сохранялся, и по сей день обнаруживает свои проявления. Судя по источникам, анализируемым проф. Г.А. Амичба, можно с уверенностью констатировать факт христолюбия

[1] Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). Сухум, 1999. С. 15.

[2] Амичба Г.А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. Сухум, 2011. С. 180.

абхазов и, соответственно, возможность исповедания веры ими на собственном абхазском языке, задолго до X века. Г.А. Амичба убежден в том, что распространение греческой грамотности связано с христианством, с византийским миром, при этом в его рассуждениях четко прослеживается преемственность и соразмерность культуры местного населения с новым вероучением. В доказательство этих идей он приводит как археологические материалы, так и источники.

В грузинском источнике-переводе «Церковной истории», труде византийского юриста и церковного историка (ок. 535-594) Евагрия Схоластика, сделанном Ефремом Мцире (XI в.), игуменом Кастанского монастыря (Сирия), богословом, читаем: «Во времена же царствования Юстиниана и абхазы преобразились к лучшему и вняли христианской проповеди».[3] Г.А. Амичба уточняет, что Ефрем Мцире использует термин «Абазгия» («Авазгия») как «Абхазия», данный в греческой литературе.

В «Житии Константина-Кирилла Философа», датируемого сер. IX века, в Чтении 5, упоминаются многие народы, среди которых абазги, иверы, «…воздающих хвалу Бога каждый на своем языке».[4] Важно заметить, что в перечне абасги и иверы отделены друг от друга и список народов довольно-таки пространный. Данное замечание Философа современный богослов Л.А. Костаненко объясняет как свидетельство использования этими народами картлийского языка, который, как он пишет, «…к началу X века становится основным языком книжной культуры и государственных документов в Абхазском царстве».[5] Автор

---

[3] Амичба Г.А. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сухуми, 1986. С.17.

[4] Тахиаос А. – Э.Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Пространные или т.н. Паннонские жития святых Кирилла и Мефодия в пер. П.А. Лаврова. Житие святого Кирилла Сергиев Посад, 2005. С. 291.

[5] Костаненко Л.А. Возникновение и становление Абхазского католикосата в IX веке. Краснодар: Хризостом: научно-просветительский журнал Екатеринодарской духовной семинарии. 2024. №3(12). С. 34-35.

не допускает знание основ христианского вероучения абхазами, пренебрегая многими свидетельствами священников, посещавших Абхазию с VII в. На основании анализа текста «Жития Григола Хандзтели» проф. Г.А. Амичба подчеркивает, что «в IX веке Католикосат Абхазии в начале был официально византийской церковью, в которой богослужение проходило на греческом языке…»,[6] притом переход на грузинский язык богослужения происходил постепенно. Языком же межгосударственных отношений, вне сомнения, был греческий, впоследствии грузинский в общении с представителями картлийской элиты.

Наличие института переводчиков, использование знатоков языков в процессе общения, обучение необходимым языкам членов правящей династии с детства и пр. действия с древних времен считались важными условиями во внутрицерковных и во внешнегосударственных делах. Исключением не мог стать двор правителя абасгов и апсилов. Г.А. Амичба пишет, что «христианство в Пицунде не ограничивалось замкнутой средой гарнизона или маленькой группой греческих колонистов. Оно должно было получить достаточное распространение среди местного населения города и тяготевшего к нему округа. В противном случае не была бы учреждена здесь епархия».[7]

Временем утверждения грузинского языка как языка общения среди представителей светской власти и клира Г.А. Амичба считает середину IX в., ссылаясь на факт беседы Григория Хандзтийского (по «Житию Григола Хандзтели» Георгия Мерчуле) с абхазским царем Дмитрием II (825-861). Монах Григорий «книги свои оставил тому монастырю»,[8] который он впоследствии построил. В период около 820–830-х годов

---

[6] Амичба Г.А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. Сухум, 2011. С. 185.

[7] Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). Сухум,1999. С.11.

[8] Амичба Г.А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. Сухум, 2011. С. 186.

абхазский царь ратовал за состояние христианского учения в восточных краях Абхазского царства, что говорит о его юрисдикции на восточных и западных землях царства. Правитель рад был общению с монахом, просил его основать монастырь на абхазских землях. Ясно одно, что за такой короткий период времени грузинский язык не мог стать языком литургии и письменности. Появление епископов из Картлии началось при Баграте III, который построил Бедийский храм «для Епископатства, сменил там Гудаквское, пожертвовал храму множество деревень, украсил его всякими драгоценностями, благословил и посадил в нем епископа».[9]

По другому источнику – «Житию Максима Исповедника» – в середине VII века в Абхазии и Лазике побывали сосланные императором Византии Ираклием II (626–641) священнослужители Максим Исповедник из Схимариса и два Анастасия – Анастасий – монах и святой Анастасий Апокрисиарий. Они называли Абасгию страной христолюбящих людей во главе с христолюбивым правителем. Трудно представить, что христолюбящие абазги не могли на своем родном языке молиться Богу, выражая свои благоговейные чувства. На наш взгляд, при оценке религиозности местного населения и языка богослужения, индивидуальной или групповой проповеди следует иметь в виду те оценки страны и людей, которые отмечены выше.

О мучениях ссыльных пишет в своем труде автор VII в., иерусалимский монах Феодосий Гангрский. Последний получил письмо от Анастасия Апокрисиария, в котором тот сообщал об участи Максима Исповедника и его учеников, удовлетворяя просьбу иерусалимского миссионера Стефана, сына священника Иоанна, кимилиарха (сосудохранителя) иерусалимского храма Воскресения. Стефан побывал в Абасгии, Апсилии и Лазике, проповедуя учение Христа «кавказским народам»,

[9] Амичба Г.А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. Сухум, 2011.С. 187.

выступая против учения монофелитов.[10] Святой Стефан умер в доме «христолюбивого правителя Абазгии» и был погребен в Абхазии.

Анастасий Апокрисиарий пишет Феодосию в письме о своих лишениях, которые он со спутниками претерпел, о том, как «… Максима Исповедника отделили от них…обоих Анастасиев на лошадях отправили – автора письма (Анастасия Апокрисиария – М.К.) в крепость Букол(ус) (Бухлоон–М.К.), находившуюся в области, именуемой Мисимиана «на границе с аланами, которые эту крепость захватили и удерживают в своих руках», а инока в крепость Скотор, которая находилась в Апсилии «вблизи Авасгии».[11] В сентябре 662 года «Анастасий был вновь переправлен в «края Апсилии и Мисимиании», где по указанию лазского правителя его, изнывавшего от холода, голода и жажды, без необходимой одежды и обуви, гоняли по горам и долинам, после чего заключили в крепость Фусту (Пустус), расположенную где-то на границе упомянутых областей. В марте-апреле 663 года тогдашний правитель Лазики был смещен. Новый патрикий освободил Анастасия из крепости и поселил его вблизи своей резиденции в том же районе. Спустя год Анастасий был вновь заключен в крепость Фусту».[12]

Представляет интерес дальнейшее описание злоключений Анастасия, в котором он пишет о христолюбивом и благочестивом правителе абасгов. Монах сообщает, что в «663 году правитель Лазики был смещен и бежал в страну абасгов. Правитель последних сочувствовал Анастасию и попросил взамен помощи облегчить условия заключения узника. Лазский правитель со-

---

[10] Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник, его жизнь и творения. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/ (дата обращения: 01.03.2026)

[11] Анастасий Апокрисиарий. [Электронный ресурс]. URL: https://drevo-info.ru/ (дата обращения: 01.03.2026)

[12] Там же (дата обращения: 01.03.2026)

гласился, но как только вернул себе положение в Лазике, сразу же в нарушение договора перевел Анастасия во внутреннюю Лазику в крепость Схимар. Когда Анастасий находился в пути, этот правитель вновь был изгнан, а его место занял «богобоязненный и христолюбивый» Григорий. Анастасий был возвращен и помещен «в крепости, именуемой Фусуме (Тусум - совр. Тхина или Сухум? По мнению проф. С.Л. Епифановича в Абхазии), расположенной выше хутора Мохое (на наш взгляд, совр. Мыку-Моква – М.К., а не село Мухур (иси) в Мегрелии, по Воронову), на границе области Апсилии, на востоке Понта, у самой подошвы кавказских гор, близ страны христолюбивых абасгов и племени аланов, около пяти миль от поместия Зихахорий, резиденции истинно христолюбивого патрикия и правителя лазской страны» Григория. Здесь Анастасий умер 11 октября 666 года, спустя четыре года после смерти своего учителя Максима Исповедника. Отсюда следует, что Анастасий Апокрисиарий чувствовал себя в безопасности в стране христолюбивых абасгов и апсилов и стремился находиться там.

Особое место в научном наследии Г.А. Амичба занимает вопрос образования церковной организации в Абхазии, начиная с VI в. Ученый констатирует создание в VII веке автокефальной епархии Абазгии, подчиненной Константинопольскому патриархату. Через столетие, в VIII в., источник «Мученичество Або Тбилели» Иоанна Сабанисдзе фиксирует Абхазию как страну «полной христианской верой, и не было в ее границах ни одного неверующего».[13] Как пишет архимандрит, доктор богословия о. Дорофей (Д. Дбар), «…юрисдикционная территория Абазгской Епархии (Абазгской церковной области), просуществовавшей с сер. VI в. до сер. VIII в., охватывала практически всю историческую территорию Абхазии. На юго-востоке она граничила с Лазской Епархией с центром в Фазисе. На северо-западе

[13] Амичба Г.А.Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. Сухум, 2011. С. 182.

с Зихской Епархией с центром в Никопсии».[14] Тем не менее современные исследователи А.Ю. Виноградов и Ш. Гугушвили пишут: «Однако кто осуществлял церковную юрисдикцию на побережье между Севастополем и Зиганией, из-за отсутствия письменных свидетельств точно не известно. Конечно, нельзя исключать того, что апсилов окормлял епископ Зигании.

Но уникальный купольный храм VI в. в Дранде, где имеется баптистерий, в ранневизантийское время являющий обычно принадлежностью епископской церкви, свидетельствует скорее в пользу того, что на этой территории существовала некоторое время епархия, созданная Юстинианом для апсилов (самостоятельная архиепископия или подчиненная митрополиту Лазики епископия)».[15] Несомненно, тут явно присутствует тенденциозность авторов, хотя частично они вынуждены признать самостоятельность Севастопольской Церкви. Следует заметить, что замечание автора VI в. Прокопия Кесарийского относительно того, что «…епископы лазов назначают им (апсилам – М.Б.) священников… Эти племена по доброй своей воле являются в силу договора друзьями и той и другой стороны, причем они согласились все время безотказно служить проводниками тем, кого обе стороны взаимно посылали друг к другу»[16] не указывает на подчиненность Севастопольского епископатства Фазискому Митрополитству. Этот момент является показателем договорен-

---

[14] Дбар Д. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Сергиев Посад. Свято-Троице-Сергиева Лавра. 2001. С. 186. // Дисс. на соискание уч.степени кандидата богословия. [Электронный ресурс]. URL: http://apsnyteka.org/ (дата обращения: 28.03.2026.)

[15] Виноградов А.Ю., Гугушвили Ш. Очерк истории Абхазского католикосата. Часть 1. VIII–X вв. С. 77-116. Богословские труды. Выпуск 46. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. М., 2015. С. 85-86. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/ (дата обращения: 25.02.2026)

[16] Прокопий Кесарийский. Война с готами [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/ (дата обращения: 23.02.2026)

ности между апсилами и лазами в силу удобств географического характера, то есть сопредельности их нахождения.

Касательно обретения Абхазской Православной Церковью автокефалии в VIII веке, Г.А. Амичба констатирует факт отсутствия упоминания этого события в грузинских источниках. «Больше сведений по этому вопросу предоставляют греческие / византийские /церковные материалы /эктезисы, тактиконы»[17], – пишет он. Основой объединения церквей в единый Абхазский Католикосат Г.А. Амичба считает наличие Фазисского Митрополитства и

Себастопольского Архиепископатства. Такое толкование по содержанию суживает географические рамки христианизации Абхазии. Современный богослов Л.А. Костаненко прибавляет к списку, данному выше, Никопсийскую автокефальную архиепископию Абазгии и Зихии.

Как считает Д. Дбар, «на основании археологических материалов установлено, что в VI–VII веках в ведении Абазгской епархии, которая в перечне автокефальных епархий Константинопольской Церкви значилась под 34 номером, были следующие епископские кафедры: Цандрипшская, Пицундская, Анакопийская, Себастопольская, Цебельдинская, Гюэносская (Очамчира). Все эти епископии имели кафедральные храмы и храмы-филиалы в разных уголках Абхазии…».[18] Следовательно, эти кафедры находились под константинопольской юрисдикцией, и можно говорить о существовании центров утверждения христианства по всей территории Абхазии.

Г.А. Амичба солидарен с мнением акад. Н. Бердзенишвили, относительно создания единого Абхазского Католикосата, в со-

---

[17] Амичба Г.А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. Сухум, 2011. С. 183.

[18] Дбар Д. (Иеромонах Дорофей). Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви. Новый Афон. Издательство «Стратофил», 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://apsnyteka.org/ (дата обращения: 20.02.2026)

став которого входили Имерские церкви с VIII по X вв. Важным тезисом в работе ученого является положение о ведущей роли абхазской царской династии в образовании Автокефальной Абхазской церкви и об отношениях с Мцхетским католикосатом. Следует заметить, что сегодня вопрос об абхазском факторе в возвышении Мцхетского католикосата интерпретируется по-разному. Иерей Л.А. Костаненко пишет, что «…несмотря на сложные взаимоотношения Картли с набирающим силу Абхазским царством, Мцхетский католикосат оказывал значительное влияние на становление и развитие самостоятельной абхазской церковной организации»,[19] при этом, не подкрепляя свой тезис никакими аргументами.

Г.А. Амичба предполагает проведение церковной реформы в Абхазии с подчинением Абхазского католикосата Мцхетскому уже в конце X века, обосновывая это тем, что на территории собственно Абхазии были построены значимые храмы, такие как Моквская церковь, Бедийский собор, и вне ее – Чкондидская церковь. Расцвет религиозной и церковной жизни Абхазского царства автор увязывает с правлением Баграта III Багратиони (978-1014) (по груз. счету). Ученый приводит фрагмент из «Летописи Картли»: «Он же великий царь построил Бедийский храм для Епископства, сменил там Гудаквское, пожертвовал храму множество деревень, украсил его всякими драгоценностями, благословил и посадил в нем епископа».[20] Последнее действо царя историк считает основанием замены «старой византийской церкви в Гудакве Бедийским храмом»[21] и подчинения Абхазского католикосата Мцхетскому. Прямых указаний об этом в источнике «Жизнь Георгия Афонского» мы не находим. Следует за-

[19] Костаненко Л.А. Возникновение и становление Абхазского католикосата в IX веке. Краснодар: Хризостом: научно-просветительский журнал Екатеринодарской духовной семинарии. 2024. № 3(12). С. 34.

[20] Амичба Г.А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. Сухум, 2011. С.187.

[21] Там же.

метить, что во времена правления первых Багратидов (Баграта III, Георгия I, Баграта IV) титул предстоятеля Бедийского собора значился как Архиепископ Бедийский, а епархия именовалось архиепископством. В источнике «Жизнь Георгия Афонского» иеромонаха Георгия Преподобного сообщается, что «…Георгия также сопровождали знатный муж Свингизи, монах Петр, бывший некогда патрикием, архиепископ Иоанн Бедиели, вельможа Аарон и много учеников блаженного. Они отправлялись в путь в то время, когда царевна Марфа выдана была замуж за сына Константина Дуки».[22] Это было в 1065 году при правлении Баграта IV (1027–1072) (по груз. счету). Позже «…руководителей тамошних церквей назначали католикосами Абхазии. Одним из таких был буддийский епископ Иоаким, которого в XV веке назначили на указанную должность. Бедийские епископы упоминаются и в канонических текстах XVI века».[23]

«Начиная с XI в. в силу подчинения ее Мцхетскому церковному престолу, постепенно уменьшается роль Католикосата Абхазии», – пишет Г.А. Амичба.[24] Во многом такая ситуация объясняется политическими событиями вокруг Картли, Имерети и соседних государств – Сельджукского государства, Византии, с одной стороны, с другой – чаще всего напряженными отношениями между правителями Картли и Абхазского владетельного княжества во главе с князьями из рода Чачба (Отаго, Датого и др.). За период с XI по XIII вв. резиденцией Абхазского Католикосата оставался Пицундский храм. Г.А Амичба подчеркивает, что уже к середине XIII в. «…в источниках чаще упоминается Каталикосат Абхазии, что указывает на определенный рост его

[22] Житие преподобного и богоносного отца нашего Георгия Святогорца. [Электронный ресурс]. URL: https://www.allgeo.org/ (дата обращения: 21.02.2026)

[23] Амичба Г.А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. Сухум, 2011. С. 192.

[24] Там же. С. 187.

прав».[25] Каталикосат Абхазии охватывал Абхазию и всю Западную Грузию, пишет ученый в «Сообщениях…», приведя отрывок из «Летописи монгольского времени» о воцарении в Кутаиси Давида, сына Русудан.[26] Автор допускает, что изначально Пицундская церковь могла быть резиденцией для Лихтимерских (Западногрузинских) церквей. Ученый в согласии с К. Кекелидзе, включает территории, позднее, уже к XV веку, «от Чорохи, Осетии, от Понтийского моря», в границы Абхазского католикосата, где «епископов назначал католикос Абхазии».[27] Ученый пишет «о широком распространении мусульманства» в крае, в период присутствия Османской империи на территории Абхазии, что стало причиной переноса Пицундского католикосата в Гелати.[28] Словосочетание «Абхазский католикосат» подменяется титулом Католикоса Питиунта, а в сочинении Б. Ломинадзе, отрывок которого приводит Г.А. Амичба, читаем о «Католикосе западной Грузии», которому пришлось «покинуть Бичвинтскую резиденцию».[29] Тут имеется факт завуалирования грузинским ученым истории Католикосата Абхазии, которая существовала с начала IV века, называлась Абазгийской епархией Константинопольского Патриархата и была учреждена Антиохийским Патриархом Феофилактом в VIII веке. «На Соборе Антиохийской Церкви, возглавляемой патриархом Феофилактом, было решено рукоположить одного из них, абхаза по имени Иоанн, в самостоятельного католикоса, а другого – в епископа. Отныне Абхазская Церковь имела право избирать и рукополагать ка-

---

[25] Амичба Г.А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. Сухум, 2011. С.197.

[26] Амичба Г.А. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сухуми, 1986. С.41.

[27] Амичба Г.А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. Сухум, 2011. С. 193.

[28] Там же. С. 195.

[29] Там же. С. 196.

толикоса собором местных епископов».[30] Следует констатировать, что постепенная «этническая замена епископата», на наш взгляд, фактически привела к «захвату» Питиунтской кафедры представителями Мцхетского Католикосата. Этому способствовали известные политические события (династический переворот, распад Царства, войны, распри и пр.). Впоследствии и по сей день в грузинской историографии[31] закрепилось название вместо Абхазского католикосата – Западногрузинский, и по содержанию чисто христианской в отличие от абхазов-язычников, которые выступали в союзе с османами и абазинами в походах против Имеретинского царства, «…все члены семьи абхазского князя Шервашидзе соблюдали православное вероисповедание. Что касается населения, лишь небольшая его часть исповедовала христианство, а большинство жителей оставались язычниками».[32] Подобную оценку религиозности абхазов приводит Г.А. Амичба, ссылаясь на «Описание Грузинского царства» Вахушти Багратиони (начало XVIII века). В итоге исследования ученый обосновывает формирование такого явления в религиозной жизни населения Абхазии как религиозный синкретизм.

Большой вклад в изучение первоначального христианства и раннесредневековых эпиграфических памятников в Абхазии внес Г.А. Амичба. Его работа «Культура и идеология раннесред-

---

[30] Дбар Д. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Сергиев Посад. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 2001. С.202. // Дисс. на соискание уч.степени кандидата богословия. [Электронный ресурс]. URL: http://apsnyteka.org/ (дата обращения: 25.02.2026.

[31] См.: Таварткиладзе Д.Т. Церковные крестьяне в Грузии XVI–XVII вв .М.: Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2014. №4. С. 78-94; Сулаберидзе З. Феодальные отношения в Западной Грузии во второй половине XVIII в. (Имеретинское царство и Абхазское княжество). //Новое прошлое • the new past • № 2, 2017. С. 120-132.

[32] Сулаберидзе З. Феодальные отношения в Западной Грузии во второй половине XVIII в. (Имеретинское царство и Абхазское княжество). //Новое прошлое • the new past • № 2, 2017. С. 122.

невековой Абхазии (V–X вв.) (Сухум, 1999) посвящена анализу христианской культуры абхазов. Обнаруживая глубокие знания распространения христианского учения в Абхазии, он приводит свидетельства, убедительные аргументы в пользу тезиса становления христианства как идеологической основы в жизни древнеабхазских этнических групп, анализирует особенности и общность церковного зодчества абхазской и византийской школ. Наличие культовых объектов – храмов, базилики, церковной утвари, символики, орнаментов в раннехристианском стиле, браслетов с монограммами, особенности погребального обряда, – все эти свидетельства автор приводит в подтверждение данного тезиса. Г.А. Амичба пишет: «Действительно, христианство в Пицунде не ограничивалось замкнутой средой гарнизона или маленькой группой греческих колонистов. Оно должно было получить достаточное распространение среди местного населения города и тяготевшей к нему округи».[33] Важным заключением методологического характера в работах ученого является его вывод: «Абхазы, природно отвергая фундаментализм христианской религии, приспособили ее к своим обычаям и традициям через феномен «апсуара» – основы нравственной культуры абхазов».[34]

Литература

1. Амичба Г.А. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сухуми, 1986 (на рус. яз.).

2. Амичба Г.А. Статьи по истории и этнографии Абхазии. Сухуми, 1977 (на абх. яз.).

3. Амичба Г.А. Новый Афон и его окрестности. Сухуми, 1988.

4. Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневекой Абхазии (V–X вв.). Сухум, 1999.

[33] Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневекой Абхазии (V–X вв.). Сухум, 1999. С. 11.

[34] Там же. С. 20.

5. Амичба Г.А. Средневековый период (IV–XVIII вв.). С. 64-73. // «Абхазы», М., 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://apsnyteka.org/

6. Амичба Г.А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках. Сухум, 2011.

7. Анастасий Апокрисиарий. [Электронный ресурс]. URL: https://drevo-info.ru/

8. Виноградов А.Ю., Гугушвили Ш. Очерк истории Абхазского католикосата. Часть 1. VIII–X вв. С. 77-116. Богословские труды. Выпуск 46. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. М., 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/

9. Дбар Д. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Сергиев Посад. Свято-Троице-Сергиева Лавра. 2001. // Дисс. на соискание уч. степени кандидата богословия. [Электронный ресурс]. URL: http://apsnyteka.org/

10. Дбар Д. (Иеромонах Дорофей). Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви. Новый Афон, издательство «Стратофил», 2006. 28 с. [Электронный ресурс]. URL: http://apsnyteka.org/

11. Житие преподобного и богоносного отца нашего Георгия Святогорца [Электронный ресурс]. URL: https://www.allgeo.org/_

12. Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник, его жизнь и творения. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/

13. Костаненко Л.А. Возникновение и становление Абхазского католикосата в IX веке. Краснодар: Хризостом: научно-просветительский журнал Екатеринодарской духовной семинарии. 2024. №3(12). С. 28-39.

14. Прокопий Кесарийский. Война с готами [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/

15. Сулаберидзе З. Феодальные отношения в Западной Грузии во второй половине XVIII в.(Имеретинское царство и Абхазское княжество). // Новое прошлое. • the new past • №2, 2017. С.120-132. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/

16. Тахиаос А. – Э.Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Пространные или т.н. Паннонские жития святых Кирилла и Мефодия в пер. П.А. Лаврова. Житие святого Кирилла. Сергиев Посад, 2005.

17. Таварткиладзе Д.Т. Церковные крестьяне в Грузии XVI–XVIII вв. М.: МГУ. Серия 13. Востоковедение. 2014. № 4. С. 78-94.

МИРЗОЕВ А.С.,
д-р ист. наук, ст.преп. кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии

ЭЛИТАРНЫЕ И ЭГАЛИТАРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ НА ЗАПАДНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФЕОДАЛЬНЫМИ ВЛАДЕНИЯМИ ЧЕРКЕСИИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ПОЛИТИЯМИ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Аннотация. *В статье исследуются феномен сосуществования эгалитарных и иерархических моделей социальной организации в рамках одного этноса и одной этнической культуры на Западном Кавказе, явления, имевшего место в прошлом не только у черкесов, но и у других народов (Дагестан, Чечня, Юго-Восточная Азия). Рассматриваются взаимоотношения между феодальными владениями Черкесии и демократическими политиями Западного Кавказа, основные факторы и последствия демократической трансформации общественно-политического устройства западно-кавказских черкесских обществ с первой половины XVII в. до 60-х гг. XIX в. Демократические общества Западного Кавказа, как и «вольные общества Дагестана», имели типологическое сходство с общинами Циркумпонтийского региона античного периода. Такого типа общины, представляли собой самоуправляемые микрополитические образования которые целиком выстраивали военные, правовые и политические функции, как и классы, включая общинную знать, а иногда и феодальные сословия, в единый общинный организм с гражданским самоуправлением.*

Ключевые слова: *демократический переворот, «соприсяжные братства», право покровительства, адат, шариат, элитарные и эгалитарные политические традиции, политии, трансформация политической системы.*

Abstract: *The article examines the phenomenon of the coexistence of egalitarian and hierarchical models of social organization within one ethnic group and one ethnic culture in the Western Caucasus, a phe-*

nomenon that occurred in the past not only among the Circassians, but also among other peoples (Dagestan, Chechnya, Southeast Asia). The article examines the relationship between the feudal holdings of Circassia and the democratic polities of the Western Caucasus, the main factors and consequences of the democratic transformation of the socio-political structure of the Western Caucasian Circassian societies from the first half of the 17th century to the 1860s. The democratic societies of the Western Caucasus, like the "free societies of Dagestan," had a typological similarity with the communities of the Circumpontic region of the ancient period. Communities of this type were self-governing micropolitical entities that completely built military, legal and political functions, as well as classes, including the communal nobility, and sometimes the feudal estates, into a single communal organism with civil self-government.

Key words: *democratic revolution, "co-sworn brotherhoods", patronage rights, adat, sharia, elite and egalitarian political traditions, polities, transformation of the political system.*

В XVII в. в ряде западно-кавказских обществ начался процесс перехода от иерархической (феодальной) формы социально-политического устройства к неиерархической (демократической), получивший в советской и российской историографии название «демократического переворота». Общественный строй демократических черкесских обществ Западного Кавказа, трансформация их политической системы рассматривались в дореволюционной (Л.Я. Люлье[1], Н.И. Карлгоф[2], Г.В. Новицкий[3],

[1] Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. С. 63–70.

[2] Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX– начале XX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. С. 101–135.

[3] Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлисские ведомости. 1829. № 24.

А.Н. Дьячков-Тарасов[4], Хан-Гирей[5], Н.Л. Каменев[6] и др.), советской (В.К. Гарданов[7], М.А. Агларов[8]), российской (В.Х. Кажаров[9], Г.М. Дерлугьян[10], С.Х. Хотко[11]) историко-этнографической литературе. Из зарубежных авторов следует отметить таких как Дж. Бэлл[12], Дж. Лонгворт[13], Т. Лапинский[14], которые были непосредственными очевидцами и участниками процессов, связанных с борьбой за независимость народов Западного Кавказа, и общественно-политических преобразований, проводимых ими

[4] Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи. (Историко-этнографический очерк) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. С. 593–640.

[5] Хан-Гирей. Записки о Черкесии // Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. С. 33–318.

[6] Каменев Н.Л. Бассейн Псекупса (1867 год) // Кармов Руслан. БЛИКИ. Выпуск 8. Альтернативные изыскания по абазо-адыгской истории. СПб.: Питер, 2019. С. 96–158.

[7] Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.

[8] Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). Махачкала: Наука-Дагестан, 2014. 290 с.

[9] Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии // Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик:ООО Печатный двор, 2014. 899 с.

[10] Дерлугьян Г.М. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд.-во Института Гайдара, 2013. 384 с.

[11] Хотко С.Х. Гражданская жизнь западнокавказских горцев: Опыт типологии // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 26–58.

[12] Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах / пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Т. 1. 408 с.; Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах / пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Т. 2. 328 с.

[13] Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (АБКИЕА) / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 531–584.

[14] Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-Фа. 1995. 463 с.

в ходе Кавказской войны. Этот процесс достиг своей кульминации в конце XVIII в., но продолжался вплоть до окончания Кавказской войны.

В результате «демократического переворота» на историко-политической карте, наряду с феодальными владениями Черкесии (Кабарда, Бесленей, Темиргой, Бжедугия и др.), появились такие политии,[15] как Шапсугия, Абадзехия и Натухай с народной формой правления.

Сосуществование эгалитарных и иерархических моделей социальной организации в рамках одного этноса и этнической культуры имело место в прошлом у многих народов в разных частях мира[16]. Не является исключением и Северный Кавказ и различные, населяющие его народы. Так, в горном Дагестане, в Средневековье и Новое время сосуществовали феодальные владения (Шамхальство Тарковское, Уцмийство Кайтагское, Нуцальство Аварское, Майсумство Табасаранское, Кумухское ханство (Лакское), Кюринское ханство (Лезгинское), (Дербентский эмират) и «вольные общества», количество которых, по мнению Б.Г. Алиева, доходило до 80.[17] В период Средневековья (в XIV в.) в пору своего наибольшего могущества Казикумухское шамхальство проводило политику насаждения феодального строя в Андалал и других соседних с ним обществах с целью установления там власти беков и чанков. Однако эта прослойка не смогла сохранить права верховных владетелей и распоряди-

---

[15] Полити́я (от греч. πολιτεία – государство) – понятие, используемое для обозначения политической единицы любого уровня (политической организации того или иного общества), то есть оно используется в качестве родового для таких понятий, как «община», «вождество», «племя», «государство» и других.

[16] Скотт Дж. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство, 2017. С. 405.

[17] Алиев Б.Г. Союзы общин Дагестана: история формирования, этнический состав, самоуправление // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20, № 3. С. 546.

телей всей земли, перешедших в руки узденей (свободных общинников). В одних обществах они были истреблены узденями, в других утратили свои привилегии. В некоторых же обществах, например, в Телетле, согласно преданиям, телетлинцы перебили всех чанков, один из которых чудом спасся и продолжил род в другом селении.[18]

У чеченцев – народа с сильными эгалитарными традициями, отсутствовала феодальная знать местного происхождения, в лице князей и дворян. В XVI–XVII вв. часть равнинных чеченских обществ, в условиях непрекращающейся междоусобной борьбы соседних феодальных владетелей и постоянной угрозы иноземных нашествий, чтобы обезопасить себя, принимала покровительство более сильных феодальных владетелей Кабарды и Дагестана с обязательством платить соответствующую подать – «ясак». Но при этом они пользовались правом самоуправления под руководством старшин и мусульманского духовенства. В таком положении находились ингуши Тарской долины и побережья Кумбулеевки, карабулаки, гехинцы, качкалыковцы, айховцы и другие, селившиеся на землях, считающихся собственностью кабардинских и кумыкских князей. Но в округе низовий Аргуна номинальная собственность иноплеменных князей на эту землю сочеталась с довольно продолжительной к середине XVIII в. традицией непосредственного управления вновь возникающими чеченскими сельскими общинами со стороны кабардинских, аварских, кумыкских княжеских фамилий, живших среди них (Айдемировы, Турловы, Казбулатовы, Черкасские и др.). Однако власть этих владетелей была зыбка, ибо с увеличением со второй половины XVIII в. чеченского населения на плоскости, чеченцы стали освобождаться и от этой номинальной зависимости.[19] Основная масса чеченцев, живших в горах, была свобод-

[18] Агларов, С. 164–166.

[19] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 400–401.

на, эгалитаризм там поддерживался выработанными народными механизмами, препятствующими созданию социальных элит, узурпирующих политическую власть, которую можно было бы передавать по наследству. Общество противостояло формированию феодальных элит и особых феодальных привилегий.

Схожие с нагорным Дагестаном процессы имели место в Западной Черкесии в XVII – первой пол. XIX в., в результате которых феодальная знать трех черкесских субэтносов (шапсугов, натухайцев и абадзехов), уравненная в правах с многочисленным сословием лично свободных крестьян (тфокотлей), утратила монополию на политическую и административную власть, которая была передана народным собраниям – хасэ, куда представители тфокотлей и дворянского сословия избирались на общих основаниях от территориальных (псухо) и родственных (зэтхьэрыуогъу) объединений в зависимости от личных качеств и авторитета. Последние, так называемые адыгские «соприсяжные братства», были родственными только отчасти: в них принимали чужеродцев после принесения присяги и установления отношений искусственного родства. До «демократического переворота» основной политической и административной единицей являлись феодальные вотчины, возглавляемые владельцами из князей и дворян. В источниках до XVII в. отсутствуют какие-либо упоминания о таких демократических самоуправляющихся политиях, как Шапсугия, Абадзехия и Натухай. В первом в средневековой литературе этнографическом описании черкесов конца XV в., принадлежащем Дж. Интериано, «страна зихов, именуемых черкесами», предстает как ряд самостоятельных феодальных владений с разделением общества на князей, дворян, крестьян и рабов. Первые два сословия образуют, по сути, особый воинский класс, для которого занятие каким-либо видом деятельности, кроме военной и административно-управленческой, неприемлемо. Это были исключительно конные воины, обладавшие дорогостоящим наступательным и оборони-

тельным вооружением. Крестьяне были ограничены в праве ношения оружия, в доступе к военной сфере и совсем отстранены от политической и управленческой.[20]

По свидетельству источников, общественный переворот, лишивший абадзехских, шапсугских и натухайских дворян их многих преимуществ и приведший к перемене существовавшего у этих племен «аристократического» образа правления на «демократический», подготавливался длительное время. Так, Л.Я. Люлье, специально интересовавшийся историей упадка власти дворянства у шапсугов, натухайцев и абадзехов и подробно изучавший повествующие об этом народные предания, указывает, что «переворот… совершался постепенно».[21]

Институциональную трансформацию черкесских обществ на Западном Кавказе С. Хотко охарактеризовал как «полисную революцию».[22] Эти западно-кавказские республики имели типологическое сходство с древнегреческими полисами по нескольким параметрам. Управление этими обществами осуществлялось посредством институтов народного собрания и суда присяжных, куда представители свободных общинников (тфокотлей) и знати попадали путем демократических выборов.[23] Эти политии, как и греческие полисы, были самоуправляемыми республиками, где каждый лично свободный мужчина, «владевший землей, будь то аристократ или крестьянин, рожденный на его территории, обладал свободой и гражданством»[24]. Самая главная обязанность

---

[20] Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 47, 49.

[21] Люлье. С. 67.

[22] Хотко. С. 26.

[23] Хотко. С. 32.

[24] Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н.э. / пер. с англ. и науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Издательский дом Дело РАНХиГС, 2018. С. 299.

граждан греческого полиса – вооружиться за свой счет – быть вооруженным защитником (гоплитом). Если участие в традиционных набегах (зекIуэ) у черкесов носило добровольный характер, то в случае агрессии против горской «республики», участие во всеобщей мобилизации было обязательным и считалось делом чести для всякого свободного гражданина.[25] Точно также в дагестанских вольных обществах все свободные общинники (уздени) обладали равным правом участия и голоса в народном собрании, могли быть избраны в качестве правителей; по достижению 40–50 лет, если поведение, нравственная и интеллектуальная репутация не вызывали нареканий, имели возможность выдвигаться в совет старейшин. В то же время уздени были обязаны вооружиться за свой счет и в качестве воинов выступать в поход на дальние земли или в защиту своих земель по решению народного собрания.[26] К.Ф. Сталь находил, что «устройство народных собраний» у черкесов «сходно с древнеэллинскими».[27]

Хотя институциональная трансформация у черкесов на Западном Кавказе не обошлась без войны и кровопролития, она не сопровождалась полным изгнанием или тотальным уничтожением феодальной знати, имевшим место в большой части дагестанских «вольных обществ». У абадзехов и натухайцев знатные фамилии были вынуждены согласиться на определенное понижение своего сословного статуса и упрощение связанных с ним социальных практик. Это касалось, прежде всего, значительного уменьшения «цены крови» дворян, уравненной с «ценой крови» тфокотлей в системе композиций, а также права покровительства, бывшего раньше исключительной прерогативой дворян, а теперь полученное адыгскими «соприсяжными

[25] Люлье. С. 69.

[26] Агларов. С. 168.

[27] Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 265.

братствами». «Соприсяжные братства» были организациями, созданными тфокотлями на основе искусственного родства. Всякий человек, независимо от своего социального или этнического происхождения, вступая в эту организацию, получал права гражданства и защиту. «Соприсяжные братства» стали боевыми органами самозащиты и борьбы крестьян против феодальной аристократии.[28] Хан-Гирей по этому поводу отмечал: «обычный этот устав соприсяжного собратства был гробом власти высшего класса во всей Закубанской Черкесии. Подвластные князьям и дворянам люди соседних владений, крепостные или вольные земледельцы, при малейшей обиде или угрозе со стороны владельцев, даже и без того, начали переходить к ним, где были принимаемы и водворяемы, что, постепенно умножая силы и населенность тех, ослабляло и уменьшало других. Чрез такое усилие простой класс, то есть вольные земледельцы, в вышеупомянутых трех племенах наконец достиг до возможности разрушить и власть дворян…».[29]

Начало демократическому перевороту положили абадзехи, а уже позднее это произошло у натухайцев и шапсугов. Судя по косвенным письменным источникам и народным преданиям события эти имели место в XVII в.[30] Дж. Бэлл, находясь в течение 1837–1839 гг. в Черкесии, слышал рассказ одного старого черкеса по имени Субаш, что «два века назад» между свободными людьми (тфокотлями) и знатью имела место ожесточенная борьба, в результате которой было существенно поколеблено могущество феодальной аристократии.[31] Спустя 30 лет после Бэлла Н.Л. Каменеву, собиравшему в 1857 г. черкесские предания, адыгскими старейшинами было сообщено, что «назад тому 236 лет», т.е. в 1631 г. началось восстание абадзехов

[28] Гарданов. С. 253.

[29] Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 179.

[30] Гарданов. С. 247–248.

[31] Бэлл Дж. Дневник… Т. 2. С. 163.

против господствовавших над ними бжедугских князей. «Абадзехи, жившие по соседству с бжедугами, были обложены данью бжедугскими князьями, подвергаясь с их стороны грабежам. Но потом они взялись за оружие и вступили в борьбу с бжедугами хамышеевцами[32], заставив их очистить Хамышки и удалиться на Псекупс».[33] Следом произошло вытеснение бжедугов из бассейна рек Псекупса и Хамышки на Кубань. Черкесская аристократия была не в силах вытеснить абадзехов из пересеченной местности, где они жили не большими селами, а разбросанными хуторами. «Постоянные же набеги на разбросанные хутора, доставляя добычу, язвили в то же время самолюбие князей и дворян, которым приходилось скрещивать оружие с мужиками».[34] К абадзехам начали присоединяться беглые крепостные из владений бжедугских, темиргоевских, махошевских и других адыгских князей. Темиргоевская и бжедугская аристократия с помощью кабардинских князей пыталась покорить абадзехов и восстановить там феодальный строй. В старинной адыгской «Песне об Ощнэуской битве» и преданиях с ней связанных, говорится о походе кабардинцев на абадзехов с целью их подчинения. Сопровождавшие песню предания объясняли причину этого похода тем, что абадзехи не имели князей. Народный характер общественного правления не нравился темиргоевским и бжедугским князьям, так как племена, находившиеся в их подчинении, часто брали пример с абадзехов и шапсугов и в случае недовольства князьями бежали к последним[35]. Бжедугские и темиргоевские князья не могли мириться с таким положением и решили с помощью кабардинских князей покорить абадзехов. Кабардинский отряд под руководством знатного дворянина Там-

---

[32] У бжедугов было два колена – хамышеевское и черчанеевское, управляемых князьями.

[33] Каменев. С. 109.

[34] Там же. С. 110.

[35] Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни. Нальчик: Эльбрус, 1973. С. 77.

биева пошел на абадзехов. Битва произошла в дремучем лесу, называемом «ОщнэІу», где абадзехи уничтожили кабардинскую дворянскую панцирную кавалерию[36].

В свою очередь демократические черкесские общества оказывали всяческую поддержку крестьянам феодальных владений в их борьбе за установление демократических порядков и за свержение политической власти феодальных сословий. Н.Л. Каменев писал: «По занятии Псекупса абадзехи, народ существенно демократический, не остались равнодушными к соседям своим: шапсугам, бжедугам и натухаевцам, откуда раздавался вопль среднего сословия, угнетаемого князьями и дворянами. Абадзехи сознательно поддерживали дружеские отношения с этим сословием, входили в родственные связи и раздували ненависть к сословию высшему, властолюбие которого при благоприятных обстоятельствах могло бы сделаться для них опасным. Изменить внутренний строй у соседей было господствующим стремлением абадзехов, уничтожить самоуправство князей и дворян было господствующим стремлением среднего сословия. При таком настроении умов революция стала неизбежной, и вот в прошедших годах прошедшего столетия она вспыхнула в шапсугском племени. Псекупские абадзехи не упустили случая принять участие в возмущении среднего сословия против сословий привилегированных, и, несмотря на страшную потерю, понесенную ими в славной для князей и дворян Бзиюкской битве, они поддержали упавший дух у шапсугов и помогли им учредить народное управление, основанное на выборном начале».[37]

В конце XVIII в. в Шапсугии произошел конфликт между шапсугскими дворянами Шеретлоковыми и тфокотлями, спровоцированный Али Султаном Шеретлоковым, ограбившим купцов, находившихся под покровительством одного из «соприсяжных братств». В результате были убиты двое из числа этого братства.

[36] Там же. С. 77–79.

[37] Каменев. С. 113–114.

В отместку тфокотли разорили и сожгли усадьбу Али Султана Шеретлокова. Переселившиеся к бжедугам Шеретлоковы обратились за помощью к бжедугскому князю Батчерию Хаджимокову. Кульминацией этого противостояния стала знаменитая Бзиюкская битва 1796 г. Хотя дворянская бжедугская и шапсугская кавалерия нанесла поражение народному шапсугскому и абадзехскому ополчению в Бзиюкской битве, феодальная коалиция не смогла силой водворить обратно Шеретлоковых в Шапсугию и восстановить их привилегированное положение. В период наибольшего ожесточения, сразу после 1796 г., «соприсяжники» объявили бойкот дворянам: «дома простолюдинов закрылись для дворян»; «последняя мера сохранилась в памяти народа под названием харам; она оставалась в полной силе до тех пор, пока брожение умов не утихло».[38] Бжедугские князья посоветовали Шеретлоковым найти способ примирения со своим народом. Переговоры завершились соглашением, согласно которому шапсугским дворянам, за исключением Али Султана Шеретлокова, было разрешено вернуться на родину с условием, что они откажутся от большинства своих политических привилегий. В 1803 г. на народном собрании шапсугов (Печетныкъо зэфэс) были выработаны основные положения, регулировавшие взаимоотношения между феодалами и крестьянами и приведшие к сближению их правового статуса. Небольшая группа шапсугских дворян во главе с Султан-Али Шеретлуко в 1799 г. переселилась в российские пределы[39], основная же масса нет. Л.Я. Люлье отмечал в этой связи, что «большая часть из них решилась остаться на родине, в надежде на прежнее свое влияние и на своих приверженцев (clientelle); но не пользуется другими преимуществами, кроме тех, которые дают ум, красноречие или храбрость».[40]

---

[38] Люлье. С. 67.

[39] Чемсо А.К. Гривенно-Черкесская станица. Краснодар: Краснодарские известия, 2002. С. 17–19.

[40] Люлье. С. 67–68.

Для большинства горных народов с эгалитарными политическими традициями характерно сопротивление не только поглощению извне феодальными государствами, но и созданию на своих территориях иерархического политического устройства. Составной частью этого сопротивления является стремление не допустить создания надобщинных, наднациональных государственных институтов власти и борьба против формирования внутри себя аристократических элит. Борьба крестьянства с феодальной аристократией и против государственных режимов – явление, распространенное как на Кавказе, так и за его пределами в разные исторические периоды. Там, где крестьяне не могли сопротивляться государству, терпели поражение в борьбе с государством, они бежали от него. Формирование казачества на окраинах российской империи является ярким примером бегства крестьян от государства и сопротивления установлению иерархических политических структур. Там, где крестьяне побеждали, происходило установление демократических порядков, препятствовавших возникновению аристократических элит и политической власти, не подконтрольной сельской общине.

В дагестанских вольных обществах происходила борьба джамаатов (обществ) против «феодализации» или своего рода тиранизации общества – когда выборные правители пытались узурпировать власть, их просто убивали.[41]

Подобные истории можно обнаружить у большого числа эгалитарных горных народов мира, в частности у народов Юго-Восточной Азии. Об одном из таких народов пишет американский антрополог Дж. Скотт: «Однако есть одна «традиция», которую с гордостью поддерживают все лису, – традиция убийств старост деревни, если те стали слишком автократичны… лису ненавидят напористых и авторитарных старост и рассказывают бесчисленное множество историй об их убийствах. Такие рассказы, так или иначе, служили своеобразным

[41] Агларов. С. 217–218, 229.

эгалитарно-структурным профилактическим предупреждением о возможных последствиях любых попыток автократических старост обеспечить своему роду вечную власть».[42]

В центральной Аварии феодальное сословие (беки и чанки) окончательно потеряло свои позиции в результате его отстранения, физического истребления или секуляризации земель в пользу джамаата во времена мюри-дизма и установления власти имамата Шамиля.[43] Надо заметить, что в Дагестане, еще до имама Шамиля, в ряде вольных обществ беки и чанки были поставлены вне закона. Как отмечает М. Агларов, истребление чанков во время мюридистского движения происходило на вполне подготовленной почве, о чем свидетельствуют постановления адатов вольных обществ: «Если житель Андалальских аулов во время выхода по тревоге убьет бека, то следует со всего округа в пользу убийцы ежегодно десять овец и сто мерок зерна». Нельзя было вступать с беками в брак: «Если кто-нибудь выдаст свою родственницу замуж за бека или женится на них, то с него взимается штраф – триста баранов». Нельзя было отчуждать или продавать недвижимость лицам бекского происхождения: «Если один из нас передаст беку путем продажи или другой сделки дом или иное недвижимое имущество, то с него взимается штраф – триста баранов, а имущество переходит в распоряжение общества». Нельзя было принимать от беков какую-либо плату за услуги и соответственно оказывать их бекам: «Если один из нас получит у беков лошадь или оружие за услуги, то стоимость полученного им конфискуется в общую пользу». Нельзя было оказывать поддержку бекам во время расследования убийства: «Если один из нас убьет одного из беков и родственники убитого попросят сведения у одного из нас или у жителей нашего аула и если жители нашего аула или один из них выдаст родственникам убитого эти сведения, то с жите-

[42] Скотт. С. 404–405.

[43] Агларов. С. 162.

лей аула взимается штраф – три быка, а с отдельного человека – один бык». Нельзя было давать бекам какие-либо сведения, чего бы они ни касались: «Если кто доносит бекам, взимается сто баранов». И, наконец, бекам было отказано в святая святых для горцев Кавказа – в пище: «Если один из нас даст ему пищи или одолжит ему что-либо, то с него взимается один бык». В пище не отказывали даже тем, кто был подвергнут остракизму, а чанков лишали и этого права! Подобные постановления имели место не только внутри отдельных политических образований, по этому поводу принимались своего рода «международные» соглашения. Так, Цудахарское «вольное общество» (даргинцы – А.М.) заключило с Андалальским «вольным обществом» (сел. Чох, аварцы – А.М.) договор, один из пунктов которого гласил: «Если один из жителей обоих селений убил бека, то оба села должны выдать ему двадцать баранов».[44] В этом отношении любопытно постановление, принятое бжедугскими тфокотлями на одном из съездов (хаса): «положили – не повиноваться более дворянству, даже не оказывать отдельным лицам из его среды каких бы то ни было приятельских услуг и, наконец, постановили, что всякий простолюдин (тльфекотль), убивший князя или дворянина, потеряет только свой заряд: народ общею силою будет отвечать за него, даже платить за кровь (тлевас), если бы и пришлось платить».[45] Кульминацией борьбы бжедугских тфокотлей против феодалов, шедшей с переменным успехом с 1830-х гг., стало военное столкновение в 1856 г., вошедшее в историю как «пшы-уорк зао» (война с князьями и дворянами).

Любая иерархия самим фактом своего существования порождает социальное неравенство, в основе которого лежат такие критерии, как богатство, привилегии и почести[46]. Если к богатству черкесская феодальная знать относилась достаточно

[44] Там же. С. 164–165.

[45] Хан-Гирей. Князь Пшьской Аходягоко. С. 534–535.

[46] Скотт. С. 432.

равнодушно, то к последним двум – ревниво. Черкесские феодальные общества отличались детально продуманными системами иерархий и статусно кодифицированного поведения[47]. Особенно щепетильными и требовательными в этом отношении были кабардинские князья. У кабардинцев имел место такой обычай: если по дороге ехал князь, то встретившийся с ним должен был развернуться и сопровождать его до тех пор, пока тот его не отпустит. Впрочем, это правило следовало соблюдать по отношению к каждому старшему по возрасту человеку. По отношению к князьям оно соблюдалось независимо от возраста. Так вот, князья Тохтамышевы в заносчивости и тщеславии дошли до того, что заставляли крестьян поворачивать тяжелогруженные арбы и следовать за ними по нескольку верст.[48] У абадзехов не было своих князей, но были дворяне, некоторые из которых, несмотря на произошедший у них «демократический переворот», пытались требовать к себе особого отношения и соблюдения их сословных привилегий. Абадзехи, которых некоторые русские офицеры во время Кавказской войны называли «чеченцами» Западного Кавказа, как и последние, отличались крайним неприятием социальных иерархий и отрицанием статусных привилегий. В этом отношении показательна история, рассказанная абадзехским старейшиной Зачари Брантовым[49], имевшая место в 1848 г.: «Однажды уздень Енамуков Ельмирз с одним всадником отправились куда-то и по пути встретились с Дзыбовым Исламом и его спутником, которые возвращались домой. Спутник Ислама говорит ему: «Тот, с которым мы сейчас

---

[47] Там же. С. 230.

[48] Кумыков Т.Х.: Архивы. Материалы Терско-Кубанской сословной комиссии Д.С. Кодзокова. Нальчик: Печатный двор, 2017. С. 41.

[49] Автор «Абдзэхэкъэбар» («Абадзехского сказа») Зачерий Брантов, родился в Абадзехии в верховьях реки Пшеха, в районе современного города Горячий Ключ Краснодарского края в 1839 г. До 1864 г. его семья проживала в Абадзехии. Умер в 1934 г. в возрасте 95 лет.

только что разминулись, является абадзехским узденем[50], и то, что мы не повернули назад и не поехали вместе с ним, нам боком выйдет». Ислам спросил: «А что случится с нами за то, что не повернули назад и не поехали вместе с ним?»

Спутник на это ответил так: «А то, что он или нашего ребенка украдет и продаст, или присвоит себе наш скот. Однажды Аутлев Хачак не повернул назад при встрече с ним и не поехал в обратную сторону вместе с ним. Позже по его указанию украли ребенка Хачака и продали его в Убыхию».

– Ну, раз такое дело, и мы повернем и поедем вместе с ним, а то можем потерять ребенка или скот, – сказал Ислам, повернул обратно своего коня и быстрым галопом догнал Енамукова.

Тот спросил: «Почему ты передумал и повернул обратно, Ислам?»

– Да потому, что мой спутник утверждает, что тот, кто просто проезжает мимо, а не поворачивает назад и не поедет вместе с тобой, тот крупно пострадает и нам ничего хорошего не сулит. А когда я спросил его, что же с нами может произойти, он ответил, что ты можешь продать моего ребенка или присвоить мой скот. Однажды Аутлев Хачак мимо тебя проехал и не повернул обратно вместе с тобой продолжать путь, тогда ты украл у него сына и продал его в Убыхию. Вот почему я повернул обратно и поехал вместе с тобой.

– А разве ты до сих пор об этом не знал, пока тебе не сказали? – спросил Ельмирз.

– Действительно, не знал, – чистосердечно признался Ислам.

С этими словами Ислам рванул коня и отпрянул от Енамукова в сторону, затем стал перед ним, молниеносно сорвал чехол со своего ружья и направил его в грудь узденя. «Вернись, Енаму-

[50] Уздень у черкесов означает дворянин, в отличие от дагестанцев и чеченцев, где оно означает лично свободного человека. Этот термин использовался русской администрацией в отношении черкесских дворян, сами черкесы в отношении их использовали термин «уэркъ».

ков, обратно к тому месту, где я повернул назад и стал догонять тебя, клянусь молитвенным местом в Тхачеге[51], что находится в Тубе[52], я тебе не позволю не слушаться меня. Или я тебя убью, или ты меня убьешь, но, пока я жив, тебя дальше не пущу», – пригрозил Ислам. Енамуков решил, что он сам не убьет этого ненормального и тому не дадут убить его самого, и повернул назад, доехал к тому месту, где Исламу пришлось повернуть, чтобы последовать за Енамуковым.

Затем Ислам, обращаясь к Енамукову, сказал:

– Енамуков, кто не поворачивает обратно и не едет вместе с тобой, у того ты забираешь дитя или скот. А я вот даю перед тобой клятву молитвенным местом в Тхачеге, находящемся в Тубе, в том, что если впредь кто повернет в дороге обратно и с тобой поедет, у того я отберу и дитя, и скот.

После этого поучительного случая при встрече с Енамуковым в пути никто больше не поворачивал обратно и его, Енамукова, перестали почитать как раньше. Енамуков и Дзыбов оба были из истых абадзехов».[53]

Дворяне в Шапсугии, Абадзехии и Натухае несмотря на потерю монополии на политическую власть, продолжали придерживаться своих сословных правил и не стремились слиться с народом. В отличие от тфокотлей, они считали предосудительным заниматься физическим трудом, торговлей, вступать в браки с представителями крестьянских сословий. Адыгские тфокотли, как и дагестанские и чеченские уздени, были не только землевладельцами, но и земледельцами, они участвовали в земледельческих работах, пахали, сеяли, косили сено, занимались садовод-

[51] Тхачег – священная роща в лесах Абадзехии

[52] Туба – старое селище, прародина основных абадзехских фамилий, местность на границе с Убыхией и Шапсугией

[53] Брантов Зачерий-Хаджи. Абадзехский сказ. Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии и авторы вступительной статьи: А.К. Чеучева, И.К. Брантова. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2014. С. 72–73.

ством. Никто не считал земледельческую или скотоводческую работу зазорной, если она не «женская», т.е. если соответствовала половозрастному разделению труда. Здесь отразилось отличие западно-кавказской и восточно-кавказской сельской общины от восточной – в последней занятие земледелием считалось непочетным, специализированным, крестьянским. Как отмечал М. Агларов, «тип общины, сложившийся в Циркумпонтийском регионе, включая Малую Азию и античный мир, не знал такого предубеждения против занятия земледелием, напротив, оно считалось почетным. В античной древности земледелие было в большом почете; в средние века в Европе наоборот. Древние греки и римляне почитали земледелие единственно делом, подобающим для свободного человека. Можно вспомнить Луция Квинкция Цинцинната[54], которого отечество призвало от плуга на высшую государственную должность и который, выполнив свой долг, спасши родину, возвратился к своему клочку земли. Маний Курий Дентат[55], победитель одного из талантливейших полководцев эллинистической Греции, эпирского царя Пирра, после победы, которая навсегда отдала Италию в руки Рима, продолжал хозяйничать на своем крохотном поле, собственными руками пахал его, засевал и снимал урожай; посетители заставали его в скромном доме, сидящим перед очагом и варящим кушанье из репы, довольствующимся грубой глиняной посудой. Приводимые аналогии красноречиво характеризуют отношение землевладельцев к земле в античной общине».[56]

---

[54] Луций Квинкций Цинциннат (ок. 519–439 гг. до н. э.) – легендарный римский патриций, диктатор и полководец V века до н. э., ставший образцом гражданской доблести, скромности и бескорыстного служения Риму. Будучи фермером, он дважды назначался диктатором для спасения государства, молниеносно побеждал врагов и сразу отказывался от власти, возвращаясь к плугу

[55] Маний Курий Дентат (ок. 321–270 годы до н. э.) – древнеримский политический деятель и военачальник, четырёхкратный консул

[56] Агларов. С. 168–169.

В одном из рассказов Зачерия Брантова нашел отражение гражданский идеал абадзехов, выраженный в ответе крестьянской девушки, отвергшей предложение, сделанное ей темиргоевским князем. В 1855 г. в Абадзехии жили три знаменитых девушки. Одна из них, «прославленная красавица, Четаова Хасас, жила в Хидижи. Сын Болотокова Айтеча, Асланчерий, объявил, что он собирается жениться на знаменитой абадзехской девушке и поехал в Хидижи к Хасас. Предложил ей руку и сердце. Та отказала ему. Князь спросил её, почему она не хочет стать его женой. Девушка ответила ему, что он – чемгуйский князь и должен жениться на достойной женщине, а она не станет таковой, ибо не знает, как надо себя вести княгине, и как надо ухаживать за мужем-князем. «Я выйду замуж за такого мужчину, который умеет владеть тяпкой и своим ружьем, ходит полоть свою долю земли, держа вместе свою тяпку и ружье. И чтобы он, услышав о начале битвы, откладывал в сторону свою тяпку и воевал вместе с другими, и возвращался домой с синими от пороха губами», – ответила она ему».[57]

Единственную привилегию, которую тфокотли согласились оставить дворянам – это быть первыми в сражении и руководить их военными отрядами. Во время Кавказской войны на Западном Кавказе основу военных сил демократических политий стали формировать свободные общинники-тфокотли, представлявшие собой большинство населения. Но и здесь дворянам, в силу их узкого профессионализма и превосходства в военной сфере, на время войны предоставлялись командные полномочия, доверялось руководство военными предприятиями.[58] В этом плане показателен пример шапсугского дворянина, одного из самых известных военных предводителей времен Кавказ-

[57] Брантов. С. 67–68.

[58] Мирзоев А.С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов. Средневековье – Новое время. Нальчик. Издательство М. и В. Котляровых, 2021. С. 179.

ской войны Кизильбеча Шеретлокова. Военные сводки царского командования, отложившиеся в российских архивах, сообщают нам о необычайной военной активности этого предводителя с конца XVIII в. вплоть до его смерти – 28 февраля 1840 г., наступившей в результате ранения, полученного в одном из набегов на кордонную линию. Ввиду чрезвычайной популярности и удачливости на военном поприще, Кизильбечу Шеретлокову не составляло никакого труда собирать под свои знамена многочисленные партии, основную массу которых составляли тфокотли. При этом источники сообщают, что Кизильбеч Шеретлоков почти не принимал никакого участия в общественно-политической жизни шапсугов, редко посещая народные собрания. После так называемого «демократического переворота» часть шапсугского дворянства, в том числе и Шеретлоковы, не смирившиеся с утерей политических привилегий и установлением новых порядков на своей родине, переселились за Кубань и поступили на царскую службу. Неоднократно они посылали письма к знаменитому сородичу с предложением перейти на службу к русскому царю, который отдает должное их социальному статусу и щедро оплачивает их службу. На что Кизильбеч в шутливой форме отговаривался, что он, собирая тысячами под свои знамена тфокотлей и ведя их в набеги на кордонную линию, где они погибают сотнями, тем самым «мстит» черни за поруганную честь шапсугского дворянства.[59] На самом деле он, как и многие представители его рода, оставшиеся жить в Шапсугии, поставил общенациональные интересы выше собственных сословных привилегий.

Массовое переселение крестьян из княжеских владений в демократические общества, привело со временем к исчезновению одних феодальных владений (вепсны, хегаки, жанеевцы) и ослаблению других (темиргоевцы, бжедуги, хатукаевцы, мамхеги, махошевцы и др.). «Следствием этого соприсяжного собрат-

[59] Хан-Гирей. Бесльний Абат. С. 504.

ства, – отмечал Хан-Гирей, – в племенах абедзахском, шапсхгском и натххоккоадьском до основания разрушилась самобытность владений вепснского, ххеххадчьского и жанинского... Простой класс этих владений, даже и большая часть крестьян, принадлежащих дворянам и князьям, присоединясь к племенам, имеющим соприсяжное собратство, соделались членами родов, составляющих эти племена; а владельцы их рассеялись по всей Черкесии, и все княжеские владения приведены были в бессильное состояние».[60] Бегство крепостных крестьян из Бжедугии, Темиргоя и др. феодальных владений привело к резкому сокращению численности населения в них и ослаблению. «Это бегство крестьян приняло такой масштаб, – отмечал В.К. Гарданов, – что прежде незначительные племена шапсугов, натухайцев и абадзехов превратились в самые крупные этнические подразделения адыгов. Параллельно с ростом населения «демократических» племен происходило и увеличение занимаемых ими территорий. И то и другое происходило за счет «аристократических» племен, что весьма ослабило их».[61] По мнению В.К. Гарданова, шапсуги, натухайцы и абадзехи составляли в первой половине XIX в. примерно две трети численности всех адыгов.[62] Демократические порядки, существовавшие у шапсугов, натухайцев и абадзехов, привлекали к ним выходцев и из числа неадыгских феодальных владений – абазин и ногайцев.[63] Значительной пестротой отличался этнический состав самого эгалитарного на Западном Кавказе общества хакучей, которое даже по отношению к демократическим обществам шапсугов, натухайцев и абадзехов выглядело как Запорожская Сечь.[64] Сре-

[60] Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 179.

[61] Гарданов. С. 49.

[62] Там же. С. 44.

[63] Там же. С. 48.

[64] Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. С. 552.

ди хакучей кроме выходцев из шапсугов, абадзехов и других адыгских обществ можно было встретить и беглых русских солдат и казаков. Подобно тому, как в России была формулировка «уйти в казаки», у черкесов была формула «уйти в шапсуги».[65] Н.Л. Каменев отмечал, что абадзехи с самого начала формировались из «горского казачества», т.е. из беглых крестьян различных адыгских и абазинских племен.[66]

Кавказская война еще больше осложнила положение феодальных владений, граничивших с шапсугами и абадзехами – Темиргоя и Бжедугии. С одной стороны они подвергались нападениям со стороны своих соплеменников, а с другой часто разорялись российскими войсками. На каждый набег абадзехов и шапсугов, темиргоевские и бжедугские князья совершали ответный. Так, темиргоевцы, приглашенные турецким правительством участвовать в обороне крепости Анапа в 1807 г., после взятия ее русскими войсками на обратном пути, «проходя через земли абадзехов, производивших во время их отсутствия грабежи, … сделали на них нападение, отбросили их в глубину гор, захватив много имущества и по реке Пшишу земли. Между абадзехами и темиргоевцами вспыхнула ожесточенная борьба, поставившая последних, разоряемых в то же время русскими, в крайне затруднительное положение».[67] Горно-лесистая местность давала преимущества в обороне абадзехам и шапсугам, а проживавшие в предгорьях и на равнинах темиргоевцы и бжедуги находились в более уязвимом положении. Война на два фронта приводила их к истощению и упадку хозяйственно-экономического благосостояния.

---

[65] Дерлугьян Г.М. Кавказская демократия выросла из кукурузы и ружей January 3, 2017 Georgi Derluguian // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.ponarseurasia.org/8828/ Дата обращения: 15.05.2025. г.

[66] Каменев. С. 103, 109, 132.

[67] Там же. С. 148.

Кавказская война и осознание угрозы потери независимости запустило интеграционные процессы как внутри черкесских обществ, так и между ними. С 20-х годов XIX в. периодически созываются общенациональные съезды шапсугов, абадзехов, натухайцев и убыхов, куда приглашаются и представители аристократических владений для выработки условий политической и военной консолидации в борьбе против российской колониальной экспансии. В 20-х годах XIX в. в результате переговоров в абадзехском ауле Джанкетхабль (на реке Пшиш) темиргоевцы и абадзехи на Коране «присягнули на вечный мир». Один из влиятельных темиргоевских князей Джамбулат Болотоков с шестью подвластными ему аулами переселяется с реки Лабы к реке Белой, поближе к абадзехским землям, откуда он в течение десяти лет совершал свои набеги на российскую кордонную линию, возглавляя отряды из абадзехов, темиргоевцев, убыхов и беглых кабардинцев.[68] После окончательного завоевания Кабарды ген.-л. А.П. Ермоловым в 1822 г. значительная часть кабардинских князей и дворян ушла за Кубань, поселившись компактно аулами рядом с бесленеевцами и абазинами. Именовавшиеся русскими властями как беглые кабардинцы и абреки, впоследствии в официальных документах закубанские кабардинцы стали называться «хаджретами». Беглые кабардинские князья и дворяне, будучи нетерпимыми врагами российской власти, являлись организаторами и вдохновителями многочисленных набегов закубанских черкесов на Кавказскую кордонную линию, на казачьи станицы и русские села. Когда же земли Восточного Закубанья оказались под контролем российской администрации, «аристократические» кабардинцы находят приют у «демократических» абадзехов. Правда, живя среди абадзехов, они сохраняют свою политическую автономию, избирая старшего князя (валия) и суд (мегхеме).

Исламский фактор сыграл существенную роль в дальнейшей трансформации политической системы черкесских обществ За-

[68] Каменев. С. 148–149.

падного Кавказа, запущенной демократическим переворотом. Его актуализация была вызвана тем, что для противостояния угрозе завоевания со стороны Российской империи необходимо было преодолеть политическую раздробленность и создать общенациональные органы управления в масштабах Черкесии. На Западном Кавказе начало распространению политических идей ислама было положено шейхом Мансуром в конце XVIII в. В 20-е гг. XIX в. в распространении ислама среди черкесов Западного Кавказа сыграл значительную роль комендант крепости Анапа турецкий паша Хаджи-Хассан-Чечен-оглы (Хасан-паша). Деятельность Хасан-паши по укреплению позиций ислама среди черкесов нашла освящение в трудах Хан-Гирея, писавшего о нем: «Этот знаменитый… турецкий вельможа в кратковременное свое пребывание в Анапе совершил удивительный переворот во всей Закубанской Черкесии: привел значительную часть туземцев к присяге в верности к своему государю, искоренив образ судопроизводства, основанный на древних обычаях и веками утвержденный, подчинил все шариату… Действуя таким образом силою религии, он дал … быстрое направление умам черкесского народа к пагубному равенству».[69] Идеи равенства мусульман были быстро восприняты бжедугскими крестьянами и привели к обострению их взаимоотношений со своей феодальной аристократией: «Хасан-паша столь удачно действовавший на умы черкесского народа, имел гибельное влияние на права и власть высшего класса в этом народе, но в особенности расстроил порядок внутреннего управления Черченайского и Хмшийского владений, где вольные земледельцы, к мятежу склонные, как везде своевольная чернь, восстали противу власти издревле господствующего класса, опираясь, так сказать, на силу магометанских законов, проповедываемых им духовенством, не знающим и не желающим знать, что для общего блага необходимы уважение и покорность властям, веками в этой земле утверж-

[69] Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 124.

денным».[70] Противостояние тфокотлей и дворян, постоянные столкновения с абадзехами, массовое бегство и переселение крестьян сильно ослабили бжедугские феодальные княжества. Владетельный князь Хамышеевского колена бжедугов Алкас Хаджимуков, принял решение обратиться к командованию Черноморского войска с просьбой о разрешении переселиться на другой берег Кубани, «в другое место, более отдаленное от гор и горных племен, чтобы восстановить во всей силе древние права и власть дворянства».[71]

Следующий этап общественно-политических преобразований на основе ислама у шапсугов, натухайцев и абадзехов связан с деятельностью наиба Шамиля Магомед-Амина (1848–1859), посланного им на Западный Кавказ по просьбе абадзехских старшин. Магомед-Амин хотел объединить общества Закубанской Черкесии по примеру централизованного теократического государства – имамата Шамиля на Восточном Кавказе. Средством централизации стало создание органов управления и суда, опиравшихся на нормы шариата, – мехкеме. Из местных демократических традиций, учитываемых Магомед-Амином, было то, что совет мехкеме избирался от каждого «племени» (лIакъуэ) и территориальной общины (псыхъуэ), на которые были поделены абадзехи. Они заседали в суде, взыскивали подати, наблюдали за защитой страны.[72] Но начальников мехкеме и постоянной жандармерии (муртазаков), которая создавалась, чтобы решения мехкеме проводились в жизнь, и оплачивалась за счет населения, назначал сам Магомед-Амин. Это вступало в противоречие с демократическими традициями черкесов и превращало данный институт в механическое соединение чужеродных элементов. Кроме того, мехкеме было поставлено над

[70] Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 159.
[71] Хан-Гирей. Князь Пшьской Аходягоко. С. 541–542.
[72] Лапинский. С. 77–78.

советами (тхарко хас)[73] долины (псухо)[74]. Оно находилось и вне контроля народных собраний в масштабе страны, чьи постановления имели силу закона для адыгов. Поэтому они не могли долгое время подчиняться постоянной, а тем более деспотической власти, каким бы высоким религиозным авторитетом она не освящалась. Мехкеме не обрели той степени легитимности, которая требовалась для их успешного функционирования[75]. Несмотря на угрозу потери независимости, черкесы оказались неспособны пожертвовать своими свободами ради укрепления политического единства и безусловно подчиниться нововведениям Магомед-Амина, установив теократию, наподобие имамата Шамиля.[76] В конечном счете Магомед-Амину подчинились только абадзехи. На землях шапсугов, натухайцев и убыхов продолжала функционировать демократическая форма политического устройства. Земли этих субэтносов были поделены на округа, во главе которых стояли советы избираемых пожизненно независимо от сословного происхождения (тфокотлей или дворян) присяжных судей. Суд присяжных (тхарко-хас) был административным органом, который каждый в своем округе решал судебные дела, налагал штрафы, проводил мобилизацию населения в случае военной угрозы.[77] Для решения вопросов, касающихся всего народа, согласно сведениям Дж. Лонгворта, созывались народные собрания, избиравшие Большой совет,

---

[73] Тхарко хас – суд присяжных (тхьэрыIуэ хасэ) — выборный административный орган, который каждый в своем округе решал судебные дела, налагал штрафы, проводил мобилизацию населения в случае военной угрозы.

[74] Псухо – территориальное членение сельских соседских общин на округа. Все села, располагавшиеся в долине одной реки или ущелья, составляли округа (псухо). Политическое управление и суд у шапсугов, абадзехов и натухайцев осуществлялись на выборных началах по территориальному принципу через институт присяжных судей (тхьэрыIуэ хасэ).

[75] Кажаров. С. 175.

[76] Там же. С. 176.

[77] Новицкий. С. 1.

или меджлис.[78] По мере нарастания внешней угрозы его полномочия повышались, происходило усиление законодательных и распорядительных функций, но он так и не стал постоянно действующим наднациональным органом власти, вплоть до вступления черкесов в финальную стадию Кавказской войны.[79] В 1859 г. Шамиль был пленен в высокогорном аварском селении Гуниб, завоевание Восточного Кавказа было окончено. Узнав об этом, Магомед-Амин, считая дальнейшую борьбу бесперспективной, заключает от лица абадзехов сепаратное перемирие с российским военным командованием и покидает Западный Кавказ. В 1860 г. прекратили сопротивление натухайцы.

В июне 1861 г. представители шапсугов, абадзехов и убыхов, собравшись на совет, единогласно решили учредить чрезвычайный союз для обороны страны – «Великое свободное заседание» - Черкесский меджлис. Для управления союзом был учрежден меджлис (правительство) из 15 улемов. Меджлис разделил весь край на 12 округов, в каждый из них были определены муфтий, кадий и мухтар. Здание меджлиса было возведено в долине реки Псахе, недалеко от Сочи. Вводилась воинская повинность (по пять вооруженных всадников от 100 дворов) и налоговая система, прежде всего в целях создания фонда обороны.[80] Главой меджлиса был избран убыхский предводитель Хаджи Берзек Керантух. Меджлис стал постоянно действующим органом власти, сочетавшим законодательные, распорядительные и исполнительные функции. Появление наднационального органа власти стало итогом политических реформ в Западной Черкесии.[81] Из двух моделей политического устройства (исламская и демократическая) к концу Кавказской войны возобладала черкесская

---

[78] Лонгворт. С. 547.

[79] Кажаров. С. 163.

[80] Фелицын Е.Д. Князь Сефербей-Зан, политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Нальчик.: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 167.

[81] Кажаров. С. 178.

демократия в виде созданного в 1861 г. «Великого собрания», или Черкесского меджлиса.

Военно-политическое поражение черкесов в Кавказской войне, которая в основном и стимулировала у них общественно-политические преобразования, не дало времени завершить их созданием всех необходимых для централизации государственных институтов. Традиционные социальные, правовые практики горцев Западного Кавказа в виде адатов способствовали сохранению политической раздробленности региона и противодействовали внедрению в жизнь общества универсальных исламских социально-политических практик в виде шариата и создания исламской модели государства по примеру имамата Шамиля. Борьба и конкуренция между этими двумя моделями политического и социально-правового устройства шла на всем протяжении Кавказской войны. Попытка их синтеза завершилась неудачей, в конечном итоге из вышеназванных двух моделей политического устройства возобладала, как уже было отмечено, черкесская демократия, что выразилось в создании в 1861 г. «Великого собрания», или Черкесского меджлиса. Поражение в Кавказской войне и выселение черкесов Западного Кавказа в пределы Османской империи прервало ход их исторической эволюции и стерло с исторической карты саму страну Черкесию, исключив возможность завершения общественно-политической трансформации, имевшей место с XVII по 60-е годы XIX в.

Литература

1. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). Махачкала: Наука-Дагестан, 2014. 290 с.

2. Алиев Б.Г. Союзы общин Дагестана: история формирования, этнический состав, самоуправление // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20, № 3. С. 544–554.

3. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни.Нальчик: Эльбрус, 1973. 228 с.

4. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах / пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Т. 1. 408 с.

5. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах / пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Т. 2. 328 с.

6. Брантов Зачерий-Хаджи. Абадзехский сказ. Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии и авторы вступительной статьи: А.К. Чеучева, И.К. Брантова. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2014. 344 с.

7. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.

8. Дерлугьян Г.М. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд.-во Института Гайдара, 2013. 384 с.

9. Дерлугьян Г.М. Кавказская демократия выросла из кукурузы и ружей January 3, 2017 Georgi Derluguian // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.ponarseurasia.org/8828/ Дата обращения: 15.05.2025. г.

10. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи. (Историко-этнографический очерк) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. С. 593–640.

11. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.

12. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.

13. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. 606 с.

14. Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии // Кажаров В.Х. Избран-

ные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: Печатный двор, 2014. 899 с. Каменев Н.Л. Бассейн Псекупса (1867 год) // Кармов Руслан. БЛИКИ. Выпуск 8. Альтернативные изыскания по абазо-адыгской истории. СПб.: Питер, 2019. С. 96–158.

15. Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX– начале XX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. С. 101–135.

16. Кумыков Т.Х. Архивы. Материалы Терско-Кубанской сословной комиссии Д.С. Кодзокова. Нальчик: Печатный двор, 2017. 174 с.

17. Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа. 1995. 463 с.

18. Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (АБКИЕА) / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 531–584.

19. Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. С. 63–70.

20. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н.э. / пер. с англ. и науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с.

21. Мирзоев А.С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов. Средневековье – Новое время. Нальчик. Издательство М. и В. Котляровых, 2021. 398 с.

22. Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлисские ведомости. 1829. № 24.

23. Скотт Дж. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство, 2017. 565 с.

24. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 185–278.

25. Фелицын Е.Д. Князь Сефербей-Зан политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. 295 с.

26. Хан-Гирей. Бесльний Абат // Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. С. 467–515.

27. Хан-Гирей. Князь Пшьской Аходягоко // Султан Хан-Гирей. Из-бранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. С. 516–544.

28. Хан-Гирей. Записки о Черкесии // Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. С. 33–318.

29. Хотко С.Х. Гражданская жизнь западнокавказских горцев: Опыт типологии // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 26–58.

30. Чемсо А.К. Гривенно-Черкесская станица. Краснодар: Краснодарские известия, 2002.178 с.

ГУМБА Г.Д.,
д-р ист. наук, проф. кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии

АБХАЗСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Аннотация: *В статье представлен критический анализ историографии абхазской государственности, рассматриваемой в контексте национальной идентичности и современного политического развития. Особое внимание уделяется разграничению понятий «государство» как формы и «государственность» как содержания, основанного на уникальном культурном коде и традициях народа. В работе обосновывается необходимость интеграции народных институтов и этнокультурных ценностей в правовое поле современной республики для преодоления «кризиса неприемлемого управления» и предотвращения ассимиляции.*

Ключевые слова: *Абхазская государственность, национальная идентичность, традиции и право.*

Abstract*: The article presents a critical analysis of the historiography of Abkhazian statehood, examined within the context of national identity and contemporary political development. Particular attention is paid to the distinction between the concepts of "the state" as a form and "statehood" as a substance rooted in the unique cultural code and traditions of the people. The paper substantiates the necessity of integrating national institutions and ethno-cultural values into the legal framework of the modern republic to overcome the "crisis of unacceptable governance" and prevent assimilation.*

Keywords: *Abkhazian statehood, National identity, Tradition and law*

С древнейших времен находясь в центре контактов и взаимодействия между европейскими и восточными цивилизациями,

абхазский народ создал и развил свою уникальную культуру, национальную самобытность и идентичность. Благодаря этому абхазы пронесли сквозь тысячелетия и сохранили до настоящего времени свои отличительные черты. Содержательным стержнем абхазской истории являлась история абхазской государственности, которая неразрывно связана с уникальной культурой и самобытностью народа.

О причинах, времени и условиях образования абхазской государственности в научной литературе не существует единого мнения, и по этому вопросу ведутся дискуссии. В этом нет ничего удивительного, поскольку проблема образования древнейших государств в исторической науке является едва ли не самой дискуссионной. До сих пор с достаточной ясностью не определены причины возникновения государства вообще, а множество существующих его признаков свидетельствует лишь об отличии от предыдущих форм организации жизни людей; при этом мало кто из исследователей настаивает на универсальных показателях. Не имеет однозначной трактовки и этап перехода от вождества (chiefdom) к раннему государству, как и последующий период становления зрелого государства; не существует и общепризнанной формулировки самого понятия «государство».

В научной литературе насчитывается более 150 определений государства, из которых совпадают менее половины, да и то лишь в общих чертах. Кроме того, сам термин «государство» (the state, l'etat, lo stato, Staat) начинает систематически использоваться только в XVI–XVII веках такими политическими философами, как Жан Боден, Гуго Гроций и Томас Гоббс. Поэтому, применяя понятие «государства» к древним политическим образованиям, мы рискуем приписать им те свойства, которыми они не могли обладать.

Словом, не существует единой обязательной причины возникновения государства, как нет и универсальных признаков государства. Кроме того, этнографическая и историческая наука

свидетельствует, что многие общества, относимые к негосударственным, не уступают государственным по уровню сложности и эффективности социально-политической организации.

Поэтому при исследовании истоков абхазской государственности следует, конечно, исходить лишь из принятых в современной науке в целом более или менее общих представлений о возникновении государства как о сложном и длительном процессе, протекавшем у различных народов мира по-разному в силу специфики культурных, демографических, природных и иных условий. Однако данная статья посвящена не причинам, условиям и времени возникновения абхазской государственности. Дело в том, что при знакомстве с научной литературой у автора сложилось мнение, что именно углубленный анализ причин имеющихся расхождений в историографии по проблеме абхазской государственности может оказаться сегодня наиболее эффективным способом ее решения.

Поэтому в данной статье рассматриваются существующие в историографии основные концептуальные взгляды на возникновение и развитие абхазской государственности. Тем более что сама история абхазской исторической науки XX века, особенно и в большей степени историография древней и средневековой Абхазии, до сих пор еще не исследована в достаточной степени. Между тем эта тема очень актуальна, прежде всего, для решения важных задач, стоящих перед абхазской исторической наукой на современном этапе, поскольку возникшие в основном в советский период и существующие поныне методологические направления, различные концептуальные взгляды на историю Абхазии еще не проанализированы и им не дана научная оценка.

Всем хорошо известны существующие в историографии точки зрения по поводу причин возникновения абхазской государственности, которые можно сгруппировать вокруг двух направлений, отражающих два концептуально различных взгляда на историю Абхазии.

Первое направление рассматривает абхазский этнос как один из древнейших в мире, многовековая история которого является результатом самостоятельного, закономерного внутреннего социально-экономического, политического и культурного развития в тесном взаимодействии и взаимовлиянии с соседними народами и государствами. Древними абхазами был достигнут высокий для того времени уровень развития материальной и духовной культуры, что неизбежно привело к формированию государственности. На протяжении многих веков абхазское государство играло большую роль на Кавказе и в Черноморском бассейне. Согласно этой концепции, абхазский народ с древних времен являлся субъектом мировой истории.

Научное обоснование такой концепции истории абхазского народа впервые было предпринято Д.И. Гулиа в монографии «История Абхазии»[1] и С.М. Ашхацава в докладе «Пути развития абхазской истории»[2]. В дальнейшем она получила развитие в трудах абхазских историков, и подавляющее их большинство в основном придерживаются этой концепции. Из последних работ по теме абхазской государственности следует отметить труд Г. Сангулия «Древняя Абхазия: вождество и царство»[3], в котором с привлечением новых данных достаточно убедительно обосновывается отмеченная концепция.

Вторая концепция отражает, в основном, взгляд грузинской историографии. Она рассматривает абхазов как имевших, в некотором роде, самобытную, но не самостоятельную историю, ибо эта история создавалась в рамках большой политической и культурной истории Грузии и грузинского народа. Абхазы этни-

[1] Гулиа Д.И. История Абхазии, Сухум, 1925.

[2] Ашхацава С.М. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1924 г.

[3] Сангулия Г. Древняя Абхазия: вождество и царство (Историко-археологическое исследование) // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум 2012.

чески отличны от грузин, но якобы являются одним из составных элементов политической и культурной истории Грузии.

Согласно грузинской концепции, Абхазия во все времена являлась составной частью Грузии и не может мыслиться вне ее политической и культурной истории. Абхазы не имели своей государственности, так как, якобы, они не могли достигнуть такого уровня и создать самостоятельное государство вне Грузии и грузинского этноса. В самой этой концепции существуют различные взгляды и направления, которые трудно назвать даже околонаучными. Так, некоторые считают, что древние абхазы якобы были грузинами, а позже пришлые с Северного Кавказа апсуа их ассимилировали. По мнению одних, это имело место на рубеже новой эры, по мнению других, – в позднем Средневековье и т.д.

Авторами грузинской концепции истории Абхазии являются Н.А. Бердзенишвили, С.Н. Джанашиа, В.Д. Дондуа, Г.А. Меликишвили, Ш.А. Месхи и др.[4], и, конечно, нельзя не упомянуть филолога П. Ингороква[5]. Примечательно, что формирование грузинской концепции истории Абхазии происходило не столько на основе научных изысканий, сколько по прямому указанию И.В. Сталина (Джугашвили), о чём свидетельствуют мемуары директора Института истории АН Грузинской ССР в сороковые годы Н.А. Бердзенишвили, изданные в 1998 г. в Тбилиси[6].

---

[4] Бердзенишвили Н.А., Джавахашвили И.А., Джанашиа С.Н. История Грузии. Ч. 1. Тбилиси, 1946; Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К., Меликишвили Г.А., Месхи Ш.А. История Грузии с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Учебное пособие. Тбилиси, 1962.

[5] Ингороква П. Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. Тбилиси, 1954.

[6] Бердзенишвили 1998: Бердзенишвили Н.А. «В гостях у товарища Сталина в Сочи. 20 октября в 11 часов, 21 октября, 22 октября, 23 октября – 3 часа 45 года» // «Цискари». Тбилиси, 1998. № 1. С. 97–111; Институт рукописей им. К. Кекелидзе Академии наук Грузии (Тбилиси), архив Н. Бердзенишвили, рукопись № 1675–1678, ст. 3r-v).

Указанные концепции известны очень хорошо и широко обсуждаются в критической научной литературе, но есть еще третья, которая пока еще находится вне поля зрения, по крайней мере публично не разбирается. Она также рассматривает абхазов как древний самобытный народ со своей историей, культурой, языком. История Абхазии представляется вне рамок Грузии. Очень резко и научно обоснованно опровергаются претензии Грузии на Абхазию и вообще концепция грузинской историографии о том, что исторически Абхазия была частью Грузии и т.д. Но, в то же время, абхазы рассматриваются как не имевшие самостоятельной ни политической, ни культурной истории. Согласно этой концепции, социально-политическая и культурная история абхазов является результатом внешнего влияния и воздействия больших империй. Так, колонизация Абхазии древними греками, затем римлянами, византийцами, а затем Российской империей играла для Абхазии цивилизаторскую, прогрессивную роль, стимулируя экономическое, политическое и культурное развитие абхазов. Свою государственность абхазы не создали, а «уклад городской жизни и проистекающую из него государственность на территорию Абхазии принесли греки»[7], основавшие колонии в Абхазии в середине I тыс. до н.э. И лишь через тысячу лет абхазы сумели, наконец, воспринять идею государственности и создали в VIII веке н.э. Абхазское царство.

По этой концепции отрицается существование Колхидского царства, а колхи причисляются к грузинским племенам. При этом колхи переселяются к устью реки Галис (современный Кызыл-Ирмак)[8]! Не признается государственность абазгов, апсилов в античный период. Что касается раннесредневеково-

[7] Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. I. Сухум, 2006. С. 91; Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007, с. 58

[8] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. Ук. соч. С. 58; История Абхазии. Курс лекции. Сухум, 2021, С. 38.

го Абхазского царства, то и здесь его возникновение в большей степени связывается с внешними силами. На первый план выдвигаются благоприятные внешние условия, в особенности родственные связи Леонидов с византийским императором и хазарским каганом. Более того, современное демографическое состояние Абхазии проецируется в древнюю эпоху: утверждается, что на протяжении почти всей своей истории Абхазия была многоэтничной страной, где помимо абхазов проживали и другие народы.

Таким образом, политическое и культурное развитие абхазского народа было возможно благодаря перманентным завоеваниям и колонизации Абхазии мировыми империями, начиная с древних времен до настоящего времени. Правда, по какому принципу из перечня мировых держав, «цивилизаторов» абхазов, выпадают Хеттская, Урартская и Ахеменидская империи, Арабский халифат, Османская империя, также непосредственно находившиеся в контактах с древними и средневековыми абхазами, авторами не объясняется.

Словом, согласно этой концепции, отрицается способность абхазского народа к самостоятельному развитию без помощи извне, со стороны более крупных держав, и внедряется мысль, что он всегда был объектом истории. Т.е. данная концепция, как и грузинская, не рассматривает абхазов как субъект истории, а лишь как объект; правда, в отличие от грузинской, которая утверждает, что абхазы были объектом истории Грузии, в данном случае эти рамки расширяются, и Абхазия рассматривается как объект крупных империй. Данная концепция отражена в работах Ю.Н. Воронова[9] и учебниках по истории Абхазии[10].

---

[9] Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. I. Сухум, 2006; Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. 4. Сухум, 2014.

[10] История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 1991; Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007; Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2015; История Абхазии. Курс лекции. Сухум, 2021.

Справедливости ради следует отметить, что такой взгляд на историю не является продуктом советской и тем более абхазской историографии. Он зародился в Западной Европе в период колониальных завоеваний. В целях оправдания колониальных войн, эксплуатации природных и людских ресурсов завоеванных стран необходимо было найти идеологическое обоснование. Так возникла концепция «цивилизаторской миссии», утверждающая, что европейцы несут прогресс, культуру, христианство и правопорядок «диким», «отсталым» народам Азии, Африки и Америки, не способным к самостоятельному развитию. Впрочем, еще с древних времен империи находили обоснования своих завоеваний в том, что несут диким варварским народам цивилизацию. В настоящее время данная концепция рассматривается как проявление культурного расизма и подвергается критике.

В советской же абхазской историографии она открыто и публично не осуждается. Как представляется, главным образом, это было связано с тем, что основные силы абхазской исторической науки направлялись на отражение натиска грузинской историографии. И все, что противостояло грузинской концепции, воспринималось в качестве союзника. А данная концепция весьма резко и весьма успешно критиковала и критикует грузинскую точку зрения на историю Абхазии.

Как это ни странно, концепция, основанная на теории культурного расизма, является сегодня по умолчанию официально признанной и доминирующей в абхазской историографии по истории древней и средневековой Абхазии, в том числе и по проблеме возникновения абхазской государственности, поскольку, как уже отмечено выше, именно она отражена в учебниках по истории Абхазии, на ее основе защищаются диссертации, публикуются работы[11] и т.д.

---

[11] См.: Гучуа Е.Б. Становление и развитие государства и права Абхазии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридиче-

Здесь уместно будет напомнить хорошо известный тезис о том, что освещение в исторической литературе и преподнесение читателю причин возникновения и развития государственности имеет не просто научное, но приобретает очень важное прикладное значение для современного общества. Исторические исследования, особенно касающиеся государственности, всегда очень приближены к настоящему, к обществу, в котором они продуцируются, и обладают способностью конструировать общественное сознание, т.е. социальную реальность, формировать национальное самосознание.

Какую социальную реальность конструирует и какое влияние на умы людей оказывает концепция, которая отрицает самодостаточность абхазского народа, его способность к созданию государственности и самостоятельному развитию без внешней помощи? Как всё это отражается на становлении и развитии современного независимого абхазского государства – Республики Абхазия? Ответ один. Только деморализующее воздействие на национальное самосознание, укоренение ростков безволия в душах людей, усиление неверия в свои силы и возможности самостоятельного развития без помощи и опеки извне.

В связи с этим возникает следующий вопрос, имеющий исключительно важное значение: наследником, преемником какой государственности, каких государственных традиций является современная Республика Абхазия?

Если следовать тому взгляду, что государственность и культуру перманентно абхазам привносили цивилизованные, более развитые большие народы и империи, то, конечно, следует согласиться с тем, что привнесенная советская государственность также является абхазской государственностью. Как принято в абхазской историографии: 4 марта 1921 г. с установлением со-

---

ских наук. М., 2011; Мейлис Е.Б. Генезис абхазской государственности под влиянием античных цивилизаций. Юридический бюллетень, 2021 год. Том 6 (2) https://legalbulletin.ru/arhiv-nomerov/2021-tom-6-no2/

ветской власти была восстановлена абхазская государственность, или советская форма абхазской государственности. Современная Республика Абхазия по умолчанию также рассматривается как продолжение и правопреемница Советской Автономной республики Абхазия, поскольку ее политическая и правовая база основывается на советской правовой системе.

Действительно, было создано государство – Абхазская ССР, затем АССР – со всеми признаками и атрибутами, присущими государству: имелась законодательная, исполнительная и судебная власть. Но установление советской власти и образование советского государства в Абхазии еще не означает восстановление абхазской государственности.

Как известно, государство – это властно-политическая организация, обладающая суверенитетом, специальным аппаратом управления и принуждения, устанавливающая правовой порядок на определенной территории и обеспечивающая целостность и единство[12]. Государства классифицируются по типу – деспотия, полис, раннефеодальная монархия, абсолютизм; по марксистско-ленинской типологии – рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, социалистическое; по форме правления – монархия, республика; по устройству – унитарное, федеративное, конфедеративное. Все типы, формы и устройства государства универсальны.

Государственность же – это целостная система идей и взглядов, духовно-нравственных воззрений, используемых в организации и деятельности самого государства. Государственность – это качественное состояние государственно организованного общества, определяемое устойчивостью и преемственностью

[12] См.: Лановая Г.М. Государство, государственность и государственно-правовая система: соотношение понятий // История государства и права. 2025, № 1. С. 23; Томилина Е.Е., Опокин А.Б., Голик А.А. Типология государства: сущность и содержание // https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-gosudarstva-suschnost-i-soderzhanie/viewer

конкретных исторических, национальных, культурологических и иных факторов[13]. Это то, чем государствообразующий народ отличается от других народов: культура, язык, социальное устройство, экономические отношения, морально-этические устои, система мышления и поведения, идейно-политические и духовно-нравственные воззрения, традиции, обычаи и т.д.

Вряд ли найдется человек, который скажет, что в период установления советской власти в системе идей и взглядов абхазского народа превалировали социалистические идеи и он боролся против грузинской оккупации за построение коммунизма. Нет, конечно. Мы не можем считать советскую власть абхазской государственностью, хотя бы по одной простой причине. Как известно, главной целью советской государственности было создание единого советского народа путем ассимиляции в одном «котле» всех народов Союза. Получается, что целью абхазской государственности было уничтожение абхазского народа. Думаю, этого достаточно, чтобы понять – советская республика Абхазии не может рассматриваться как абхазская государственность.

Безусловно, это вовсе не значит отрицание или огульное охаивание советского прошлого. Нашему народу с его трепетным отношением к своим предкам, к генеалогии – это совершенно не свойственно и не характерно. Советский период – один из этапов истории нашего народа со всеми его положительными и отрицательными сторонами. Объективная научная оценка нужна для прагматических целей – строительства современного абхазского государства, для восстановления исконной абхазской государственности.

Соотношение между понятиями «государственность» и «государство» характеризуется как соотношение между содержанием и формой, и для нормального, поступательного развития они должны соответствовать друг другу и находиться в гармо-

[13] Лановая Г.М. Ук. соч. С. 23.

нии. Несоответствие между ними ведет к кризису, если же вовремя не принять меры, то к хроническому кризису с неизбежным в таких случаях плачевным исходом.

Именно ложное понимание сути абхазской государственности, а отсюда и неправильное определение того, наследником и продолжателем каких государственных традиций призвана стать современная Республика Абхазия, является одной из главных причин существующих ныне проблем в строительстве нашего современного государства. Это не дает нам возможности правильного понимания логики происходящих социальных, политических и культурных процессов в стране, препятствует выработке концепции развития Республики Абхазия, а также эффективному отстаиванию ее интересов на международном уровне.

Народ, находясь в зависимости, борется за свое освобождение, за взятие под контроль ресурсов своей страны с целью их использования для строительства свободной, лучшей жизни. В соответствии со своими традициями, общественным устройством, экономическими условиями, морально-этическими устоями, духовно-нравственными устремлениями, целями и задачами он создает правила, систему норм, регулирующих человеческое поведение, взаимоотношения между людьми, отношение к природным ресурсам, собственности и т.д., возводит их в норму закона, которые действуют в государстве. То есть это то, для чего вообще нужно независимое государство, то, без чего не может далее развиваться нация.

Да, принята новая Конституция Республики Абхазия, соответствующая международным стандартам, действует постоянный законодательный орган, который принимает необходимые законы. Но мы живем в хроническом экономическом, политическом, духовно-нравственном кризисе, теряем свои культурные особенности, которые определяют нас как абхазов. Конституция и законы плохо выполняются, а в те или иные критические

периоды легитимность законов республики сводится на нет. И дело не в том, что они плохие или хорошие, – они попросту не отражают устройства жизни народа, характер общественных связей, его вековые государственные традиции и потому в полной мере не дееспособны. Ибо, как известно, традиция без права может существовать, но право без традиции – нет.

Таким образом, несоответствие между абхазской государственностью и государством Республики Абхазия, т.е. противоречие между системой государственной власти и устройством жизни народа, вызывает кризисы и потрясения, что проявляется во всех областях: экономике, политике и культуре. Такое положение в политологической науке обычно характеризуют как кризис неприемлемого управления народом. В этих условиях происходит деморализация политического самосознания, увеличивается число людей, в душах которых укореняются ростки безволия, усиливается неверие в возможности самостоятельного развития без чьей-либо помощи и опеки.

Однако природа не терпит пустоты. Если в основу государства Республики Абхазия не закладываются государственные традиции абхазского народа, его культура и язык, то эта пустота заполняется чуждыми ему традициями других народов, что и происходит сегодня – процесс, который неминуемо приведет к ускоренной ассимиляции малочисленного абхазского народа.

В связи с этим становится острой необходимостью задача теоретического, историко-философского осмысления тысячелетней истории государственно-правовой организации абхазского народа, определение того, наследником и преемником каких государственных традиций является современная Республика Абхазия, какова ее культурная и духовно-нравственная основа. Однако вместо этого уже более двух десятилетий идет обсуждение реформы формы управления государства: переход от президентской к парламентской (или президентско-парламентской)

республике; изменение избирательного законодательства, переход к пропорционально-мажоритарной системе и т.д.

Прежде чем приступать к реформе формы управления государством, необходимо определиться с содержанием этого государства, т.е. с государственностью. Государственность выражается в конкретных государственно-правовых формах, в которых находят проявление определенные традиции и особенности, оказывающие влияние на ее различные стороны, позволяющие характеризовать ее как конкретную государственность. Поэтому можно говорить об абхазской государственности как специфической и самобытной. Она обладает отличительными качествами, определяемыми спецификой абхазской культуры, абхазского менталитета, особенностями исторического и политического развития Абхазии. Их анализ позволяет рассматривать развитие абхазской государственности с древнейших времен до настоящего времени.

Абхазия – наследница Древней Колхиды, славного Абхазского царства с его христианской религией, позднесредневекового абхазского государства с его мусульманской религией. Но на всем протяжении этой многовековой истории стержнем являлась собственно абхазская культура, абхазская монистическая религия, вокруг которой нанизывались все мировые религии, все внешние культурные инновации, которые преломлялись и становились абхазскими. Вследствие чего в абхазской среде все мировые религии легко уживаются, и всякий здравомыслящий человек найдет во всем этом смысл, услышит движение истории, осознает масштаб и перспективу.

Если мы считаем себя наследниками наших великих предков, многовековой абхазской государственности, то необходимо начать ее восстановление и привести в соответствие с ней форму правления государства Республики Абхазия. Для этого необходимо наши разнообразные традиции и обычаи, народные институты соотнести с существующими, признанными международны-

ми нормами, ввести в правовую систему республики, т.е. приступить к претворению в жизнь цели национально-освободительной борьбы абхазского народа – восстановлению независимой абхазской государственности. На протяжении тысячелетия абхазский народ творил в рамках государственности, и, естественно, его обычаи и традиции, культура и язык формировались и шлифовались в этот период и являются государственными.

Наше политическое будущее во многом зависит от того, сумеем ли мы скрытый пласт государственного самосознания перевести на современный экономический, политический и культурный язык. Только таким образом можно сегодня вдохнуть жизнь в наше государство.

Литература

1. Ашхацава С.М. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1924.
2. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.
3. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2015.
4. Бердзенишвили Н.А. В гостях у товарища Сталина в Сочи. 20 октября в 11 часов, 21 октября, 22 октября, 23 октября – 3 часа 45 года // Цискари. Тбилиси, 1998. №1. С. 97–111; Институт рукописей им. К. Кекелидзе Академии наук Грузии (Тбилиси), архив Н. Бердзенишвили, рукопись №1675–1678, ст. 3r-v.
5. Бердзенишвили Н.А., Джавахашвили И.А., Джанашиа С.Н. История Грузии. Ч. 1. Тбилиси, 1946.
6. Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К., Меликишвили Г.А., Месхи Ш.А. История Грузии с древнейших времен до 60-х годов XIX века: Учебное пособие. Тбилиси, 1962.
7. Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. I. Сухум, 2006.
8. Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. IV. Сухум, 2014.
9. Гулиа Д.И. История Абхазии. Сухум, 1925.
10. Гучуа Е.Б. Становление и развитие государства и права Абхазии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

11. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 1976.

12. Ингороква П. Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. Тбилиси, 1954.

13. История Абхазии: Курс лекций. Сухум, 2021.

14. История Абхазии: Учебное пособие. Сухум, 1991.

15. Лановая Г.М. Государство, государственность и государственно-правовая система: соотношение понятий // История государства и права. 2025. №1. С.23.

16. Мейлис Е.Б. Генезис абхазской государственности под влиянием античных цивилизаций // Юридический бюллетень. 2021. Т.6, №2. URL: https://legalbulletin.ru/arhiv-nomerov/2021-tom-6-no2/

17. Сангулия Г. Древняя Абхазия: вождество и царство (Историко-археологическое исследование) // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2012.

18. Томилина Е.Е., Опокин А.Б., Голик А.А. Типология государства: сущность и содержание // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-gosudarstva-suschnost-i-soderzhanie/viewer

ХАРЧЛАА Л.Я.,
канд.ист.наук, доц. кафедры всеобщей истории

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА АБХАЗИИ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Аннотация: *В настоящей статье рассматривается вопрос национально-государственной самоидентификации Абхазии и абхазского общества в современном веке информационной и технократической революции. Для осуществления исторической политики и формирования национально-государственной устойчивости, в глобализирующемся мире, необходимо сохранять продолжительную традицию осмысления феномена идентичности абхазского народа и его духовное полагание – аԥсуара. Следствием не использования особенностей многовекового национально-культурного кода в исторической политике может стать ослабление национально-государственной идентичности и снижение в обществе жизненных целеполаганий отдельно взятого человека и всего многонационального населения Абхазии.*

Ключевые слова: *Абхазия, современный мир, глобализация, государственное строительство, общество, мировой кризис, духовность*

Abstract: *This article discusses the issue of national-state self-identification of Abkhazia and Abkhaz society in the modern age of the information and technocratic revolution. To implement the historical policy and formation of national-state stability, in a globalizing world, it is necessary to maintain a long tradition of understanding the phenomenon of the identity of the Abkhaz people and their spiritual morals - apsuara.*

Not using the features of the ancient national-cultural code in historical politics can lead to weakening of the national-state identity and a decrease in the life goals of an individual and the entire multinational population of Abkhazia in society.

Keywords: *Abkhazia, modern world, globalization, state building, society, global crisis, spirituality*

Век информационной и технократической революции изменил весь мир, особенно это определяемо видно на т.н. цивилизованном мире, который скоротечно перешел из одной эпохи в другую, многократно усилив взаимовлияние отдельных личностей и значительно изменив культурно-нравственные конгломераты человеческого общежития.

В современном мире Абхазия и абхазское общество определённо зависит от условий, которые диктует мировая глобализация, и поэтому государственное строительство необходимо рассматривать через призму нового мироустройства с учетом своей заинтересованности в сохранении всего своего населения, титульной нации и государства.

Сегодняшний мир весьма сложный и на наших глазах, фактически с нашим участием, началась очень длительная битва. Войдя в абхазо-грузинскую войну (1992-1993 гг.), и до сих пор находясь в вялотекущем ее состоянии, мы обрекли себя на участие в глобальной борьбе за сохранение своей идентичности и государственности.

Следует заметить, что глобалистам первой четверти XXI в., как, впрочем, и империалистам XIX–XX вв., соседняя Грузия, несмотря на то что это страна с многовековой историей, сама по себе не несет особой геополитической пользы, она имеет определенную ценность только в связке с Абхазией, лишь так она может стать полноправным игроком в Евразийской зоне. Безусловно, такое прочтение региональной и мировой геополитики для Абхазии приводит к обеспокоенности и создает опасную, даже огнеопасную, военно-политическую ситуацию.

Дело вовсе не в пресловутом мировом заговоре, а в том, что новый миропорядок, несомненно, уже нарождается и наше нынешнее календарное время отражает в себе «эпоху перемен». Из

множеств доказательств возьмем самое простое. Летом 2020 г., тогдашний организатор и директор Давосского экономического форума, глобалист Клаус Шваб в соавторстве с журналистом Тьерри Маллером выпустили книгу «COVID-19: Великое обнуление» в которой авторы уяснили, что «… Пандемия даёт нам шанс. … окно возможностей для решений и сброса нашего старого мира». [1]

И это не просто книга для чтения, а настоящий идеологический документ, в котором прямо сказано, каким глобалисты видят будущее человечества. В ней сформулирована целая программа создания нового мирового порядка (НМП), который должен быть сконструирован по неомальтузианским лекалам и под видом «инклюзивного»,[2] т.е. всеохватывающего капитализма.[3] По Швабу основных направлений конструирования нового мироустройства всего четыре: 1. Борьба с климатическими изменениями, т.е. подавление промышленности и всех, связанных с ней слоёв общества; 2. Борьба за гендерное равенство, фактическое снижение роли мужчин: отца, мужа, брата, сына, за счёт лидерского предпочтения женщин; 3. Зеленая экономика, которая, в сущности, является с одной стороны инструментом подавления промышленного производства, а с другой ведет к сокращению численности населения Земли; 4. Красной нитью во всем планировании Шваба и тех, кого он озвучивает, проходит цель – это демонтаж национальных государств, которые будут заменены «никому неподотчётными группами экспертов» и транснациональными корпорациями.[4]

---

[1] Schwab Klaus Malleret Thierry Covid-19: The great reset / Forum Publishing/2020

[2] Мальтус Томас. Опыт закона о народонаселении / Серия: Эксклюзивная классика/ пер. Вернер И. / М.:Изд.: АСТ, 2023 г.

[3] Инклюзивный капитализм /Материал из Википедии – свободной энциклопедии//Инклюзивный капитализм – это теоретическая концепция и политическое движение, направленные на создание более справедливой и равноправной системы/ wikipedia/wiki/…

[4] Катасонов Ю.В. Вместо национальных государств - корпорации? Линн де Ротшильд – эксклюзивная дама во главе «инклюзивных капиталистов»

Нынешний мировой кризис, который можно чётко отсчитывать от 1989-1991 г., от разрушения системного социализма и развала СССР, комбинирует в себе все черты макрокризисов истории человечества и для сохранения власти и привилегий мировому правящему классу требуется демонтаж старого капитализма и создание новой глобальной системы.

После распада Советского Союза (1991) западное общество отстрочило себе кризис, который наступил только в 2008 г. Однако, судя по «коронастраху» и навязываемому «климатостраху» видно, что крупный капитал пошел в наступление против малого и среднего бизнеса.

Обычно масштабные кризисные задачи решала мировая война как крайняя форма социально-экономической катастрофы, но начинать мировую войну в условиях ядерного противостояния слишком высокий риск, который невозможно просчитать. Ее можно заменить другими формами, например, пандемией – вспышкой инфекционного заболевания, которая охватит большинство стран мира и затронет значительную часть населения земли. И как предопределил и предрешил идеолог мондиализма Жак Аттали: «…пандемия одно из лучших средств создания нового мирового порядка» (НМП).[5]

Обсуждая мировые проблемы четверть участников закрытой конференции под эгидой Агентство Национальной Безопасности США в Институте сложности Санта-Фе (2018),[6] высказались за «антропологический переход», т.е. за формирование

// РОЭШ Русское экономическое общество имени С.Ф.Шарапова / Мировая финансовая олигархия [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: https://reosh.ru/valentin-katasonov-vmesto-nacionalnyx-gosudarstv-korporacii.html (дата размещения 10.02.2021)/ (дата обращения 05.03.26)

[5] Аттали Жак. Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет /с фр. Пантелеева Е./ Изд.: Питер, 2014.

[6] Институт Санта-Фе (SFI) – независимый институт теоретических исследований, расположенный в Санта-Фе, 1399 Hyde Park Rd., Санта-Фе, Нью-Мексико, США/ Институт Санта-Фе – Santa Fe Institute /

общества, где нет среднего слоя, где верхи и низы отличаются друг от друга, как два социобиологических вида.

Первая превосходящая каста людей, живущих в благополучных анклавах с высокой продолжительностью жизни, а другая каста – это «служебные люди», живущие не долго, обладающие более низким умственным и физическим уровнем.

Предполагаю, и не без основания, что один из анклавов для сверхлюдей намечается создать в регионе Кавказа и, в частности, в Абхазии. Благоприятные природные и климатические условия субтропической зоны с множеством (солнечных) световых дней в году, обилием питьевой воды и плодородной землей, в купе с особенностями ландшафтов от побережья до альпийских лугов, делают ее уникальным местом. И это явные аргументы в пользу того, что человек здесь может жить долго в благополучии и достатке.

На самом деле постзападный мир или по-другому, лидирующий англо-саксонский мир в эпоху современного кризиса в борьбе за новый передел мира и создание глобальной площадки инклюзивного капитализма бьется в конвульсиях, которые докатилась до границ России, результатом чего стали широкомасштабные военные действия на Украине (2022).

И если говорить о ситуации на Донбассе, то мы должны констатировать, что это руками Украины пост-Запад обрушился на Россию и на русский мир. Это как раз серьезная демонстрация англосаксонского, западного мира устрашения России и желание взять под полный контроль ее независимость и только ядерный потенциал страны удерживает запад от крайних мер. Советники старой европейской аристократии и олигархии недоучили историю России. Они должны понимать, что Россия удерживает 1/8 часть планеты за счет своего особого управления, и ее колониальная система строилась на иных принципах, нежели западноевропейская, например, английская.

По мнению российского ученого А.О. Фурсова, сегодня Россия не имеет прежнего влияния на Украину и на западных границах Российской Федерации реализуется активно поддерживаемый британцами проект «Новой Речи Посполитой». Геополитически на своих дальних западных, южных и восточных рубежах Россия отступает, русское пространство сжимается, как и концептуальное управление, этим пространством.[7]

В данной ситуации Абхазия придерживается, как и в 1991 г. во время подготовки нового Союзного договора, позиции сохранения сильного государства, тогда Советского Союза/Союза Суверенных государств (USS), а сейчас Российской Федерации.[8] И это осознанный политический выбор, и не потому, что нет возможности поиграть в геополитическую дружбу, например, с Турцией или Англией, а по разумному пониманию места и назначения Абхазии в мировом сообществе государств. Конечно, обладание суверенитетом не может уберечь «малое государство», коим является Абхазия, от притязания великих и сильных держав или от каких-либо внутренних проблем. Тем не менее, следует сказать, что, являясь суверенной политической единицей, и пока наш современный мир еще не охвачен новым порядком, любое государство, в том числе и Абхазия, на законных основаниях может апеллировать к содружеству государств или искать помощи и поддержки у какой-либо страны.[9] Как показала практика, Абхазия за все послевоенные годы (1992-1993) твердо придерживается многовекторного союза с Российской Федерацией и желает видеть ее полнокровной могущественной державой в многополярном мире.

---

[7] Фурсов А. О том, какой мир планируют создать для человечества те, кто стоит за глобалистом К. Швабом Яндекс//Дзен / Информ /Говорят эксперты/2 февраля 2021.

[8] Станкевич З.А. История крушения СССР: Политико-правовые аспекты /М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 256-261

[9] Харчлаа Л.Я. Некоторые вопросы государственного строительства Абхазии. Сухум: Абхазский государственный университет, 2011. С. 49.

По нашему мнению, в нынешнем периоде глобализирующегося мира в государственном строительстве Абхазии необходимо определиться с вектором развития страны, выстраивая свою стратегию на историческом основании, в которой заложена социальная справедливость, собственная идентичность и собственный цивилизационный код. Русские часто говорят, что в их коде особое место занимает Православие, китайцы апеллируют конфуцианством, а мы можем сказать, что в нас зашифрован код Аҧсуара и это ничто иное, как «пс», которую советская цензура переводила как – душа, а легальный верный перевод – «пс» – это дух. И таким образом мы имеем простое, бесхитростное слагаемое: Аҧсны – одухотворенная страна, Аҧсуа – одухотворенный человек. И детское, не затейливое стихотворение «Сан даҧсыуоуп, Саб даҧсыуоуп, Са саҧсыуоуп Схаҭагьы»,[10] точное подтверждение генетического «пс» – духовности и одухотворения, еще в утробе матери.

И вот здесь становится понятно, что наша одухотворенная система, никак не вписывается в глобальный мир с его по Жаку Аттали, всепроникающим контролем над морально-нравственным и социальным поведением человека.[11]

Следует заметить, что абхазская общность не оторвана от мировой сферы влияния, и за последние 15-20 лет, явно просматривается, как она, без видимой внешней агрессии и без какого-либо насилия со стороны, сама отсекает себя от института Аҧсуара и приобщается к виртуальному миру Мета.[12]

Здесь следует сказать, что у нас есть определённое недопонимание западного общества и его движущей силы, того, как

---

[10] Аҧьба, Т. Шь. Сара сбызшәа // Аизга: ҩ-шәҟәыкны: актәи ашәҟәы: ажәеинраалақәеи апоемақәеи, ахәыҷқәа рзы ажәеинраалақәеи апоемақәеи / Таиф Аҧьба. Аҟәа: Аҧхәынҭшәҟәтыжьырҭа, 2019. Ад. 572.

[11] Аттали Жак. Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет /с фр. Пантелеева Е./ Изд.: Питер, 2014.

[12] Что такое метавселенная, которую хочет создать Цукерберг? Вкратце: это интернет будущего/ТАСС Экономика/29 октября 2021/

оно устроено, его сложности. И это недопонимание носит фундаментальный характер. Сложность западного общества – это сложность институциональная. Сложность нашего общества носит характер неформальных связей и социокультурных отношений. Поэтому в западном обществе, чтобы преуспеть человеку, нужно быть проще общества, довести себя до уровня винтика. А у нас человеку нужно быть сложнее общества. Наше общество – общество индивидуальностей и личность всегда высоко ценилась и ценится.

В современной Абхазии государственное строительство протекает в достаточно непростых условиях, и в весьма сложной внешней общественно-политической обстановке. В такой ситуации особое значение приобретают вопросы, связанные с пониманием роли и места базовой структурной единицы в строительстве любого государства – земли и соответственно «Земельного кодекса». Земля – не только незаменимая территория, земля является пространственным основанием, олицетворением международного права автохтонного населения на государственное образование. Землеустройство является государственным мероприятием и одновременно социально-экономическим явлением. С этих позиций, как нам представляется, современное «Земельное право» Абхазии нуждается в особой консервативной политике и тщательно продуманном подходе. По многим вопросам следует обратиться к обычно-правовой системе абхазов, и объективно рассмотрев все глубинные вопросы отношения к земле и частной собственности на землю, перенести их в действующее земельное законодательство. Земля для Абхазии всегда являлась одним из главных источников благосостояния народа, и основным землеустроителем был анхаюы,[13] который традиционно, на протяжении веков поддерживал и обеспечи-

[13] Термин «анхаюы» буквально означает «хозяин усадьбы», он же «хозяйствующий человек» и образовался из двух основ: «анхара» – усадьба или хозяйство и «ауаюы» – человек.

вал военный и гражданский правопорядок в стране и являлся стержнем государственного устроительства.

При этом хотелось бы заметить, что в составлении и написании разного рода документов следует особое значение придавать использованию национальной терминологии из обычно-правовой системы. Как нам представляется, необходим безусловный ограничитель от советских и современных русскоязычных или иных заимствований. Любые заимствования значительно искажают подлинное содержание конкретных норм права, его институтов и уводят от правовой национальной правопреемственности.

На современном этапе строительства государства весьма актуальным остается процесс глубокого и всестороннего изучения права собственности на землю с целью применения исторического нормативного опыта при решении современных законодательных проблем, касающихся, в том числе, и оформления правового режима земельной собственности в Абхазии.

Необходимо тщательное изучение обычного права абхазов как феномена социокультурной практики и вернуть народу его важнейшую часть правосознания.

Судя по отношению к земле, сегодня открытым остается вопрос трансформации сознания единства общества, чувство ответственности за землю и окружающую среду.

Наиболее очевидно эта динамика изменений общественного сознания прослеживается в структуре государственной власти и управления. Многие исследователи правомерно задаются вопросом, почему наиболее стремящиеся к государственной службе люди забывают о тех, в служении у которых они состоят, забывают о своем народе как о едином национально-государственном сообществе. Почему в нашем обществе, на уровне государственной системы власти, практически стало утерянным психологическое чувство ответственности за судьбу нынешнего и будущих поколений.

На современном этапе строительства государства важным вопросом, который может перейти в проблемный, остается миграционная политика.

Как известно, современные тенденции изменения мирового геополитического пространства выдвинули миграцию населения на позицию одной из важных составляющих все более усложняющейся системы внутригосударственных и межгосударственных отношений. В разгар обострившейся глобальной конкуренции, транснационализации политического и экономического пространства миграционная политика оказывает влияние на характер и сущность политических процессов, на общественно-политическую систему любого современного государства. Миграционные потоки влияют на социально-политическое устройство государства и национальную идентичность его граждан, систему внутригосударственных отношений и политическую культуру, на человеческий потенциал государства, предопределяющий роль и место страны на внешнеполитической арене.

По мнению современных исследователей данной проблематики, иммиграционная политика, политика интеграции и политика натурализации тесно связаны. Если иммиграционная политика сосредоточена на создании действенной системы регулирования миграционных потоков и положения мигрантов, а политика интеграции обязана обеспечить условия успешного ввода мигрантов в местное сообщество, то политика натурализации предусматривает создание условий и процедур предоставления гражданства иммигрантам.[14]

Другими словами, нынешняя миграционная политика в стране не фокусируется на усвоении теории научных исследований европейских стран и предоставленных ими в открытом доступе аналитических политологических, политико-правовых, соци-

[14] Василевская И.В. Миграционная политика в системе современного государственного управления // Ж-л Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» 2014. №3 (125).С. 102-108

ально-экономических, культурно-нравственных, этнопсихологических материалов и статистических данных. Изучения в Западной Европе результатов многолетней миграционной политики указывают на то, что многие европейские страны ощущают на практике в реальном времени политико-правовые проблемы в защите интересов национального государства.

Следует сказать, что в небольшой Абхазии непродуманная на много лет вперед миграционная политика может привести к необратимым процессам, которые повлекут за собой устойчивое размывание национального государства и утраты лидерства титульной нации.

В связи с этим законодателям следует напомнить исторический и правовой прецедент, примененный в Абхазии в XIX в.

Как известно, после восстания 1877 г. произошло два весьма знаменательных события – это насильственное переселение абхазов в Турцию и объявление населения «виновным». Далее следует вспомнить, что до трагических событий 1877 г. Абхазию населяли исключительно ее коренные жители. Однако после махаджирства и последовавшим за ним опустошением большей части территории Абхазии, в считанные годы страна превратилась в пестрый в этническом отношении край.[15]

Более всего царское правительство тревожило массовое переселение безземельных крестьян из Зугдидского и Сенакского уездов, т.к. это не входило в его планы колонизации Абхазии.

Чтобы воспрепятствовать такому наплыву населения император Александр II Романов (1855-1881) еще в 1872 г. утвердил особые «Правила» о причислении жителей Сухумского отдела из переселенцев неабхазского происхождения к окончательно вселившимся и временно проживающим.

---

[15] История Абхазии (учебное пособие) (гл.ред. С.З. Лакоба) / Раздел III. Абхазия в Новое время. Гл. I. Абхазии новые черты. § 4. «Этническая революция» и развитие капиталистических отношений в Абхазии / Изд-тво Алашара, Сухум. 1991.С. 205.

Претендовать на землю могли только «окончательно водворившиеся» в отдел до 1 января 1865 г., остальные же считались «временно проживающими».[16]

На современном историческом этапе строительства национального государства, также можно законодательно закрепить гражданство с правом наследственной передачи, всем жителям не абхазской национальности, проживавшим на территории Абхазии вплоть до 26 ноября 1994 г., до дня, когда была принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия Конституция Республики Абхазия /Аԥсны. Всех, кто прибыл на территорию Республики Абхазия /Аԥсны после этой даты, считать «временно проживающими» без права натурализации, т.е. без права на предоставления гражданства.

Любой субъект, есть волевой субъект, а народ, это концентрированный волевой субъект. И именно поэтому нам сейчас очень нужен комплексный, принципиально новый научно-практический подход в изучении современного абхазского общества и определения его места и назначения в мировом сообществе. Для нас и за нас это никто не сделает. Конечно, можно пожелать себе стать курортно-санаторной зоной России, но здесь не все так просто. Следуя исторической справке, можно вспомнить, что княжеский дом Чачба управление Абхазией передал в руки четырем членам своей семьи [17] и если на эту картинку наложить сегодняшние реалии глобального мира, то одна семья с 4 наследниками может стать управителями нашей земли. Например, Билл Гейтс, приобретая земли

---

[16] История Абхазии (учебное пособие) (гл.ред. С. З. Лакоба) / Раздел III. Абхазия в Новое время. Гл. I. Абхазии новые черты. § 4. «Этническая революция» и развитие капиталистических отношений в Абхазии / Изд-тво Алашара, Сухум. 1991. С. 207.

[17] История Абхазии (учебное пособие) (гл.ред. С.З. Лакоба) / Раздел II. Абхазия в эпоху феодализма. Гл.IV. Абхазское княжество и султанская Турция §2. Абхазское княжество и Турция/ Изд-тво Алашара, Сухум. 1991. С.128

по всему миру, невзначай может купить земли и в Абхазии. И это вполне реальный сюжет. Такое положение дел объясняется тем, что в процессе трансформации традиционной культуры и нормативно-правового осознания себя членом национально-политического сообщества многие подвергаются воздействиям соционормативных стереотипов внешнего мира, невозвратимо изменяя свою психодинамику. Именно в этом просматривается опасность деградации и маргинализации общества, которая захватывает в первую очередь титульную нацию.

Как нам представляется, общий характер абхазского народа отражается на понимании и восприятии всеми членами сообщества национальных и государственных интересов, которые нуждаются в более конкретном наполнении во всех направлениях государственного строительства. В целом, следует исходить из того, что в условиях поступательного движения нового мирового порядка, мобилизующая роль института власти и всего абхазского народа, должны быть значительно выше, нежели в предыдущие годы.

В условиях маленькой Абхазии с ее, еще пока устойчивым институтом родства и соседства, лидеры государства могут без особых на то усилий, совершенно открыто демонстрировать свой личный жизненный пример, наглядно и узнаваемо призывать народ к подражанию, и, объединившись в единстве укреплять военно-политическую, социально-экономическую, морально-этическую сплоченность.

Обладая особым национально-культурным содержанием, абхазское общество, а вместе с ним и все многонациональное население Абхазии, способно выбирать собственные пути противостояния ультроглобализму и создания собственной модели движения и сохранения своей идентичности и государственности в современном мире.

Литература

1. Аԥьба, Т. Шь. Сара сбызшәа //Аизга: ҩ-шәҟәыкны: актәи ашәҟәы: ажәеинраалакәеи апоемакәеи, ахәыҷқәа рзы ажәеинраалакәеи апоемакәеи / Таиф Аԥьба. – Аҟәа: Аԥҳәынҭшәҟәтыжьырҭа, 2019. – 728 д. // [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: http://apsnyteka.org/file/Adzhba_T_Sobranie_I_2019_abh.pdf

2. Аттали Жак Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет /с фр. Пантелеева Е./ Изд.: Питер, 2014. -288 с. // [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: https://spkurdyumov.ru/uploads/2023/03/kratkaya-istoriya-budushhego.pdf

3. Василевская И.В. Миграционная политика в системе современного государственного управления // Ж-л Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» / 2014. № 3 (125). С. 102-108. // [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-v-sisteme-sovremennogo-gosudarstvennogo-upravleniya-1

4. Инклюзивный капитализм /Материал из Википедии – свободной энциклопедии//Инклюзивный капитализм – это теоретическая концепция и политическое движение, направленные на создание более справедливой и равноправной системы/ wikipedia/wiki // [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D0%B7%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC (дата редактирования 12 марта 2023)/ (дата обращения 17.03.23)

5. Институт Санта-Фе (SFI) – независимый институт теоретических исследований, расположенный в Санта-Фе, 1399 Hyde Park Rd., Санта-Фе, Нью-Мексико, США, создан в 1984 г., основатели Дж Коуэн, Девид Пайнс и др. // Институт Санта-Фе - Santa Fe Institute // [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт] URL: https://www.santafe.edu/ (дата обращения 05.03.26)

6. История Абхазии (Учебное пособие) (гл.ред. С.З. Лакоба)/ Раздел II. Абхазия в эпоху феодализма. Гл. IV. Абхазское княжество и султанская Турция §2. Абхазское княжество и Турция; / Раздел III. Абхазия в Новое время. Гл. I. Абхазии новые черты. § 4. «Этническая революция» и развитие капиталистических отношений в Абхазии /

// Изд-тво Алашара, Сухум. 1991. - 410 с. // [Электронный ресурс]// [Офиц.сайт].URL:http://apsnyteka.org/562istoriya_abkhazii_uchebnoe_posobie_1991.html

7. Катасонов Ю.В. Вместо национальных государств – корпорации? Линн де Ротшильд – эксклюзивная дама во главе «инклюзивных капиталистов» // РОЭШ Русское экономическое общество имени С.Ф.Шарапова / Мировая финансовая олигархия // [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: https://reosh.ru/valentin-katasonov-vmesto-nacionalnyx-gosudarstv-korporacii.html (дата размещения 10.02.2021)/ (дата обращения 05.03.26)

8. Мальтус Томас. Опыт закона о народонаселении / Серия: Эксклюзивная классика/ пер. Вернер И. / М.:Изд.: АСТ, 2023 г. - 265 с. // [Электронный ресурс] //[Офиц.сайт].URL:https://royallib.com/book/maltus_t/opit_o_zakone_narodonaseleniya.html [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт].URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/maltus/maltus.html

9. Станкевич З.А. История крушения СССР: Политико-правовые аспекты /М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 318 с. // [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: https://na5ballov.pro/lib/noveish/9758-stankevich-za-istoriya-krusheniya-sssr-politiko-pravovye-aspekty.html

10. Фурсов А. О том, какой мир планируют создать для человечества те, кто стоит за глобалистом К. Швабом /Яндекс/Дзен / Информ / Говорят эксперты/ [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]

https://dzen.ru/media/human_resources_inform/afursov-o-tom-kakoi-mir-planiruiut-sozdat-dlia-chelovechestva-te-kto-stoit-za-globalistom-kshvabom-60197edf8414c340c68b0a5b (дата размещения 02.02.2021) / (дата обращения 05.03.26.)

11. Харчлаа Л.Я. Некоторые вопросы государственного строительства Абхазии. Сухум: Абхазский государственный университет, 2011. 236 с.

12. Что такое метавселенная, которую хочет создать Цукерберг? Вкратце: это интернет будущего /ТАСС Экономика // [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт].URL:http: // https://tass.ru/ekonomika/12799303 (дата размещения 29 октября 2021)/(дата обращения 05.03.26.)

13. Schwab Klaus Malleret Thierry Covid-19: The great reset / Forum Publishing/2020 – 280 p. [Электронный ресурс] // [Офиц.сайт].URL: https://www.goodreads.com/book/show/54498122-covid-19

МААН О.В.,
д-р,ист.наук, проф. кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭПОХУ «ВОЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ» (К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АБХАЗОВ)

Аннотация. *Статья посвящена анализу процессов, протекавших на территории древней Абхазии в эпоху раннего железного века (I тыс. до н. э.). В центре внимания влияние технологических инноваций (освоение железа), миграций и военно-политических контактов на формирование местного общества с выраженной военно-аристократической элитой.*

Особое место занимает критика «киммерийской проблемы». Автор доказывает, что попытки отождествить киммерийцев с кавказскими топонимами (Гумиста, Гумара) и гипотезы об их переходах через территорию Абхазии не имеют археологического и лингвистического обоснования. Скифо-абхазские контакты интерпретируются не как массовая миграция, а как интенсивный культурный обмен, при этом подчеркивается преемственность местной культуры и отсутствие ассимиляции.

Рассматривая греческую колонизацию, автор опровергает тезис об «опустевших землях», доказывая, что ее успех был обусловлен экономической заинтересованностью сторон и сохранением сильной местной политической организации (скептухов гениохов). В заключительной части показана эволюция местных обществ (гениохов, зигов) от пиратских кланов до союзников Понтийского царства в Митридатовых войнах. Участие в этих войнах выступило катализатором консолидации местной элиты и формирования протогосударственных структур.

Ключевые слова**: Восточное Причерноморье, I тыс. до н. э., военная демократия, древнеабхазское общество, гениохи, зиги, этнокультурная динамика, греческая колонизация, Митридат VI Евпатор, пиратство, военная торговля, централизация власти, **интеграция гениохов.

***Abstract:** The Early Iron Age in ancient Abkhazia was a transformative period marked by the adoption of iron metallurgy, leading to profound economic and social changes under a system of "military democracy." This era was characterized by complex migrations and cultural synthesis. While Cimmerian and Scythian groups influenced the region, archaeological evidence suggests intensive cultural exchange rather than mass settlement. The local population demonstrated strong cultural continuity, with Abkhaz-Adyghe ancestors maintaining their distinct identity. Greek colonization was facilitated by mutual economic interests rather than depopulation. The Heniochi and related groups developed sophisticated maritime practices, evolving from pirates into significant political actors integrated into Mithridates VI's Pontic kingdom.*

***Keywords:** Eastern Black Sea region, 1st millennium BC, military democracy, ancient Abkhazian society, Geniochi, Zigi, ethnocultural dynamics, Greek colonization, Mithridates VI Eupator, piracy, military trade, centralization of power, integration of the Geniochi.*

Эпоха раннего железного века (I тыс. до н. э.) представляет собой решающий этап в становлении историко-культурной среды Восточного Причерноморья. Для территории древней Абхазии это было время глубоких и интенсивных изменений, сложных взаимодействий и синтеза разнородных культурных традиций. Ключевым фактором этих преобразований стало освоение и массовое распространение железоделательного производства. Освоение железа коренным образом изменило экономику, социальную структуру и военное дело древнеабхазского общества, создав предпосылки для формирования качественно новой социальной системы. Рассматривая данный период в рамках концепции «военной демократии», можно выявить как внутренние факторы, так и внешние стимулы, которые обусловили станов-

ление самобытного общества с ярко выраженной военно-аристократической элитой и заложили основы последующего этногенеза абхазского народа[1].

Эти процессы сопровождались интенсивными миграциями. Подвижность населения, особенно на рубеже бронзового и железного веков, стала каналом распространения инноваций и социальных импульсов, консолидировавших военную аристократию. В масштабах Восточного Причерноморья эта мобильность обеспечивала диалог между Кавказом, степью и Ближним Востоком.

В данный контекст вписываются и миграции рубежа II–I тыс. до н. э., проходившие, вероятно, через Кодорское ущелье и земли Абхазии. Это была постепенная инфильтрация скотоводческих групп, а не военные вторжения. Именно они укрепляли военизированные контакты и культурное взаимодействие местного населения с пришлыми элементами. Такие контакты (обмен оружием, совместные дружины, усвоение обычаев, конкуренция за ресурсы) в конечном счёте способствовали оформлению в Абхазии социальных черт эпохи «военной демократии».

Миграции не были единственным каналом взаимодействия. Археологические находки (булавки типа Сукко от Закубанья до Гагр и Крыма)[2], подтверждают устойчивые связи западнокавказских групп в позднем бронзовом – раннем железном веках. Через перевалы (Клухорский) и вдоль побережья шла торговля металлом, солью и керамикой. Контакты с пришлыми скотоводами с севера носили в основном торгово-военный характер без глубокого культурного взаимовлияния, тогда как прибрежные коммуникации обеспечивали тесный обмен с

[1] Статья представляет собой сжатый обзор этнокультурных процессов в Восточном Причерноморье периода «военной демократии» в контексте проблемы этногенеза абхазов. Объем публикации ограничен 1 печатным листом.

[2] Скаков А.Ю. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223, 2009. С. 161.

родственными группами, вовлекая Абхазию в общеевразийские процессы.

Одновременно на Восточное Причерноморье и смежные области Кавказа оказывалось сильное влияние с юга. Падение Хеттского царства в начале XII в. до н. э.[3], и последовавшие за ним массовые перемещения народов («народы моря», движение фрако-фригийцев с Балкан в Малую Азию) кардинально изменили этническую и политическую карту Передней Азии. На этом фоне началось постепенное продвижение древнегрузинских (раннекартвельских) племён в сторону Колхиды и восточного побережья Черного моря[4]. Этот процесс длился примерно с XII по VIII в. до н. э. К VIII в. до н. э. проникновение раннекартвельского населения в Восточное Причерноморье, ранее заселённое преимущественно предками абхазо-адыгских народов, стало особенно заметным, положив начало новому этапу в этногенезе региона.

Эти встречные миграционные потоки, выражавшиеся в давлении степняков с севера на Предкавказье, и продвижение переднеазиатских групп с юга в Закавказье, были взаимосвязаны. Они создали эффект «теснины» и интенсивного взаимодействия в зоне кавказских перевалов и предгорий.

Однако с конца VIII в. до н. э. ситуация еще больше осложнилась. С севера, через Дарьяльский проход, в Закавказье в небольшом количестве проникли кочевники-киммерийцы, которых теснили скифы[5]. Перед столкновением с Урарту они обосновались в Восточной Малой Азии и Понте, а также, возможно, в отдельных районах современной Грузии[6], постепенно смешиваясь с местным населением. В начале VII в. до н. э. их активность в Малой Азии была прервана новой волной север-

[3] Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 72.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 101, 152.

[6] Там же. С. 153

ных кочевников – скифами, проникшими через Дагестан и основавшими свое «царство», по-видимому, на территории современного Азербайджана[7].

Таким образом, с конца II – начала I тыс. до н. э. этническая карта Кавказско-Переднеазиатского региона претерпела глубокие изменения. Коренное население вступало в сложные взаимодействия с пришлыми группами – протогрузинскими, протоармянскими, киммерийско-скифскими и другими. Эти процессы не только замедляли, но и ускоряли, а главное, значительно усложняли формирование и консолидацию местных этнических общностей.

Вследствие происходивших в Восточном Причерноморье этнических перемен, носители абхазо-адыгских языков были постепенно оттеснены на север[8] (это говорит о сильном внешнем демографическом и военном давлении с юга и востока картвелоязычных племен), сначала в зону между Гаграми и Туапсе, а затем и далее вдоль северо-восточного побережья Чёрного моря. Однако это перемещение не остановило их активность, а, напротив, перенаправило ее, усиливая морские и прибрежные связи западнокавказских общин. Оказавшись ближе к Керченскому проливу, они углубили свои связи с сообществами Северо-Восточного Причерноморья. Именно в VIII–VI вв. до н. э. между этим регионом и Северо-Западным Кавказом сложилась разветвлённая система взаимодействий, в которую входили тавры, гениохи, зиги, скифы и другие группы.

Такая система межкультурного обмена была частью масштабной евразийской динамики, в которую оказались вовлечены и другие кочевые общности. На этом фоне особый интерес и множество дискуссий вызывает вопрос о происхождении и маршрутах киммерийцев. В современной науке всё чаще при-

[7] Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 103.
[8] Там же. С. 147 – 148.

знаётся, что первоначальная родина киммерийцев неизвестна[9]. Их появление в Закавказье и Малой Азии, о котором говорят ассирийские источники, могло быть результатом военных походов, а не миграции из какого-либо «исконного» региона в Северном Причерноморье, считавшегося их родиной в поздней античной традиции.

Именно эта поздняя античная традиция породила т. н. «киммерийскую топонимику» Крыма, Керченского полуострова и Кавказа, которая продолжает привлекать внимание исследователей, несмотря на отсутствие археологических подтверждений длительного присутствия здесь самих киммерийцев. Ее следует рассматривать не как доказательство их проживания, а как отражение сложившихся в античную эпоху географических представлений, в которых историческая реальность тесно переплелась с мифом.

Этот интерес распространяется и на Абхазию, где предлагаются, например, абхазо-абазинские версии происхождения названия «Киммер», или «Гимар», «Гамирр» (от «Гаеимара» – «прибрежный союз»)[10]. Другие гипотезы связывают киммерийцев (Гимиррай) с гидронимом Гумиста[11], топонимами Гумара,

---

[9] Восточные тексты о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории, №1. 1947. №1. С. 266. В ассирийских царских надписях (в частности, в анналах, опубликованных в ВДИ, 1947, №1) правители Шамши-Адад V (823–811 гг. до н.э.) и его сын Адад-нирари III (810–783 гг. до н.э.) носили имена, содержащие имя бога грозы Адада. Походы Адад-нирари III на север, в регионы Урарту и Кавказа, создавали условия для культурного обмена. Сходство имени «Адад» с абхазским «адыд» («гром») может объясняться заимствованием через народы-посредники (хурритов, урартов), общим древним субстратом или случайным звукоподражанием, что указывает либо на исторические связи, либо на общие языковые закономерности.

[10] Кварчия В.Е. Из этнической истории абхазского (апсуа/абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин. Сухум, 2015. С. 165.

[11] Ворошилов В.И. Топонимы Российского Черноморья. Майкоп, 2007. С. 124.

Гумария[12], этнонимом «темиргой» (кемгуй)[13], а также с грузинским *гмири* («герой, сказочный великан») и осетинскими «гумиритами» из нартовского эпоса.

Однако ни одна из этих этимологий не может считаться доказанной. Все они остаются на уровне умозрительных гипотез, основанных на внешнем фонетическом сходстве, которое часто игнорирует хронологические разрывы и не подкреплено строгими лингвистическими законами. Яркой иллюстрацией этой проблемы служит топоним Гумиста. Его происхождение с большей вероятностью восходит к абхазскому родовому имени Гэым (Гэымаа), т. е. означает «место/река рода Гумаа»[14]. Более того, схожие топонимы с основой Гум/Кум (Гумская долина, река Гумич, селение Гум-локт) широко распространены на Северном Кавказе, что говорит об их локальной, автохтонной основе, а не о связи с экзоэтнонимом I тыс. до н. э.

Таким образом, попытки прямого отождествления античных «киммерийцев» с конкретными топонимами или этнонимами Кавказа, включая Абхазию, являются скорее отражением устойчивого исследовательского мифа, чем научно установленным фактом. Это лишний раз подтверждает, что следы возможных миграционных волн на рубеже бронзового и железного веков следует искать не в позднейшей ономастике, а в материальных свидетельствах, прежде всего, в данных археологии.

Именно совокупность археологических источников позволяет проверить гипотезы о конкретных маршрутах этих перемещений. Согласно античной традиции, уход киммерийцев из

---

[12] Ворошилов В.И. Топонимы Российского Черноморья. Майкоп, 2007. С. 124.

[13] Кобычев В.П. Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе // Кавказский этнографический сборник. IX. М., 1989. С. 30.

[14] Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006. С. 154 – 155.

Причерноморья около середины VII в. до н. э. был вызван натиском скифов[15]. Часть их, как предполагается, смешалась с таврами и синдами, а часть ушла в Переднюю Азию. Хотя ряд авторитетных ученых (Я.А. Манандян, Е.И. Крупнов и др.) считали, что продвижение киммерийцев шло вдоль черноморского побережья через Абхазию и Колхиду[16] (меото-колхидская дорога). Е.И. Крупнов даже полагал этот приморский путь единственно возможным, ссылаясь на находки «киммерийского облика[17].

Однако эта точка зрения игнорирует серьёзные географические препятствия. Участок побережья Абхазии вплоть до Геленджика, где горы вплотную подступают к морю, был крайне сложен для передвижения, часто не имея даже пешеходной тропы[18]. Поэтому более обоснованным представляется западный маршрут через Балканы и Фракию, более естественный для кочевников и подтверждаемый находками в нижнем Дунае[19]. Археология Абхазии также не доказывает массового или постоянного присутствия киммерийцев: немногочисленные находки степной по облику керамики на Сухумской горе[20], местные исследователи уверенно относят к колхидской культуре, а не к свидетельствам киммерийской миграции.

Гипотеза о переходе киммерийцев через Кавказские перевалы[21], основанная лишь на единичных находках упряжи в Джан-

---

[15] «Древности Тамани». Тамань, 2022. С. 54.

[16] Лавров Л.И. О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию // Советская археология. 1965, № 3. С. 221-223.

[17] Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 62.

[18] Лавров Л.И. Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа // КЭС. IX. М., 1989. С. 6.

[19] Треножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 21, 22, 91, 105, 108, 109, 120, 121 и сл.

[20] Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Ленинград, 1981. С. 83.

[21] Скаков А.Ю. Абхазия в контексте древней истории Восточного Причерноморья // Первые Международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9 – 12 октября 2007 г. Сухум, 2011. С. 335. Его же. Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средне-

тухском могильнике и фольклорных текстах[22], также представляется уязвимой. Легенды, записанные у сванов в XIX–XX вв., отделены от предполагаемых событий промежутком в два с половиной тысячелетия. За это время через кавказские перевалы проходили многие волны завоевателей (аланы, гунны, арабы, монголы), поэтому эти предания с большей вероятностью отражают память о более поздних нашествиях, например, аланских походах I–IV вв. н. э. Прямая привязка преданий к эпохе раннего железа методологически некорректна.

Кроме того, организованный конный переход через высокогорные перевалы в ту эпоху был практически невозможен. Более вероятным представляется восточный путь через Дербентский проход (Каспийские ворота), который вёл непосредственно в степи Закавказья и согласуется с данными ассирийских хроник о походах киммерийцев против Урарту и в Малой Азии.

Находки же, подобные джантухским, скорее, свидетельствуют о разнообразных контактах между степью и оседлыми обществами Закавказья, подготовивших почву для более интенсивного взаимодействия в скифскую эпоху.

Появление кавказских изделий (бронзовые топоры, молотки, булавки) в северопричерноморских степях в VIII–VII вв. до н. э. некоторые связывают с киммерийцами, якобы привозившими их из походов в Закавказье и Малую Азию[23]. Но приме-

---

вековая культура адыгов. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Нальчик 16-20 октября 2013 г.). Нальчик, 2014. С. 151–172.

[22] Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8 – 12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М.М. Трапш. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухум. 2011. С. 134. Скаков А.Ю. Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа…С. 151–172.

[23] Дударев С.Л. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // Вестник древней истории. № 4 (227), 1998. С. 80. Его же:О новых находках колхидского-кобанских

нительно к Западному Закавказью эта концепция сомнительна. Во-первых, для попадания кавказских бронз в Крым не нужен был проход армии через хребет. Во-вторых, непонятно, почему из богатых восточных походов киммерийцы привозили относительно простые кавказские изделия, а не восточные ценности. В-третьих, эти находки охватывают более длительный период, чем эпоха киммерийских походов. Следовательно, речь идет не о военной добыче, а о стабильных торговых связях. Поэтому более обоснована точка зрения, связывающая интенсивный обмен со скифами с конца VII в. до н. э., подтвержденная скифскими комплексами на Западном Кавказе. Роль же киммерийцев, если она и была, остаётся эпизодической и слабо доказуемой на фоне последующего глубокого степного влияния.

Широко известный набор скифских материалов на территории Абхазии включает акинаки, трёхлопастные наконечники стрел, бронзовые удила[24] и поясные пряжки со звериными и «свастиковидными» мотивами, находки которых зафиксированы, в частности, на Красномаяцком и Джантухском могильниках[25]. Исследователи (Г.К. Шамба, Е.И. Крупнов) интерпретируют эти предметы как свидетельство развитых взаимоотношений мест-

---

бронз в Северном Причерноморье // Абхазоведение. Выпуск. XII. Сухум. 2022. С. 216.

[24] Трапш М.М. Труды. Т. I. Сухуми. 1970. С. 111, 112, 132 – 138, 139, 141, 166, 197; Эрлих В.Р. Местные и импортные традиции воинской паноплии Абхазии в античное время // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум. 2006. С. 366.

[25] Вольная Г.Н. Центрально-симметричные композиции в искусстве центрального варианта кобанской культуры // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий. Материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.М. Трапш. М., 2022. С. 124 –130; Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гущиной. Труды Государственного иторического музея (ГИМ). Вып. 191. М., 2012. С. 232.

ного населения со скифской культурой, связывая их проникновение с путями через Прикубанье[26]. Однако эти артефакты едва ли указывают на постоянное проживание скифов на территории Абхазии. Они скорее отражают интенсивные культурные контакты, военные набеги или временное присутствие. Более того, типично скифские вещи, такие как оружие или детали узды, могли быть изготовлены местными мастерами (как это демонстрируют акинаки с характерными сегментовидными навершиями – особенностью местного производства)[27] или заимствованы элитой.

Существует и иная точка зрения, согласно которой в этот период в Абхазии сформировалась особая военная аристократия, комплектовавшаяся из абхазов и северокавказцев. Погребения с «меотским» и «скифским» инвентарем объясняются деятельностью именно этой этнически неоднородной группы[28]. Такой подход переводит вопрос из плоскости этнических контактов в сферу внутренней социальной организации и региональной военной мобилизации.

Независимо от конкретного характера процессов (торговля, заимствование, включение иноплеменников), факт интенсивного скифо-древнеабхазского культурного обмена не вызывает сомнений. При этом взаимодействие носило двусторонний характер: в материальной культуре скифского круга также прослеживаются элементы колхидско-кобанской традиции[29]. В частности, железные топоры западнокавказского происхождения,

---

[26] Шамба Г.К. Первый абхазский археолог // Вопросы археологии Абхазии: Материалы юбилейной научной сессии АИЯЛИ им. Д.И. Гулиа, посвященной 70-летию М.М. Трапш. Сухуми. 1989. С. 7 – 16; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа...С. 63.

[27] Эрлих В. Р. Местные и импортные традиции воинской паноплии Абхазии в античное время...С. 366.

[28] Сангулия Г.А. Древняя Абхазия: вождество и царство (Историко-археологическое исследование) // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2012. С. 112.

[29] Кахидзе А.Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI – I вв. до н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д-р. ист. наук. Тбилиси, 1981. С. 7.

распространявшиеся с территории Абхазии, вероятно, сыграли роль в формировании скифского топора-молотка и проникали как вглубь Закавказья, так и на Северный Кавказ, достигая «далёкой Скифии»[30].

Высокая концентрация скифского вооружения в прибрежной полосе Западного Закавказья, включая окрестности Сухума, традиционно рассматривается как свидетельство присутствия скифских племён[31]. Однако эти находки могут отражать не постоянное заселение, а эпизодические экспедиции, торговые связи, дипломатические дары или включение скифов в местные дружины. Обратное проникновение западнокавказских топоров в степи также указывает на устойчивые межкультурные связи, а не на миграцию.

Однако интерпретация этих процессов в современной историографии часто выходит за рамки строго научной дискуссии и приобретает политизированный характер. Так, в работе Дж. Гамахария и Б. Гогия утверждается, что «джиги, абазги и апсилы… являлись западногрузинскими племенами, но вследствие античных и средневековых набегов различных северных номадов – скифов и других «варваров» – подверглись ассимиляции или «скифизации»[32]. Не вступая в полемику по вопросу о генетической, языковой и культурной самобытности абхазского народа, следует отметить, что гипотеза о коренном изменении этнического состава населения Западного Кавказа под влиянием кочевых групп, включая скифов, не находит убедительного

---

[30] Трапш М.М. Труды. В пяти томах. Том II. Сухум. 2019. С. 68.

[31] Погребова М. Н. Железные топоры скифского типа в Закавказье // СА. 2. 1969. С. 179 – 188.

[32] Гамахария Дж., Гогия Б. «Абхазия – историческая область Грузии». Тбилиси, 1997. С. 25. **Примечание:** Данный труд признан в международном профессиональном сообществе кавказоведов (включая российское) научно несостоятельным и ангажированным, так как он систематически подменяет объективные историко-этнологические данные об абхазах субъективными территориальными претензиями и политической пропагандой.

подтверждения в археологических и исторических источниках. Свидетельства античной и раннесредневековой эпох не позволяют говорить о массовом присутствии скифов или иных кочевых народов на территории Абхазии, достаточном для того, чтобы вызвать демографически значимую этническую ассимиляцию и исчезновение местной культуры. Напротив, данные археологии и антропологии указывают на значительную преемственность в ее этническом составе: как было установлено в исследованиях, уже с конца III тыс. до н.э. в Абхазии формируется локальная культурная традиция, прослеживаемая без разрывов вплоть до новейшего времени[33]. В тех же случаях, когда представители внешних групп, в том числе скифы, оседали среди местного населения, они постепенно адаптировались к местной культурной и языковой среде, в конечном счёте подвергаясь обратной ассимиляции (поглощению). Этот вывод подтверждается письменными источниками и данными палеогенетики: исследования показывают, что осевшие на Кавказе скифы, хотя и интегрировались в местные сообщества, не привели к смене их основной генетической структуры[34].

Таким образом, сохранение абхазского языка (некартвельского) и традиций доказывает глубокую этническую преемственность и устойчивость абхазов к ассимиляции. Показательно, **что** даже эпизодическое присутствие скифов оставило след: античные авторы называли «скифами» местные племена (гениохов, апсилов)[35] и Колхиду. Это отражает не столько этногра-

---

[33] Соловьёв Л.Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Труды АбИЯЛИ. Т. XXXI. Сухуми, 1960. С. 94.

[34] Ярве М., Сааг Л., Шайб К. Л. и др. Изменения в генетическом ландшафте западной евразийской степи, связанные с началом и концом скифского доминирования // Current Biology. 2019. Т. 29, № 14. С. 2430–2441 (на англ. яз.).

[35] Арриан. Объезд Эвксинского Понта // Вестник древней истории, 1948. № 1. С. 265 – 275.

фическую точность, сколько глубину степных связей предков абхазов.

Однако наряду с этим длительным культурным влиянием существовала и более прямая, сиюминутная реальность, которая, по мнению некоторых исследователей, и определила конкретные условия для колонизации древнегреческими поселенцами территории Абхазии. Согласно их точке зрения, греческие пришельцы застали здесь «в некоторой степени опустевшие земли, что облегчило процесс колонизации»[36]. Причину этого они видят в разрушительных последствиях неоднократных «походов» исторических киммерийцев и скифов накануне колонизации, что могло спровоцировать локальный демографический кризис[37]. Однако, если даже допустить его, масштаб этого кризиса, вероятно, был недостаточен, чтобы отменить необходимость политического согласования с местными вождями. Основание Диоскуриады и Эшерского городища, требовавшее взаимодействия с гениохийскими скептухами, указывает на сохранение политической и военной организации у местного населения. Археологические же данные об основании греческих поселений на месте или в непосредственной близости от предшествовавших местных поселений (как, например, в случае Эшерского городища) свидетельствуют, скорее, о культурной преемственности и мирном сожительстве, а не о заселении пустующей территории. Кроме того, греки на территории Абхазии сильно зависели от местного населения как в поставках сырья, так и в обеспечении безопасности. Это указывает на то, что древнеабхазское население было достаточно многочисленным и сильным для диктовки условий торговли, что противоречит картине демографического кризиса или «опустевших» земель. С учетом вышесказанного,

[36] Скаков А.Ю. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. Том I. Абхазия. М., 2013. С. 60.

[37] Там же.

если даже гипотетические походы кочевников (скифов и киммерийцев) и могли привести к временному сокращению численности населения в некоторых прибрежных районах древней Абхазии, решающим фактором, облегчавшим греческую колонизацию, была взаимная экономическая заинтересованность, а не отсутствие местного населения.

Экономическое влияние дополнялось военно-морской активностью гениохийских общин. Их флот из лёгких лодок контролировал морские пути у Восточного побережья Чёрного моря. Хотя прямых свидетельств систематического пиратства здесь в VII–VI вв. до н. э. нет[38], самое подробное описание морского разбоя гениохов и их «камар» оставил Страбон. Однако его данные, основанные на более ранних источниках, отражают в основном ситуацию III в. до н. э. – I в. н. э. – период расцвета пиратства после ослабления римского контроля. Первые упоминания о морских разбойниках в регионе появляются лишь в V–IV вв. до н. э. и чаще относятся к скифам или фракийцам.

Пиратство у предков абхазов и адыгов имело долгую историю и носило характер военного мореплавания. В античную эпоху в Северо-Восточном Причерноморье сложился один из главных центров такой деятельности, связанный с объединениями гениохов и зигов. Об этом косвенно говорит и то внимание, которое Страбон уделяет именно им в своей «Географии», подробно характеризуя их воинственность и морскую смелость в большей степени, чем другие причерноморские народы.

По сути, гениохи, зиги и ахейцы были не просто пиратами, а сложными вождествами с морской экономикой и специфическим кодексом войны. Мореходство и пиратство для них являлось этнообразующим промыслом и способом взаимодействия с античным миром. Именно поэтому эти общества практикова-

[38] Гарбузов Г.П., Поротов А.В., Сударев Н.И. К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // Древности Боспора. Том 21. М., 2017. С. 69 – 70.

ли стратегию «военной торговли», где пиратство и коммерция были двумя сторонами единого хозяйственного уклада. С одной стороны, они торговали с греческими колониями, обменивая местные ресурсы на престижные товары; с другой – грабили морские пути, используя контроль над побережьем как инструмент политического давления и экономического обогащения. При этом их нападения часто носили превентивный и инициативный характер, будучи реакцией на само присутствие чужаков-колонистов в их водах. Таким образом, перед нами предстает отлаженная организация военной демократии, где набег считался делом чести и доблести.

О том, насколько серьезным вызовом для античных государств стали эти вождества, говорит Эшерская надпись (конец IV – начало III в. до н. э.). В ней упомянуто царство, войско и флот, что, по мнению отдельных авторов, дает возможность предполагать ведение военных действий с Боспором либо южнопонтийскими центрами[39].

Ряд исследователей полагает, что основная угроза для прибрежных поселений Восточного Причерноморья в IV–III вв. до н. э. исходила не с моря, а из горных районов[40]. Они считают, что жители Эшерского городища ощущали наибольшую опасность со стороны носителей «Джантухско-Лариларского варианта Ингуро-Рионской» (или колхидской) культуры, которых отождествляют с «соанами», связываемыми со сванами. Их предполагаемая экспансия, по мнению сторонников этой гипотезы, ограничивала доступ приморских общин к внутренним районам Кавказа, угрожая таким центрам, как Гиэнос (совр.

[39] Эрлих В Р., Ксенофонтова И.В., Джопуа А.И. Г.К. Шамба и археологические памятники села Эшера // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С. 94.

[40] Скаков А.Ю. К истории изучения Эшерской надписи // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий. Сухум, 2019. С. 155–163.

Очамчыра)[41]. В этих условиях, в Абхазии, согласно этой версии, возникли воинские культовые комплексы с предметами в зверином стиле, интерпретируемые как следы присутствия приглашённых меотских наёмников, несмотря на отсутствие типичной меотской керамики[42].

Однако эта реконструкция вызывает серьёзные возражения. Археологически не зафиксированы прямые следы военной экспансии «джантухско-лариларских» племён на побережье именно в указанную эпоху. Напротив, IV–III вв. до н. э. характеризуются обострением внешних, прежде всего морских, угроз: сарматы и скифы активизировались в Приазовье, пираты дестабилизировали безопасность торговых маршрутов, а Боспорское царство усиливало своё влияние на Восточном побережье Чёрного моря. Особенно показательна Танаисская надпись[43], свидетельствующая о совместной военно-морской операции Танаиса, Боспора и, вероятно, Колхиды против пиратов у берегов Малой Азии, что подчёркивает остроту именно морской угрозы. Эшерское городище, расположенное всего в километре от моря и, по всей вероятности, вовлечённое в прибрежную торговлю, было особенно уязвимо для морских атак. Горные племена, включая гипотетических «соанов», не располагали флотом, тогда как Эшерская надпись прямо упоминает «царство», «войско» и «флот», что является явным признаком морского конфликта. Учитывая, что в Северо-Восточном Причерноморье лишь Боспорское царство обладало значительным военно-морским потенциалом, наиболее логично связывать упомянутую угрозу именно с ним.

Тем не менее, нельзя полностью исключать ограниченное присутствие меотского военного контингента в Абхазии. Воз-

---

[41] Скаков А.Ю. К истории изучения Эшерской надписи // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий. Сухум, 2019. С. 155–163.

[42] Там же.

[43] Снисаренко А.Б. Властители античных морей. М., 1986. С. 209.

можно, небольшой отряд меотских всадников находился в регионе в рамках взаимовыгодного соглашения между меотской знатью и местными властями Диоскуриады и Гиэноса, направленного на охрану торговых грузов, следовавших в районы Северного Кавказа. С этим, вероятно, связаны ритуальные захоронения конских черепов, обнаруженные в Гиэносе и окрестностях Диоскуриады. Однако такие находки отражают, скорее, дипломатические связи элит, а не постоянное военное присутствие. На сегодня нет убедительных доказательств формального военного союза между приморскими общинами и меотами, хотя тактическое взаимодействие в отдельных случаях возможно.

Многие исследователи, включая С.Ю. Сапрыкина (отождествляющего «соанов» с санигами) считают, что в IV–III вв. до н. э. Колхида и Боспор конкурировали за контроль над восточнопонтийскими торговыми маршрутами. В этом контексте Эшерское городище могло служить колхидским форпостом против боспорской экспансии и пиратов. Даже при наличии давления со стороны горных племен маловероятно, чтобы оно требовало создания «царства с флотом». Скорее всего, речь идёт о местном правителе (или правящей группе), стремившемся сохранить самостоятельность перед лицом растущего влияния Боспора и нестабильности на морских путях.

Таким образом, предложенная реконструкция событий, несмотря на внутреннюю логичность, недостаточно учитывает специфику позднеколхидской эпохи и характер внешних угроз. Более убедительной представляется концепция многофакторной угрозы: внутреннее давление со стороны горных общин сочеталось с внешними морскими вызовами, в первую очередь со стороны Боспора и пиратских групп. Именно эта сложная геополитическая напряжённость, по-видимому, и отразилась в Эшерской надписи, которая выражает не один конкретный конфликт, а общую нестабильность на Восточном побережье Чёрного моря в позднеколхидскую эпоху.

В I в. до н. э. гениохи, зиги и ахейцы стали активными участниками большой политики Причерноморья в бурную эпоху Митридата VI Евпатора. Изначально эти пиратские общины, занимавшие стратегические позиции у Керченского пролива, совместно с крымскими скифами выступали против понтийского царя. Они представляли собой столь серьезную силу, что самому Митридату VI, пришлось отправить против них своего лучшего полководца Неоптолема. Согласно источникам, они сражались с ним дважды.

По мнению ряда исследователей, эти сражения произошли либо в конце II в. до н. э. на Керченском проливе, либо позже, после попытки Боспора выйти из-под власти Митридата[44]. После урегулирования отношений гениохи и зиги были вовлечены в его военно-политическую систему, что стало переломным моментом в их истории. Если изначально они действовали как разрозненные пиратские кланы, совершавшие дерзкие, но локальные нападения на прибрежные поселения с помощью своих маневренных лодок-камар, то участие в масштабных кампаниях на Боспоре и у берегов Керченского полуострова, превратило их в регулярных союзников одного из сильнейших царей эпохи.

Однако такая трансформация была невозможна без глубинных изменений внутри самих этих общностей. Участие в большой политике и войнах на стороне Митридата требовало качественно иного уровня организации. На смену спонтанным набегам пришла необходимость централизации власти, координации крупных сил и подчинения единому командованию. Это означало, что социальная структура гениохов смогла мобилизоваться и создать военную силу, способную не просто тревожить границы, но и влиять на ход противостояния таких гигантов, как Понтийское царство и Римская республика. Таким образом, гениохи вписали свое имя в историю не столько как морские раз-

[44] Виноградов Ю.А. О двух победах Неоптолема на Боспоре Киммерийском // Херсонесский сборник. Вып. 11. Севастополь, 2001. С. 66.

бойники, сколько как значимые участники драматических событий Митридатовых войн. Можно сказать, что войны Митридата выступили катализатором, который подтолкнул гениохов от стадии сложных вождеств к формированию более централизованной, протогосударственной структуры.

О том, что за этими структурными изменениями стояли реальные люди, вошедшие в ближайшее окружение понтийского владыки, свидетельствует ономастика. Имена ближайших соратников Митридата (Махар, Собадак, Олтак-Олкаба) находят параллели в абхазской, адыгской и другой кавказской антропонимике. Это является прямым свидетельством того, что выходцы из местной кавказской элиты занимали высшие позиции при дворе Понтийского царства.

Это вовлечение находило своё отражение не только в именах, но и в стратегическом значении территории древней Абхазии. Она стала одним из первых объектов экспансионистской политики Митридата Евпатора[45] и вскоре превратилась в важнейший опорный пункт его империи, служивший источником людских, природных и военных ресурсов. Степень интеграции гениохов в военную машину царства была столь высока, что после окончательного разгрома понтийской армии Помпеем они были удостоены (или, точнее, подвергнуты) чести пройти в его триумфальном шествии, – римский полководец счел их особо ценными пленными, наглядно продемонстрировав тем самым, какую заметную роль эти «пираты» играли в войсках его великого противника.

Литература

1. Древности Тамани. Тамань, 2022.

2. Арриан. Объезд Эвксинского Понта // Вестник древней истории, 1948. № 1. С. 265 – 275.

[45] Шелов Д.Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // Вестник древней истории. 1980. № 3. С. 28 – 43.

3. Виноградов Ю.А. О двух победах Неоптолема на Боспоре Киммерийском // Херсонесский сборник. Вып. 11. Севастополь, 2001. С. 65–70.

4. Вольная Г.Н. Центрально-симметричные композиции в искусстве центрального варианта кобанской культуры // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий. Материалы V Международной Абхазской археологической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.М. Трапш. М., 2022. С. 124 –132.

5. Ворошилов В.И. Топонимы Российского Черноморья. Майкоп, 2007.

6. Восточные тексты о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории, 1947. №1. С. 266 – 283.

7. Гамахария Дж., Гогия Б. Абхазия – историческая область Грузии. Тбилиси, 1997.

8. Гарбузов Г.П., Поротов А.В., Сударев Н.И. К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // Древности Боспора. Т. 21. М., 2017. С. 64 – 81.

9. Дударев С.Л. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // Вестник древней истории. № 4 (227), 1998. С. 77 – 93.

10. Дударев С.Л. О новых находках колхидского-кобанских бронз в Северном Причерноморье // Абхазоведение. Вып. XII. Сухум, 2022. С. 214 - 220.

11. Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

12. Кахидзе А.Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI – I вв. до н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Тбилиси, 1981.

13. Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006.

14. Кварчия В. Е. Из этнической истории абхазского (апсуа/абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин. Сухум, 2015.

15. Кобычев В.П. Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе // Кавказский этнографический сборник, IX. М., 1989. С. 10 – 38.

16. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

17. Лавров Л.И. Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа // Кавказский этнографический сборник. IX. М., 1989. С. 5 – 10.

18. Лавров Л.И. О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию *// Советская археология. 1965, № 3. С. 221 – 223.*

19. Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981.

20. Погребова М.Н. Железные топоры скифского типа в Закавказье // Советская археология. 2, 1969. С. 179 – 188.

21. Сангулия Г.А. Древняя Абхазия: вождество и царство (Историко-археологическое исследование) // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З. В. Анчабадзе. Сухум, 2012. С. 105 – 116.

22. Скаков А.Ю. Абхазия в контексте древней истории Восточного Причерноморья // Первые Международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9 – 12 октября 2007 г. Сухум, 2011. С. 329 – 347.

23. Скаков А.Ю. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Краткие сообщения института археологии. Вып. 223, 2009. С. 143 – 172.

24. Скаков А.Ю. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. Том I. Абхазия. М., 2013. С. 23 – 76.

25. Скаков А.Ю. Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа *// Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Нальчик, 16-20 октября 2013 г.). Нальчик, 2014. С.151–172.*

26. Скаков А.Ю. К истории изучения Эшерской надписи *// Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий.* Сухум, 2019. С. 155–163.

27. Скаков А.Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8 – 12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапш. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухум. 2011. С. 132 – 147.

28. Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в

скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гущиной. Труды Государственного исторического музея (ГИМ). Вып. 191. М., 2012. С. 217 – 238.

29. Снисаренко А.Б. Властители античных морей. М., 1986.

30. Соловьев Л.Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Т. XXXI. Сухуми, 1960. С. 69 – 100.

31. Трапш М.М. Труды. В четырех томах. Том первый. Сухуми. 1970.

32. Трапш М.М. Труды. В пяти томах. Том II. Сухум. 2019.

33. Треножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.

34. Шамба Г.К. Первый абхазский археолог // Вопросы археологии Абхазии: Материалы юбилейной научной сессии АИЯЛИ им. Д.И. Гулиа, посвященной 70-летию М.М. Трапш. Сухуми, 1989. С. 7 – 16.

35. Шелов Д.Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // Вестник древней истории, 1980. № 3. С. 28 – 43.

36. Эрлих В.Р. Местные и импортные традиции воинской панопли Абхазии в античное время // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С. 364 – 370.

37. Эрлих В.Р., Ксенофонтова И.В., Джопуа А.И. Г.К. Шамба и археологические памятники села Эшера // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С. 89– 96.

38. Ярве М., Сааг Л., Шайб К.Л. и др. Изменения в генетическом ландшафте западной евразийской степи, связанные с началом и концом скифского доминирования // Current Biology, 2019. Т. 29, № 14. С. 2430–2441 (на англ. яз.).

ДЖОПУА А.И.,
канд. ист. наук, доц. кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии
МАМАЦ-ИПА Р.У.,
преп. кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ В С. ЯШТУХА В 2024 Г.

Аннотация: *Текст представляет собой подробный исторический обзор археологических исследований палеолита и мезолита на территории Абхазии с 1933 г. по 2024 г. Описываются ключевые этапы: первые открытия Л.Н. Соловьева в Яштухе, экспедиции 1930-х гг. под руководством С.Н. Замятнина и других ученых, выявление 33 памятников, раскопки пещер (Кеп-Багаз, Хупына), периоды затишья и возрождения в 1950–2020-х гг. (работы Н.З. Бердзенишвили, В.П. Любина, М.Х. Хварцкия и др.). Особое внимание уделено современным исследованиям 2014–2015 и 2024 гг. на Яштухском местонахождении («Яштух-Суходол 1»), включая стратиграфию шурфов, находки артефактов (чопперы, кремневые орудия) и вызовы урбанизации. Подчеркиваются преемственность исследований и перспективы новых открытий на Западном Кавказе.*

Ключевые слова: *палеолит, Абхазия, Яштуха, Яштух-Суходол 1, Л.Н. Соловьев, С.Н. Замятнин, археологические экспедиции, пещерные стоянки, кремневые орудия, стратиграфия, шурфы, Суходол.*

Abstract: *The text provides a detailed historical overview of archaeological research on the Paleolithic and Mesolithic periods in Abkhazia from 1933 to 2024. The key stages are described: the first discoveries of L. N. Solovyov in Yashtukh, the expeditions of the 1930s led by S. N. Zamyatnin and other scientists, the identification of 33 monuments, excavations*

of caves (Kep Bagaz, Khupyna), periods of lull and revival in the 1950s and 2020s (works by N.Z. Berdzenishvili, V.P. Lyubina, M.H. Khvartskii and others). Special attention is paid to modern research in 2014-2015 and 2024 at the Yashtukh location ("Yashtukh-Sukhodol 1"), including the stratigraphy of pits, finds of artifacts (choppers, flint tools) and challenges of urbanization. The continuity of research and the prospects for new discoveries in the Western Caucasus are emphasized.

Keywords: *Paleolithic, Abkhazia, Yastukha, Yastukh-Sukhodol 1, L.N. Solovyov, S.N. Zamyatnin, archaeological expeditions.*

Изучение палеолита на территории Абхазии стартовало в 1933 году. Ключевым моментом стало открытие Л.Н. Соловьевым первых кремневых орудий в селе Яштуха, расположенном к северу от Сухума. Уже в следующем, 1934 году, были начаты масштабные работы по выявлению и фиксации палеолитических памятников.

Эту важную миссию выполняла специальная экспедиция, организованная Институтом антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР в сотрудничестве с недавно созданным Абхазским научно-исследовательским институтом краеведения (АбНИИК). Палеолитический отряд экспедиции в 1934 году включал таких выдающихся исследователей, как С.Н. Замятнин – основоположник научного изучения палеолита Абхазии, Л.Н. Соловьев и М.М. Иващенко. В 1935-1936 годах к ним присоединились П.И. Борисковский, М.З. Паничкина и А.Н. Каландадзе.

В ходе этой ранней экспедиции Л.Н. Соловьев зафиксировал множество стоянок в центральных и южных районах Абхазии. Этот обширный список включает такие места, как Лечкоп, Гвард, Келасур, Апианча, Нижняя Лемса, Ягиш, Захаровка, Отап, Моква, Очамчира, Илор, Чай-Грузия, Ачигвара, Гал, Цхири, Чубурхиндж и другие. Параллельно С.Н. Замятнин проводил исследования в Северо-Западной Абхазии, обнаружив палеолитические памятники в Гагре, Колхиде, Отаре, Бармыше, Гудауте, Лыхнах, Кюр-дере, Эшере и других местах.

Геологическое сопровождение этих исследований осуществляли Г.Ф. Мирчинк, В.И. Громов и Е.В. Шанцер.[1]

Трехлетняя работа экспедиции (1934-1936гг.) позволила выявить и задокументировать тридцать три местонахождения остатков палеолитической эпохи на территории Абхазии. Эти находки были распределены относительно равномерно по всей береговой линии, охватывая ее протяженность.

В 1938 году начались раскопки пещерных стоянок палеолита. Л.Н. Соловьев провел археологические разведки в гроте Кеп-Багаз, неподалеку от села Цебельды. Там была обнаружена многослойная стоянка, относящаяся к эпохам верхнего палеолита и мезолита. В том же районе Соловьев приступил к многолетним раскопкам грота Хупына (также известного как Холодный грот), где были выявлены мезолитические слои, уходящие корнями в верхний палеолит.

Последующий период, с 1946 по 1957 год, характеризовался практически полным отсутствием специальных работ по изучению памятников каменного века Абхазии. Исключение составили лишь краткосрочные разведочные работы Л.Н. Соловьева на Анухвском плато.

С 1958 года ситуация изменилась: Институт истории Академии наук Грузинской ССР начал организовывать ежегодные экспедиции по изучению палеолита. Эти экспедиции, возглавляемые Н.З. Бердзенишвили, продолжили исследования Яштухской стоянки и провели раскопки мезолитической стоянки в пещере Куабчара, расположенной близ села Цебельды. С 1962 года Н.З. Бердзенишвили также вела исследования грота Джампальского в районе села Амткел.[2]

Следующий этап изучения палеолита Западного Кавказа приходится на 60–70-е гг. XX в. и связан, в первую очередь,

---

[1] Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. 4. Сухум, 2014. С. 10.

[2] Соловьев Л.Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Сухум, 1971. С. 6.

с именами И.И. Коробкова, Е.А. Векиловой и В.П. Любина. Ими на новом уровне были проведены исследования пещерных стоянок и местонахождений региона, были уточнены хронологические и культурно-исторические позиции памятников, была выделена своеобразная «хостинская зубчатая мустьерская культура».[3]

В конце XX в. продолжили изучение каменного века Западного Кавказа ученики В.П. Любина – Д.А. Чистяков, М.Х. Хварцкия и С.А. Кулаков. Трагические, ранние уходы из жизни Д.А. Чистякова и М.Х. Хварцкия не позволили им полностью реализовать свой научный потенциал. Но М.Х Хварцкия за почти 10 лет поисков, в результате титанически проведенных археологических разведок, открыл в Гагрском, Гудаутском и Сухумском районах Абхазии более 40 пещерных памятников каменного века, некоторые из них очень перспективны и ждут дальнейших исследований.[4]

В 2014–2015 гг. совместный российско-абхазский археологический отряд ИИМК РАН, Абхазского государственного музея и Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа в рамках международных проектов РГНФ (№14-21-12551 е/м, №15-21-12551 е/м) провел мониторинг состояния уже известных и поиск новых памятников каменного века в Сухумском р-не Абхазии.[5]

Первым пунктом работ стало всемирно известное Яштухское местонахождение каменного века, определяемое как мастерская-стоянка на выходах каменного сырья, функционировавшая на громадном отрезке истории, от середины

---

[3] Любин В.П., Беляева Е.В. Страницы ранней преистории Абхазии. СПб., 2011. С. 10

[4] Хварцкия М.Х., Полякова Н.Е., Очередной А.К. Мачагуа – памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб., 2005. С. 12.

[5] Кулаков С.А., Джопуа А.И., Цвинария И.И. Новые работы по каменному веку Абхазии. Археологические открытия. 2015 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2017. С 489.

раннего палеолита и до конца каменного века. В настоящее время все пункты Яштухского местонахождения, открытые в XX в., практически недоступны, так как эта территория сейчас является северной окраиной г. Сухума, плотно застроенной вплоть до южных склонов Яштхуа и Бырцха. Поэтому основной целью работ стало обследование ур. Суходол, ущелья-ложбины на северном склоне г. Яштхуа. О находках там каменных изделий писал еще Л.Н. Соловьев. В.П. Любин, вслед за ним, также полагает, что в этом месте сохранились наиболее древние артефакты. Местом сосредоточения внимания стал район стыка ЮЗ оконечности ур. Суходол с сухой долиной р. Восточной палео-Гумисты, где внимание привлек небольшой, выположенный, террасовидный мыс, на поверхности которого собрана представительная коллекция артефактов (более 300). Важно, что в этом месте наряду с обычными яштухскими формами изделий были найдены чопперы, изготовленные из местного галечного сырья из террасы. Пункт сбора артефактов получил название «Яштух-Суходол 1». На этом пункте произведены разведочные работы – сделаны шурфы и зачистки края террасы. Во всех вскрытиях обнаружена одинаковая стратиграфия литологических отложений: современная почва – пахотный слой, суглинок серо-желтый, глина пестроцветная и галечник речной. Со слоем 1 связаны все сборы артефактов на пашнях и обнажениях. По всей видимости, со слоем 2 было связано первоначальное залегание каменных изделий. Слои 3 и 4 – археологически стерильны. Таким образом, произведенные работы на местонахождении «Яштух-Суходол 1» показали, что первоначально разновременные артефакты концентрировались на разных уровнях покровного суглинка, залегающего на слое глины и галечнике. Но активная хозяйственная деятельность населения, в первую очередь глубокая распашка, нарушила in situ первоначального залегания, перемешала и переотложила ка-

менные изделия разных эпох в одном слое 2, но отдельные артефакты сохранили свое первоначальное залегание.[6]

С 6 по 11 октября 2024 г. нами была проведена археологическая разведка на территории Сухумского района Абхазии в с. Яштуха. Участие в ней принимали научные сотрудники Абхазского института гуманитарных исследований АНА: канд. ист. наук. – И.А. Джопуа, Ш.Г. Кайтан, Д.А. Счастный, м.н.с. Д.З. Авидзба. Консультацию проводил ведущий научный сотрудник Отдела палеолита ИИМК РАН, д-р ист. наук С.А. Кулаков.

Работы в Сухумском районе Абхазии имели следующие цели и задачи:

1. Продолжение проведения разведочных земляных работ на открытом в 2014 г. пункте сборов артефактов – «Яштух-Суходол 1», в границах известного Яштухского палеолитического местонахождения на северной окраине г. Сухума, для выяснения условий залегания артефактов в данном конкретном месте памятника.

2. Поиск новых мест локализации артефактов на северных склонах гор Яштхуа и Бырцх, и далее на северо-восток в урочище Суходол.

В 2024 г. главным местом работ стал пункт «Яштух-Суходол 1». Памятник находится на Яштухском местонахождении, в районе стыка юго-западной оконечности урочища Суходол с сухой долиной реки Восточной палео-Гумисты (Рис. 1).

Географические координаты пункта «Яштух-Суходол-1»:

– 43⁰ 1ˈ 52,5ˈˈ северной широты;
– 41⁰ 1ˈ 28,4ˈˈ восточной долготы.

Для выяснения места залегания артефактов решено было поставить 1 шурф (Рис. 2).

---

[6] Кулаков С.А., Джопуа А.И., Цвинария И.И. Новые работы по каменному веку Абхазии. Археологические открытия. 2015 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2017. С 489-490.

Шурф 1 был заложен на свободном участке между просёлочной дорогой и забором частного землевладения, координаты северо-восточного угла:

– 43.05257° северной широты;

– 41.04134° восточной долготы.

Стратиграфия шурфа 1:

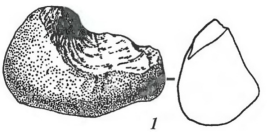
1 слой – тонкий слой темно-песочного цвета современного гумуса-дёрна, мощность слоя 25 см.

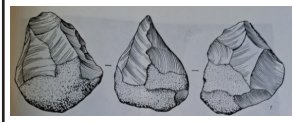
2 слой – глина светлая с многочисленными разновеликими чёрными пятнами марганца. Мощность видимая до 80 см. С этим слоем связаны все поверхностные находки артефактов. (Рис. 1)

Литература

1. Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. 4. Сухум, 2014.
2. Кулаков С.А., Джопуа А.И., Цвинария И.И. Новые работы по каменному веку Абхазии// Археологические открытия. 2015 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 489-490.
3. Любин В.П., Беляева Е.В. Страницы ранней преистории Абхазии. СПб., 2011.
4. Соловьев Л.Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Сухуми,1971.
5. Хварцкия М.Х., Полякова Н.Е., Очередной А.К. Мачагуа – памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб., 2005.

Рис.1. Каменные находки из шурфа:
1 – пластина, 2 – скребок; 3 – острие; 4 – нож; 5 – Нож;
6– остроконечник; 7 – резец; 8-10- нож; 11 – скребок; 12 –
нуклеус; 13 – резец; 14 – скребок; 15 – резец.

Монофас (чоппер)	Нижний палеолит (Ашельская культура. 1,76 млн – 120 тыс.н.)	Изменения на поверхности заготовки – снят крупный скол с поверхности заготовки; острый край в дистальной части имеет следы использования/деформирован; орудие имеет тёмный цвет. Образец: 	

Рубило	Нижний палеолит (Ашельская культура. 1,76 млн – 120 тыс. л.н.)	Сырьё – галька Заготовка – цельная порода Приёмы изготовления – оббивка (ударная техника). Изменения на поверхности заготовки – медиальная часть сужена несколькими крупными сколами, при основании сформированы «плечики» – выступающие края подтреугольной формы, на спинке прослеживается след от скола; в дистальной части поверхность сбита, со стороны спинки имеются мелкие сколы и выщербленности. Образец: 	

АВИДЗБА В.В.,
канд. ист. наук, доц. кафедры всеобщей истории

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АБХАЗСКОМ КНЯЖЕСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОПЫТ СИНТЕЗА ИМПЕРСКОГО ПРАВА И МЕСТНЫХ ОБЫЧАЕВ

Аннотация: *В статье исследуются административно-правовые преобразования в Абхазском княжестве первой половины XIX века, направленные на укрепление позиций Российской империи на Кавказе. Анализируется введение системы приставств в Цебельде, Самурзакане и Джигетии как переходной модели управления, сочетавшей имперское право с традиционным правом. Особое внимание уделяется эволюции судебной системы и реформированию традиционного судопроизводства. Рассматривается роль князя Михаила Чачба-Шервашидзе, в частности его инициативы по ограничению обычая кровной мести.*

Данные реформы обеспечили постепенную интеграцию княжества в имперское пространство через частичную унификацию правовых норм и усиление административного контроля.

Ключевые слова: *Абхазское княжество, Российская империя, Приставское правление, Традиционное право, Административные реформы, Судопроизводство, Лыхненский сход 1846 года, Интеграция и колонизация.*

Abstract: *This analysis examines the administrative reforms implemented by the Russian Empire within the Principality of Abkhazia during the first half of the 19th century. The transition to imperial control commenced with the establishment of pristavstvos (bailiwicks) in regions such as Tsebelda and Samurzakan. In these areas, traditional local customs were gradually integrated with Russian military and civil law.*

A pivotal moment in this process was the 1846 Lykhny Assembly, initiated by Prince Mikhail Shervashidze under imperial guidance. The as-

sembly sought to modernize the legal system by imposing restrictions on blood feuds and the practice of tribal shielding. Ultimately, these strategic measures served to diminish local autonomy and facilitate the region's full integration into the Empire.

Keywords: *Abkhazian Principality, Russian Empire, Bailiff Administration, Traditional Law, Administrative Reforms, Legal Proceedings, Lykhny Assembly of 1846, Integration and Colonization.*

По мере усиления позиций Российской империи на Кавказе царская администрация попутно проводила административные преобразования, приспосабливая ситуацию к реалиям времени. В Российской империи первыми и в то же время переходными формами административно-территориального устройства стали приставства, которые начали поэтапно вводиться с первой половины XIX века. Согласно инструкции, главами таких административных единиц назначались чиновники из офицерского состава Российской империи. Им полностью подчинялись старшины, избиравшиеся преимущественно из числа коренного населения; на них при необходимости возлагались полицейские функции.

Приставства изначально находились в ведении Коллегии иностранных дел Российской империи. Затем, скорее всего, с осложнением ситуации в ходе Кавказской войны управление данной административной системой было передано Военному ведомству с непосредственным подчинением генерал-губернатору. Несмотря на несовершенство данного преобразования, в то же самое время, по мнению некоторых исследователей, приставства сыграли определенную положительную роль для Российской империи в организации управления новыми территориями и народами, осуществив ряд ключевых функций[1].

Из вышеизложенного следует, что конечной целью введения имперской администрацией приставского правления в отдель-

[1] Бухтоярова И.Н. Система приставств – первый этап организации управления Северным Кавказом (первая четверть XIX века) // Проблемы генезиса и эволюции обычного права. Махачкала, 2008. С. 89.

ных районах княжества было установление полного контроля над всей территорией Абхазии. Хронологически первое приставское правление было введено в 1837 году в Цебельде, затем в 1840 году – в Самурзакане и в 1841 году – в Джигетии.

Как известно, административное управление уездами, княжествами и приставствами Кутаисского генерал-губернаторства осуществлялось по двум разрядам. Вся территория Абхазского княжества с приставствами относилась ко второму разряду, где управление осуществлялось на основании особых постановлений и преимущественно по народным обычаям[2]. Указанный выше второй разряд, к которому относилась вся территория Абхазии, в свою очередь, можно разделить еще на две категории. Первая – это непосредственно территория, подконтрольная владетелю, где он, обладая определенной независимостью, осуществлял управление страной и производил судебные разбирательства согласно народным обычаям. Ко второй категории можно отнести все три вышеуказанных приставства, на территории которых уже наблюдались ограничения, не только в политическом управлении, но и в судопроизводстве.

Данный механизм с начала XIX века был уже отработан в разных регионах империи, и поэтому русская администрация без особых церемоний, не учитывая при этом местные особенности, по мере необходимости вводила свои новшества по всему Кавказу. Вероятно, неслучайно первыми таким преобразованиям в Абхазии подверглись именно вышеуказанные территории, т.е. Цебельда, Самурзакан и Джигетия.

Изучение данного вопроса позволяет выделить ряд факторов, ключевым из которых является резкое ослабление влияния владетельных князей Абхазии на указанные территории после правления легендарного Келешбея Чачба-Шервашидзе.

---

[2] Лаврентьев. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16. Ч.5. Кутаисское генерал-губернаторство. СПб, 1858. С. 231.

В этот период административный ресурс правителя оказался минимальным или был утрачен вовсе. Подтверждая это обстоятельство, штабс-капитан Генерального штаба Лаврентьев отмечал, что «…сильные по своим поместьям князья и дворяне часто представляют значительное противодействие даже благим предначертаниям Владетеля»[3], который в силу обстоятельств «не всегда решается бороться с необузданностью своих подвластных»[4].

Если не считать стихийное сопротивление жителей вышеуказанных приставств, в первую очередь дальцев и цебельдинцев, можно сказать, что данное мероприятие прошло достаточно спокойно. К тому же и сам владетельный князь Абхазии Михаил Чачба-Шервашидзе на первом этапе своего правления не только не противился, но и в какой-то мере способствовал данному процессу. Поэтому, вопреки воле владетеля, представители Маршания – княжеского рода горных обществ Дала и Цабала – не проявляли к нему лояльности и при первой же возможности заявляли не только о своем неповиновении, но и совершали акты кровной мести[5].

Кроме того, немаловажно и то, что два из трех вышеуказанных приставств были приграничными территориями, сопредельными с районами боевых действий на Северо-Западном Кавказе.

Благодаря этому царская администрация смогла достаточно легко – и, что наиболее важно, не встречая сопротивления со стороны владетельного князя Абхазии, которому императорским указом было даровано право на автономное управление, – ввести в указанных регионах прямое правление. Система приставств (введена в Цебельде в 1837 г., Самурзакане в 1840 г. и

[3] Лаврентьев. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16. Ч.5. Кутаисское генерал-губернаторство. СПб, 1858. С. 235.

[4] Там же. С. 235

[5] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Черкесск, 1994. С. 47.

Джигетии в 1841 г.) являлась временной и адаптивной моделью управления.

Формально не нарушая положений Манифеста Александра I от 17 февраля 1810 года об автономии Абхазского княжества[6], российский царизм поэтапно устанавливал прямой контроль над его стратегическими территориями. В районах, где влияние владетельного князя было минимальным, империя создавала своеобразные «форпосты» для реализации дальнейших административных и политических преобразований.

Такое пристальное внимание к административно-территориальным преобразованиям, проводимым в Абхазии со стороны российской администрации, не является случайным. Как известно, вместе с административно-территориальными переменами происходили и изменения содержательного характера. То есть имперская администрация, нащупывая уязвимые места в управлении княжеством, шаг за шагом двигалась к своей цели – к полной колонизации княжества.

Так, одним из первых реформированию подверглось традиционное судопроизводство абхазов. Военному приставу, согласно Инструкции, помимо прямого военно-политического руководства, были вверены и судебные дела; он по мере необходимости мог разбирать претензии между жителями, используя народные обычаи. Кроме пристава, в словесный суд входили еще четыре судьи из числа представителей коренного населения, а также один письмоводитель[7]. На начальном этапе судопроизводство в приставствах представляло собой нечто гибридное, где в зависимости от сложности дела могли использовать как имперское, так и традиционное право.

В участках менее важные судебные дела не уголовного характера разбирали по обычному праву народные судьи из числа

---

[6] Ачугба Т.А. История Абхазии в датах. Справочник. Издание второе, дополненное. Сухум, 2016. С. 55.

[7] Дзидзария Г.А. Труды. Т.III. Сухум, 2016. С.416.

уважаемых старейшин во главе со старшиной. Но как бы то ни было, они должны были ставить в известность о своем решении пристава – то есть русского офицера[8].

Данная ситуация явно указывает на временный характер приставской системы. Царская администрация даже на указанных территориях до стабилизации положения пыталась проводить гибкую политику, с одной стороны, совмещая военные экспедиции, а с другой – привлекая авторитетных князей на царскую службу.

Более сложная и в определенной степени неоднозначная ситуация сложилась в Самурзаканском приставстве.

Ввиду того что в рассматриваемый период Самурзакань являлась объектом спора между абхазскими и мегрельскими владетелями, российская администрация во избежание дальнейшей эскалации конфликта постановила, чтобы все тяжбы, возникшие до 1840 года, рассматривались специально учрежденной комиссией на основании законодательства царя Вахтанга.

Дела же по конфликтам, имевшим место после 1840 года (то есть после учреждения приставского управления), предписывалось передавать на рассмотрение приставу для разрешения в соответствии с имперским законодательством.

Царская администрация на Кавказе, скорее всего, с подачи центральных властей, еще в 40-х годах XIX века попыталась внедрить свои законы не только на территории вышеуказанных приставств, но и на всю подвластную владетелю территорию. Шаткость своего положения царизм пытался исправить путем усиления авторитета и влияния владетеля – в первую очередь на вверенной ему территории, а также на прилегающих землях, где компактно проживали абхазы.

Так, из рапорта начальника Черноморской береговой линии А.И. Будберга главнокомандующему Отдельным Кавказским

---

[8] Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762-1859). Сборник документальных материалов. Т. II / Составители А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум, 2011. С. 232.

корпусом М.С. Воронцову от 7 сентября 1846 года видно, что царская администрация, обеспокоенная положением дел в Абхазии, пыталась через корректировку традиционного судопроизводства усилить влияние владетеля и через него – свои позиции[9]. С этой целью владетель 8 июля 1846 года созвал общенародный сход в Лыхны и предложил ввести, как выразился А.И. Будберг, «некоторые новшества» в обычно-правовые устои абхазов. Но, судя по содержанию предложений, речь шла, скорее всего, не о новшествах, а об отказе от некоторых устоев традиционного права. Как гласит документ, владетель Абхазии Михаил, вникнув в причины, препятствующие развитию благосостояния его владений, предложил обсудить вопросы искоренения обычаев кровной мести и «гостеприимства» (в контексте укрывательства), а также учреждения судов из лиц по выбору владетеля для разбора тяжебных и уголовных дел. Кроме того, владетель предложил подвергать преступников всех сословий без исключения преследованию и наказаниям, даже если они действовали в рамках абхазских обычаев[10].

По сути, владетельный князь Михаил Чачба-Шервашидзе выступал ключевым посредником в процессе интеграции. Его инициативы по ограничению кровной мести и укрывательства преступников, выдвинутые на Лыхненском сходе, де-факто были направлены на унификацию правового поля и укрепление централизованной вертикали, в равной степени, обеспечивавшей стабильность, как его собственной власти, так и позиций империи в Абхазии.

Хотя решение схода изначально поддержали все сословия, впоследствии феодальная верхушка начала его блокировать с

---

[9] Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762-1859). Сборник документальных материалов. Т. II / Составители А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум, 2011. С. 318.

[10] Там же. С 319.

целью возвращения своих прежних привилегий. Спустя годы полковник Генерального штаба Карлгоф в 1853 году и штабс-капитан Генерального штаба Лаврентьев в 1858 году, последовательно повторяя друг друга в «Военно-статистическом обозрении Российской империи», подтверждают события, имевшие место в 1846 году в Лыхны, и мероприятия, предложенные владетелем[11].

Данное сообщение позволяет предположить, что Лыхненский сход был организован владетельным князем Михаилом Чачба-Шервашидзе по инициативе имперской администрации. Целью этого мероприятия являлось укрепление авторитета князя посредством частичного преобразования традиционного права абхазов. В действительности же имперская администрация преследовала более масштабные цели: через упрочение позиций владетеля и частичную унификацию норм традиционного права она стремилась усилить свое влияние не только в Абхазии, но и на прилегающей к ней Северо-Западной территории Кавказа.

Помимо самого владетеля, возможность косвенного влияния чиновников царской администрации на организацию Лыхненского схода 1846 года подтверждают слова того же А.И. Будберга. В вышеуказанном письме он пишет, что «имел честь представить на благоусмотрение в. с. [*вашей светлости*] отзыв к себе владетеля Абхазии при надписи от 6 августа №790»[12].

Скорее всего, речь шла об установлении спокойствия на всей территории Абхазии с использованием устоев традиционного права, которое на данном этапе оказалось единственным

[11] Карлгоф. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16. Ч.10. Восточный берег Черного моря. СПб. 1853. С. 29; Лаврентьев. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16. Ч.5. Кутаисское генерал-губернаторство. СПб. 1858. С. 269.

[12] Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762-1859). Сборник документальных материалов. Т. II / Составители А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум, 2011. С. 232.С. 318.С. 319.

механизмом, обеспечивавшим внутреннюю общественную стабильность. Следовательно, опора на традиционные нормы была продиктована необходимостью сохранения порядка в переходный период. Имперская администрация не стремилась к немедленному уничтожению традиционного права, а использовала его как инструмент стабилизации. Внедрение административных преобразований осуществлялось через традиционные социально-политические институты, в частности Лыхненский сход 1846 года, что представляло собой попытку легитимации реформ в глазах местного населения.

Подводя итог анализу административно-правовой политики Российской империи в Абхазском княжестве, можно констатировать, что первая половина XIX века стала периодом поиска наиболее эффективных механизмов управления таким сложным регионом, как Абхазское княжество. Имперская администрация отказалась от тактики немедленного слома местных институтов, предпочтя стратегию «мягкой интеграции». Несмотря на формальное сохранение автономного статуса княжества, эти преобразования постепенно размывали социально-политическую самобытность абхазов. Традиционное же право абхазов, ранее служившее гарантом внутренней независимости, было встроено в вертикаль имперской власти и постепенно переходило под надзор российских офицеров.

Литература

1. Ачугба Т.А. История Абхазии в датах. Справочник. Издание второе дополненное. Сухум, 2016.

2. Бухтоярова И.Н. Система приставств – первый этап организации управления Северным Кавказом (первая четверть XIX века) // Проблемы генезиса и эволюции обычного права. Махачкала, 2008.

3. Дзидзария Г.А. Труды. Т.III. Сухум, 2016.

4. Карлгоф. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16. Ч.10. Восточный берег Черного моря. СПб. 1853.

5. Лаврентьев. Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства. Т.16. Ч.5. Кутаисское генерал-губернаторство. СПб, 1858.

6. Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. II / Составители А.Э. Куправа, С.Ш. Салакая, А.Ф. Авидзба. Сухум, 2011.

7. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Черкесск, 1994.

ГАБЕЛАЯ А.С.,
канд.ист.наук, ст.преп. кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ НЭПА АБХАЗИИ: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются дискуссионные вопросы хронологических рамок новой экономической политики (НЭПа) на территории Абхазии. Анализируется специфика реализации нэповских мероприятий. Особое внимание уделяется проблеме периодизации НЭПа в республике, соотношению общесоюзных хронологических границ (1921–1929) и местных особенностей экономического развития. Автор приходит к выводу, что традиционная периодизация НЭПа требует корректировки применительно к абхазскому материалу с учетом фактора начала коллективизации и сохранения элементов нэповской модели вплоть до 1931 г.*

Ключевые слова: *НЭП, ССР Абхазия, Хронология, Нестор Лакоба, Советская государственность, Коллективизация, Политический статус.*

Abstract:*The article examines the debatable issues regarding the chronological framework of the New Economic Policy (NEP) on the territory of Abkhazia. It analyzes the specifics of implementing NEP measures. Particular attention ispaid to the problem of periodizing the NEP in the republic, the correlation between the all-Union chronological boundaries (1921–1929) and local features of economic development. The author concludes that the traditional periodization of the NEP requires adjustment in relation to the Abkhaz context, taking into account the factor of the beginning of collectivization and the preservation of elements of the NEP model until 1931.*

Keywords: *NEP, SSR Abkhazia, Chronology, Nestor Lakoba, Soviet statehood, Collectivization, Political status.*

Новая экономическая политика остается одним из наиболее изученных и одновременно дискуссионных периодов советской истории. Традиционно хронологические рамки НЭПа определяются 1921–1929/1931 гг., однако региональная специфика реализации нэповских принципов зачастую не укладывается в общесоюзные схемы. Особый интерес в этом отношении представляет Абхазия, где экономические преобразования 1920-х гг. накладывались на уникальный контекст государственного строительства.

В Абхазии советская власть «имела свои особенности и не сопровождалась массовым террором», что напрямую можно связывать с проведением НЭПа: эта необычная для новой власти тенденция объяснялась тем, что её утверждение в Абхазии совпало с проведением в Советской России новой экономической политики (НЭП). В этот период Абхазия действительно была небольшим островком мирной размеренной жизни. Данное наблюдение ставит перед исследователем ряд вопросов: насколько синхронно развивались нэповские процессы в центре и в Абхазии? Можно ли говорить об особой хронологии НЭПа в Абхазии? Цель настоящей статьи – выявить дискуссионные аспекты хронологии НЭПа в Абхазии и предложить подходы к их разрешению на основе анализа историографии и доступных источников.

Историографический обзор:

Проблема периодизации НЭПа в национальных регионах Кавказа привлекала внимание исследователей преимущественно в контексте изучения экономической истории Закавказья. Однако специальных работ, посвященных именно хронологии НЭПа в Абхазии, до настоящего времени не создано. Но отдельные вопросы НЭПа рассматриваются в основном в работах известного абхазского советолога – академика А.Э. Куправа,[1]

[1] Куправа А.Э. Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода 1921-1924 гг. Сухуми, 1959; его же: Промышленность и

а также других специалистов по советскому периоду: А.А. Абшилава,[2] Л.М. Прицкер[3] и др. Фрагментарные сведения содержатся в отдельных работах по истории социально-экономического развития ССР Абхазии.[4]

Социально-экономические процессы, происходившие в советской до колхозной деревни, исследуются в работах В.П. Данилова,[5] Ю.А. Полякова,[6] С.П. Трапезникова,[7] А.И. Колмыкова,[8] М.М. Выборова[9]. Авторы этих работ в основном описывают социально-экономическое развитие советской деревни в годы НЭПа. Эти работы интересны, прежде всего, тем, что в них со-

---

транспорт Абхазии в первые годы Советской власти. Сухуми, 1968; и др.

[2] Абшилава А.А. История промышленности Абхазской АССР (1921-1941 гг.). Тбилиси, 1969.

[3] Прицкер Л.М. История освоения Ткварчельского каменноугольного месторождения (1881-1935 гг.). Сухуми, 1966.

[4] Куправа А.Э. Абхазская деревня по пути социализма. Канун коллективизации. 1926-1929 гг. Тбилиси, 1977. А.А. Олонецкий. Результаты осуществления Советской властью закона о национализации земли в Абхазии. Сухуми, 1956; С.И. Шария. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Абхазии (1921-1932 гг.), Сухуми, 1970.

[5] Данилов В.А. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации. «Исторические записки». Т.55. М., 1956; его же: О характере социально-экономических отношений советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963.

[6] Поляков С.П. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М.,1967.

[7] Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. I. М., 1974.

[8] Колмыкова А.И. О некоторых вопросах расслоения деревни в годы восстановительного периода (1921-1925 гг.). «Вестник МГУ». Серия IX, 1960, №3.

[9] Выборов Н.М. Регулирование социально-экономических отношений в сибирской деревне в восстановительный период. Сборник статей. Новосибирск, 1965.

держатся общие теоретические основы новой экономической политики.

Необходимо отметить, что темпы социально-экономического развития в годы НЭПа в разных национальных республиках были на различных уровнях. Несмотря на то, что социально-экономические процессы везде определялись единой для всей страны экономической политикой государства (земельной, кредитной, налоговой, кооперативной и т.д.), но местные экономические и исторические условия, как это показывается в исследованиях советских историков, оказывали большое влияние на темпы развития советской деревни[10].

В работах вышеуказанных специалистов в основном затронуты политические формы борьбы. Экономические же формы сопротивления крестьян остаются за пределами их исследовательских работ, а также мало освещаются вопросы хронологии НЭПа.

В современной советологии продолжаются дискуссии по разным аспектам новой экономической политики. Нельзя с уверенностью сказать, что НЭП себя не исчерпал к моменту его свертывания в конце 20-х годов. Существуют альтернативные взгляды насчет хронологии новой экономической политики. Однозначно, что диапазон интерпретации НЭПа оказался весьма широким. Среди исследователей 20-х годов XX века, изучающих НЭП, нет определенного ответа о природе новой экономической политики. Нужно отметить, что 20-е годы, прошедшие в основном под знаком новой экономической политики,

---

[10] См.: Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929 гг.). Алма-Ата, 1965; Аминова Р.Х. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к НЭПу. Ташкент, 1963; Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского до колхозного аула. Москва, 1965; Ломашвили П.Н. Великий переворот. Тбилиси, 1972.

как периода перехода и трансформации, находятся в эпицентре дискуссий[11].

Вопросы НЭПа были изучены и зарубежными исследователями[12]. Практически во всех работах о новой экономической политике рассмотрены ее хронологические рамки. Западные советологи исследовали хронологические рамки и сущность НЭПа в постоянной полемике с советской историографией, тем самым постепенно усложняя анализы всех проблем социально-экономического развития 20-х годов. Большинство советских историков на протяжении десятилетий рассматривали НЭП как переходный период от капитализма к социализму, и тем самым они придерживались сталинской схемы.

Весьма интересным является мнение западных историков в вопросе датировки НЭПа. Важным представляется мнение американского историка Алана Болла,[13] который считал, что новая экономическая политика вводилась и сворачивалась постепенно, в связи с чем невозможно дать ее бесспорную датировку. Но все же среди западных исследователей наиболее правильной считается и единодушно поддерживается почти всеми западными историками датировка НЭПа с 1921г. по 1928 г. В западной

---

[11] Орлов И.Б. Современная отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспектива // Отечественная история, 1999, №1. С. 102-116.

[12] Соколофф Ж. Бедная держава. История России с 1815 года до наших дней. М., 2008; Верт Н. История Советского государства. М., 2006.

[13] Неоспоримым является факт, что как в западной, так и в советской и современной российской историографии начало НЭПа, как правило, связывается с решением X съезда РКП(б) и однозначно датируется мартом 1921 года, конец НЭПа западные историки относят то к 1928-му, то к 1929 году, и связывают это событие с поездкой Сталина в Сибирь и введением чрезвычайных мер по заготовке зерна (1928) или с началом наступления на кулака (1929).

историографии, в особенности в эмигрантской, встречается пессимистическая датировка «заката» НЭПа 1923-1924 гг., в которой, скорее всего, имеется в виду усиление в это время политического и идеологического контроля, цензуры, ликвидация последних элементов политической демократии[14].

Возвращаясь к вопросу хронологии НЭПа в западной историографии, нужно обратить внимание на выдвигаемые западными учеными вопросы, связанные с окончанием НЭПа. Прежде всего в западной историографии были поставлены следующие вопросы: 1) Был ли НЭП искусственно «свернут» Сталиным и почему? Существовали ли политические альтернативы сталинизму? Насколько НЭП был экономически эффективен, и возможно ли было его дальнейшее развитие? На эти вопросы западные историки отвечали по-разному. Однако большинство западных историков датируют конец НЭПа 1928-1929 годами. Встречаются и другие точки зрения. Так, Н. Ясный связывал конец НЭПа с XV съездом ВКП(б) и принятием решения о коллективизации сельского хозяйства, и датировал его декабрем 1927 года[15]. Другой исследователь А. Ноув указывает на кризис НЭПа, который, по его мнению, наступил еще раньше, к концу 1926 года в связи с завершением восстановления промышленности и необходимостью выработки новой экономической стратегии, а также враждебным отношением Сталина и его сторонников к НЭПу[16]. По поводу альтернативы сталинизму западные историки, как и многие советские историки в период «перестройки», считали, что до конца 20-х годов существовали альтернативы сталинизму. Исследователи практически единогласно исторически эти альтернативы связывают с НЭПом, но разногласия у

---

[14] См.: Сорокин П.А. Россия после НЭПа // Крестьянская Россия: Сб. ст. Вып. 1-3. Прага, 1923.

[15] Jasny N. Soviet Economists of the Twenties. Cambridge, 1972. P.7.

[16] Nove A. An Economic History of the USSR. P. 132.

них возникали в тот момент, когда вставал вопрос о персональном воплощении этих альтернатив. Так, например, профессор Коэн считал наиболее реальную из них в лице Бухарина. Отметим, что Коэн персонально изучил политическую биографию Бухарина, и вся книга о Бухарине – это прежде всего доказательство альтернативности бухаринизма. Коэн считал бухаринизм наиболее либеральным и гуманным вариантом русского коммунизма[17]. Другой ученый Ричард Дэй был убежденным защитником Троцкого. Канадский ученый Р. Дэй считал, что реализация программы Троцкого могла способствовать формированию принципиальной политической и экономической системы в СССР, нежели сталинская[18]. Английский историк Эдвард Карр очень осторожно оценивал возможность троцкистской альтернативы. Во всяком случае, Карр больше являлся сторонником экономической части программы Троцкого. Весьма своеобразную, но интересную точку зрения об альтернативном варианте выдвигал Р. Такер. Персонально Такер альтернативу связывал с Рыковым[19].

Применительно к Абхазии ключевым источником остаются работы, освещающие деятельность Нестора Лакоба – руководителя республики, чья позиция во многом определяла специфику реализации экономической политики.[20]

Дискуссия о хронологии НЭПа в Абхазии невозможна без учета уникального государственно-правового положения республики в 1920-е гг. Как подчеркивается в исторической литературе, в период с 31 марта 1921 г. по 16 декабря 1921 г. ССР Абхазия существовала как формально независимое государство, а затем, на основе союзного договора от 16 декабря

---

[17] Коэн С. Политическая биография Бухарина, 1888-1938. М., 1988. С. 23.

[18] Doy, Rihard B. Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation. Cambridge (Eng.), 1973.

[19] Такер Р. В центре внимания – советская история // Коммунист. 1990. №9. С. 81-82.

[20] Бгажба М. Нестор Лакоба. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1965.

1921 г., объединилась с ССР Грузии на договорных началах. Лишь в феврале 1931 г. статус Абхазии был понижен до автономной республики.[21]

Эта государственная специфика имела прямое отношение к экономической политике. Будучи формально независимой, а затем договорной республикой, Абхазия обладала определенной свободой в проведении хозяйственных мероприятий. Конституция ССР Абхазии 1925 г. в статье 5 прямо провозглашала: «ССР Абхазии есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти».[22] Хотя на практике суверенитет во многом был ограничен, правовые возможности для маневра у абхазского руководства сохранялись.

Данное обстоятельство позволяет поставить вопрос о том, что хронология НЭПа в Абхазии определялась не только директивами из центра, но и внутриполитическими факторами, включая позицию местного руководства и характер социально-экономических отношений в регионе.

Проблема верхней хронологической границы: наиболее дискуссионным в абхазском материале представляется вопрос о верхней границе НЭПа. В советской историографии утвердилась датировка завершения НЭПа 1929 г. – годом «великого перелома» и перехода к форсированной коллективизации. Однако применительно к Абхазии эта дата выглядит условной. Ключевую роль здесь сыграла позиция Нестора Лакоба, который, как отмечают исследователи, «всячески противился проведению коллективизации, заявив, что в Абхазии нет класса кулаков и здесь все сословия равны. Он не выполнял многие партийные

[21] См.: Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990; его же.: Ответ историкам из Тбилиси. Сухум, 2001. С. 86.

[22] См.: Конституция Социалистической Советской Республики Абхазии 1925 года.

директивы, за что в 1929 г. в известном письме Сталина подвергся резкой критике».

Более того, Лакоба сознательно затягивал переход к коллективизации, используя для этого как административные, так и политические методы. По свидетельству историков, «Сталин, несмотря на дружеские в тот период отношения с Лакоба, требовал от него в 1930–1931 гг. проведения коллективизации, невзирая на «особенности абхазского уклада жизни»».

Таким образом, 1929 г. не стал для Абхазии рубежом, после которого нэповские принципы были бы полностью демонтированы. Экономическая политика сохраняла черты НЭПа вплоть до 1931 г., когда под давлением центра и внутренней оппозиции Лакоба был вынужден согласиться на преобразование Абхазии в автономию, что открыло дорогу коллективизации.

Дурипшский сход 1931 г. как маркер окончания НЭПа

Особого внимания в контексте хронологии НЭПа заслуживают события февраля 1931 г., известные как «Дурипшский сход». Дурипшский сход – сход крестьян; проходил с 18 по 26 февраля 1931 г. в Гудаутском районе (18–22 февраля – в Дурипше, 23–25 февраля – в Ачандаре, 26 февраля – снова в Дурипше). Его причинами считаются: 1.Социально-экономические – отмена мероприятий советской власти на селе, колхозного строительства, ликвидации неграмотности, скотозаготовки, хлебозаготовки, контрактации сельхозкультур, 2. Политические – протест против включения Абхазии в качестве автономной республики в состав Грузинской ССР.[23]

Примечательно, что сам Лакоба с трибуны съезда Советов «заявлял, что вопрос этот решён, но одновременно призвал абхазское крестьянство выступить против такого решения, надеясь этой крайней мерой напугать Кремль и приостановить его

[23] Авидзба А.Ф «Гудаутские события» 1931 года (историографический и археографический аспекты). Сухум, 2026 г. С. 5.

реализацию». Эта двойственная позиция отражала исчерпание возможностей для сохранения нэповской модели.

Дурипшский сход стал последней массовой акцией протеста против сворачивания НЭПа и перехода к коллективизации. После февраля 1931 г., когда Абхазия была преобразована в автономную республику в составе Грузинской ССР, возможности для самостоятельной экономической политики были утрачены, и началось форсированное проведение коллективизации. Это позволяет рассматривать 1931 г. как реальную верхнюю хронологическую границу НЭПа в Абхазии.

Проблема нижней хронологической границы

Менее дискуссионным, но также требующим уточнения представляется вопрос о нижней границе НЭПа в Абхазии. Традиционно началом НЭПа считается март 1921 г., когда X съезд РКП(б) принял решение о замене продразверстки продналогом. Однако применительно к Абхазии эта дата совпала с установлением советской власти (4 марта 1921 г.) и началом государственного строительства.

В середине февраля 1921 г. был создан Ревком Абхазии, и советская власть в крае имела свои особенности и не сопровождалась массовым террором именно благодаря тому, что её утверждение «совпало с проведением в Советской России новой экономической политики». Таким образом, можно говорить о синхронности начала НЭПа в центре и в Абхазии, хотя содержание нэповских мероприятий в республике имело свою специфику.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно дискуссионных аспектов хронологии НЭПа в Абхазии.

Во-первых, традиционная периодизация НЭПа (1921–1929) требует корректировки применительно к абхазскому материалу. Верхняя граница НЭПа в Абхазии должна быть сдвинута к 1931 г., когда под давлением центра и ценой потери договорного статуса республики было сломлено сопротивление коллективизации и начался демонтаж нэповской модели.

Во-вторых, фактором, определявшим хронологическую специфику НЭПа в Абхазии, выступала позиция республиканского руководства во главе с Нестором Лакоба, которое сознательно затягивало переход к коллективизации, используя для этого как государственно-правовой статус республики, так и поддержку крестьянства.

В-третьих, ключевым маркером окончания НЭПа в Абхазии следует считать не общесоюзные даты (1929 г.), а события февраля 1931 г. – Дурипшский сход и последовавшее за ним преобразование Абхазии в автономию, открывшее дорогу массовой коллективизации.

Таким образом, изучение хронологии НЭПа в национальных регионах требует учета не только общесоюзных закономерностей, но и локальных факторов – государственного статуса, позиции местных элит, социальной структуры и характера взаимоотношений с центром. Абхазский материал демонстрирует, что НЭП как историческое явление имел не только различное содержание, но и различные хронологические рамки в разных частях Советского Союза.

Литература

1. Абшилава А.А. История промышленности Абхазской АССР (1921-1941 гг.). Тбилиси, 1969.

2. Авидзба А.Ф «Гудаутские события» 1931 года (историографический и археографический аспекты). Сухум, 2026.

3. Аминова Р.Х. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к НЭПу. Ташкент, 1963.

4. Бгажба М. Нестор Лакоба. Тбилиси,1965.

5. Верт Н. История Советского государства. М., 2006.

6. Выборов Н.М. Регулирование социально-экономических отношений в сибирской деревне в восстановительный период. Сборник статей. Новосибирск, 1965.

7. Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929 гг.). Алма-Ата, 1965.

8. Данилов В.А. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации. «Исторические записки». Т.55. М., 1956.

9. Коэн С. Политическая биография Бухарина, 1888-1938. М., 1988.

10. Колмыкова А.И. О некоторых вопросах расслоения деревни в годы восстановительного периода (1921-1925 гг.). Вестник МГУ. Серия IX, 1960, №3.

11. Куправа А.Э. Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода 1921-1924 гг. Сухуми, 1959.

12. Куправа А.Э Промышленность и транспорт Абхазии в первые годы Советской власти. Сухуми, 1968.

13. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.

14. Ломашвили П.Н. Великий переворот. Тбилиси, 1972.

15. Орлов И.Б. Современная отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспектива // Отечественная история, 1999, №1.

16. Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.

17. А.А Олонецкий Результаты осуществления советской властью закона о национализации земли в Абхазии. Сухуми, 1956.

18. Поляков С.П. Переход к НЭПу и советское крестьянство. Москва, 1967.

19. Прицкер Л.М. История освоения Ткварчельского каменноугольного месторождения (1881-1935 гг.). Сухуми, 1966.

20. Соколофф Ж. Бедная держава. История России с 1815 года до наших дней. М., 2008.

21. Сорокин П.А. Россия после НЭПа // Крестьянская Россия: Сб. ст. Вып. 1-3. Прага, 1923.

22. Такер Р. В центре внимания – советская история // Коммунист. 1990.

23. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. I. Москва, 1974.

24. Jasny N. Soviet Economists of the Twenties. Cambridge, 1972.

25. Nove A. An Economic History of the USSR.

26. Doy, Rihard B. Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation. Cambridge (Eng.), 1973.

АРГУН А.В.,
канд.ист.наук, директор ННИКЗ «Анакопия»

СТРОИТЕЛЬНАЯ КЕРАМИКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИИ ОБЪЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ АБХАЗИИ

Аннотация: *Памятники Абхазии содержат значительное количество остатков строительной керамики и, чаще всего, не имеют фиксированных дат построек, в раскопочном материале не всегда присутствуют хроно индикаторы. Поэтому разработка новой типологизации для строительной керамики с использованием анализа морфологических и технологических признаков выходит на первый план. Этой теме и посвящено наше исследование.*

Ключевые слова: *керамика, источник, археология*

Abstract: *The monuments of Abkhazia contain a significant number of remnants of building ceramics and, most often, do not have fixed dates of construction, chronological indicators are not always present in the excavation material. Therefore, the development of a new typologization for building ceramics using the analysis of morphological and technological features comes to the fore. This is the topic of our research.*

Keywords: *ceramics, source, archeology*

Состояние вопроса

Для разрешения обозначенной проблемы необходимо привлечение данных по строительной керамике из объектов, изученных более или менее тщательно, имеющих фиксированные

даты построек, либо перестроек. В этом направлении сделано немало для региона Северного Причерноморья и Крыма, были системно разработаны вопросы по античной строительной керамике[1]. На эти работы чаще всего ссылаются археологи из Абхазии.

Менее удовлетворительно разработаны аналогичные вопросы для Средневековья. В то же время ряд крупных исследователей на основании обобщения свода данных по строительной керамике из закрытых комплексов, сумели обосновать мнение о производстве основной части строительной керамики на месте, классифицировали типологические формы, а также установили хронологические рамки времени бытования тех или иных форм[2]. В это же время значительно продвинулись исследования строительной керамики Хазарии, продолжившие дискуссию об ее истоках[3]. Д.А. Моисеев, разработавший технологическую типологию для черепицы из Херсонеса, отмечает, что для сред-

---

[1] Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы. // Известия ГАИМК. 1934а. Выпуск 104. С. 211- 315.; Зеест И.Б. Керамическое производство и античные строительные материалы. // САИ-Г 1-20. М.: Наука, 1966. 157 с.

[2] Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979; Моисеев Д.А. Средневековая строительная керамика Херсонесского городища: технологическая типология // Причерноморье. История, политика, культура. Серия А. Античность и Средневековье. Севастополь, 2012. Вып. VIII (III). 179 с.; Романчук А.И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. 1976. Т. 37;

Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.

[3] Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. 1958. Моисеев Д.А. Технология изготовления строительной керамики Семираканского городища (конец VIII–начало IX вв.)// «Хазарский альманах». Т.13. М., 2015. № 62; Свистун Г.Е. Строительный материал и типология городищ Салтовской лесостепи // Проблеми на прабългарската история и култура. Т.4-1. – София, 2007; Афанасьев Г.Е. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона. // Поволжская археология. №2, 2012. ИА РАН. М., 2012. С. 29-49.

невекового Кавказа (в том числе Абхазии – А.А) характерна черепица с невыраженным изгибом внутреннего борта, что не типично для гончарных центров Северного Причерноморья[4]. Так ли это на самом деле еще предстоит выяснить. Исследователь различает два способа формования плоской черепицы: лицевой и тыльный. Он считает, что лицевой способ[5] продолжает в Средневековье традиции античности, а появление тыльного способа изготовления, как более технологичного связывает с ранневизантийским временем и определяет зависимость морфологических признаков от способа производства[6]. «Использование такого способа изготовления строительной керамики позволило получить достаточно легкую черепицу с прогрессивными морфологическими чертами. Появившись, скорее всего, в середине – третьей четверти VI в., как один из способов изготовления черепицы (к тому же в этот момент не преобладающий), «тыльный» способ уже к IX в. превалирует в процессе производства строительной керамики Юго-Западного Крыма». Исследователь реконструирует технологию формования черепицы с использованием матрицы-ящика с дном, в котором вырезаются все рельефные лицевые части будущей керамиды. Широкий временной диапазон, указанный им на время сосуществования лицевого и тыльного способов производства, скорее всего, нуждается в дальнейшей проработке.

---

[4] Моисеев Д.А. Строительная керамика Крыма и Кавказа средневизантийского времени: сравнительный анализ морфологии изделий// Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. ММНК. Москва, 21-25 апреля 2014, М-2014б. С.372-373.

[5] Лицевой способ предполагает изготовление черепицы на песчаной подсыпке в деревянной рамке, мастер керамист вытягивает внешнюю сторону вручную, используя специальные стеки. От этого лицевая поверхность сохраняет следы инструмента и пальцев мастера.

[6] Моисеев Д.А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. 2013. С.162-186.

Одна из задач нашего исследования заключается в определении времени перехода от лицевого к тыльному способу производства для черепицы из крупного политического центра Абхазии – Анакопии. Как мы полагаем, процесс технологического усовершенствования, скорость внедрения технических новаций станет показателем интенсивности связей Абхазии с внешним миром.

Следует отметить, что благодаря кропотливому труду плеяды профессиональных археологов, стационарно изучавших культурные слои и объекты Себастополиса, Питиунта, Гюеноса, а также памятники христианского зодчества широкого временного диапазона, накопились данные по морфологии различных видов строительной керамики. Были выявлены типы импортных и местных изделий для черепицы Себастополиса[7], Питиунта[8]. В.А. Леквинадзе один из первых приводит комплексный анализ по фортификации Апсара и Археополиса-Николакеви, выделяя римскую и византийскую строительную технику на данных объектах. При этом он относит к ранневизантийскому времени использование кирпича в кладке стен[9]. Бгажба О.Х., изучавший ремесло средневековой Абхазии, приводит типы средневековой черепицы Абхазии[10]. С.М. Сакания, специалист по христианским памятникам Абхазии, считает, что широкое приме-

---

[7] Трапш М.М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. // Труды АбИЯЛИ XXXIII-XXXIV, Сухуми 1963. С. 236-253; Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014. С. 505

[8] Апакидзе Г.А. Образцы строительной керамики Великого Питиунта // Великий Питиунт, Т.1. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

[9] Леквинадзе В.А. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости// ВВ 20. 1961. С. 235; Леквинадзе В.А. По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье // САНГ, 1965. Т. X, 1. С. 247 сл.; Леквинадзе В.А. Римский кирпич со штампом из Цихисдзири // САНГ, 1967, XV, 3, с. 75 сл.; Леквинадзе В.А. Понтийский лимес // ВДИ, 1969, №2.

[10] Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми: Алашара, 1977. С.36

нение плинфы в зодчестве Абхазии приходится на IV–IX вв[11]. А.И. Джопуа и В.А. Нюшков обобщили данные по выявленным на территории Абхазии керамическим комплексам, что позволило им сделать вывод о производстве строительной керамики с эпохи Античности[12]. Наиболее подробно форматы кирпичей из церковных построек Абхазии приводятся Д.Д. Елшиным. Он же в соавторстве приводит сравнительную таблицу по кирпичам Закавказья[13].

Обосновано стремление исследователей путем сопоставления форматов кирпичей выявить истоки техники их изготовления и историко-культурные связи региона. Однако, как было неоднократно отмечено, на изучаемых объектах встречаются разные форматы кирпичей и черепицы. Если в отношении черепицы была разработана типология в зависимости от их морфологии, прослежены основные тенденции в изменении форм во времени, то для кирпича такие выводы находятся только в начальной стадии. Исследователи форматов кирпичей позднеантичного и раннесредневекового времени часто обращаются к сведениям Витрувия, оставившего ценные данные по размерам кирпичей его времени[14]. Однако далее они сталкиваются с трудностью интерпретации имеющегося в наличии материала, так как есть расхождения в размерах изделий, относящихся к одному объекту и времени. При этом редко когда исследовате-

---

[11] Сакания С.М. Строительная керамика в Абхазии в IV–IX вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Ставрополь, 2008. С. 955

[12] Джопуа А.И., Нюшков В.А. Из истории гончарного производства древней и средневековой Абхазии // Абхазоведение. Вып. VII. Сухум: АбИГИ. 2012. С. 10-25.

[13] Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю., Ёлшин Д.Д. Кирпич в церковной архитектуре Закавказья IX–X вв. // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. ММНК, Москва, 21-25 апреля 2014, М-2014б. С. 319-322.

[14] Витрувий, Десять книг об архитектуре. М.: Архитектура-С, 2006. С. 144.

ли прибегают к сравнению состава глиняного теста, что могло бы прояснить вопросы о традициях гончаров и характере обжигальных печей, а также свидетельствовать о производстве разно форматного кирпича в одном гончарном центре.

Исследование

Следует отметить, что общепризнанным фактом является свойство глины к усадке, которая зависит от состава и плотности глиняного теста. Первичная усадка до 10 % может происходить при просушке изделия до обжига, но и в процессе обжига происходит дополнительная усадка на 1-2 %. К тому же деревянная рамка, используемая при формовке недолговечна, и от того, насколько точно копировались ее размеры, также зависели линейные размеры продукции. Исходя из данных соображений, мы группируем в один типоразмер кирпичи, отличающиеся по длине назначения до 3 см. Становится очевидным, что наиболее важным параметром, которому гончары должны были придерживаться для получения стандартной продукции, является состав и плотность глиняного теста. Особенно необходимо было придерживаться стандартам при изготовлении кровельной черепицы. Похоже, что для изготовления кирпичей использовалось менее качественное сырье, что более четко прослеживается на объектах Средневековья.

Нам удалось проследить тенденцию, характерную для всего позднеантичного мира. Изначально кирпичи применялись в гражданских постройках, например, в римских банях, что связано с их хорошими теплопроводными качествами. Кирпич зарекомендовал себя как лучший материал для устройства арок и сводов. Затем он начинает использоваться в кладке стен, выстроенных из римского бетона, в котором соотношение известкового раствора зачастую превышало объем твердого наполнителя. В данном случае кирпичи выполняли роль деревянных

лежней в кладке, т.е. способствовали её равномерной усадке. Кроме того, кирпич способствовал ускоренному ее застыванию. По истечении времени керамическую муку начинают применять в качестве добавки в известковые растворы, для получения гидрофобного покрытия.

Нижней хронологической вехой для использования обожженного кирпича в постройках на территории Абхазии следует принять II в. н.э. – время, когда на Абхазском побережье появляются римские легионеры и их вспомогательные части[15]. Римские термы выявлены раскопками на территории Питиунта, должны они были быть и в Себастополисе. Справедливо отмечает А.Н. Габелия, что толстые кирпичи большого формата с тщательно заглаженной лицевой поверхностью и обработанными верхними кромками могли применяться в укладке полов.[16] Кирпичи круглого формата из римских терм, найденные в Питиунте, аналогичны Себастопольским. Археологами зафиксировано, что данные кирпичи в Питиунте использовались для выстраивания калориферных колонок пола римских терм.[17] Надо полагать, что применение кирпича в кладке стен фортификационных объектов Питиунта и Себастополиса следует отнести к следующему этапу функционирования позднеантичных укреплений, а именно рубежу III–IV в. н. э. – времени, когда кризис в Римской империи был преодолен благодаря энергичному полководцу и императору Диоклетиану. Археологи обнаружили внутри римской крепости Питиунта печь, использовавшуюся для обжига строительной керамики. Ее датируют рубежом III–IV вв. Также было установлено, что в это время в римской крепости Себастополиса осуществлялась масштабная строительная деятельность. По

---

[15] Кигурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А., Тодуа Т.Т. Клейма XV легиона из Пицундского городища / Вестник древней истории, 1987, № 2.

[16] Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014. С. 409.

[17] Апакидзе Г.А. Образцы строительной керамики Великого Питиунта // Великий Питиунт. Т.1. Тбилиси: Мецниереба, 1975. С.247

мнению археологов, появляются дополнительные фортификационные объекты и гончарная печь, раскопанная М.М. Трапш, обеспечивавшая строителей кирпичами и кровельной черепицей.[18] Морфология кирпичей, образующих здесь горизонтальную прослойку в три ряда, показывает, что керамический материал применен вторично, так как брусковидные кирпичи с заглаженными боками и лицевой стороной использовались в качестве полового покрытия в ранних постройках Себастополиса, что зафиксировано разными археологами, изучавшими его культурные слои. На самом деле заглаженные кирпичи хуже скрепляются с раствором, кроме того, для их производства необходимы дополнительные трудозатраты. Такой же тип кирпичей (керамические плитки) был использован в гражданских и культовых постройках римской крепости Питиунта. Керамические плитки из Себастополиса и Питиунта имеют приблизительно схожие размеры; в длину они более 40 см, в ширину более 24, в толщину – 4,5-6 см, («лидион»). Налицо сходство теста и условий обжига, что может говорить о работе одной артели мастеров-керамистов. Такие же по размеру плитки встречаются в культурных слоях Гюеноса.

Как известно, вспомогательные римские отряды укомплектовывались инженерными частями, обеспечивавшими строительство необходимых для гарнизонов объектов. Типы и виды построек для римских гарнизонов были стандартизированы и могли незначительно отличаться, в связи с традициями, присущими тому или иному легиону. Исходя из территориальной близости римских крепостей на территории Абхазии, можно предполагать, что в них располагались части одного легиона, подчинявшегося командующему провинции Каппадокия, легатом которой в 30-х гг. II в. был Флавий Арриан, оставивший ценные

[18] Трапш М.М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. // Труды АбИЯЛИ XXXIII-XXXIV, Сухуми, 1963.С. 236-253.

сведения по римским гарнизонам на территории Абхазии. В его время на территории Абхазии существовали две крепости: Себастополис и Питиунт. Благодаря последним изысканиям автора[19] было установлено, что Арриан упоминает в Перипле устья рек Окум и Моква, впадавшей в море в районе Очамчирской бухты, а в Западной Абхазии – р. Абаск (Махадыр-Хашупсу). В последующее время в устьях данных рек появляются римские укрепления: выявлены Зиганей и Махадыр (А.А.). Понимая разведывательный характер экспедиции Арриана и возможности долгосрочного стратегического планирования, следует искать на месте античного Гюеноса римское укрепление, за стенами которого мог появиться христианский храм V в., выстроенный из кирпича.

Археологами было установлено, что появление кирпичных рядов в кладке стен раскопанных башен крепости Питиунта относится к III–IV вв. (башня IV имеет в кладке прослойку в 4 ряда квадратного кирпича).[20] К продукции гончарной печи в Питиунте III–IV вв. можно отнести подквадратный кирпич размерами 34-36х28,5-29х3,5, выявленный нами в угловой веерной башне V Питиунта. Данный формат встречается в кладке стены нартекса церкви №2, а также в кладке церкви №7 Питиунтского городища во вторичном использовании[21]. Его можно встретить в постройке Пицундского собора и культурных слоях вокруг него. При этом следует учитывать, что вторичное использова-

---

[19] Аргун А.В. Проблемы локализации пунктов из античных «Периплов» в Северо-Восточном Причерноморье// Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции. Т. 1/ Отв. ред. А.Д. Васильев; Сост.: Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, В.В. Прудников. / М., 2020, 252 с. С. 16-23.

[20] Гамбашидзе О.С. Результаты археологических раскопок на VI участке города-крепости Бичвинта // Великий Питиунт. Т.2. Тбилиси: Мецниереба, 1975. С.143

[21] Здесь и далее нумерация церквей приводится по (*Хрушкова*, 2002)

ние данного кирпича стало возможным после разрушения крепости, которое относится исследователями к 540-м гг.

Схожий формат кирпича использовался при возведении стены №2 и №3 в Себастополисе. Сравнение морфологических и технологических признаков кирпичей из изученных крепостей Себастополиса и Питиунта с кирпичами из объектов раннесредневекового времени убедительно свидетельствует о существенных различиях, определенных и зафиксированных нами. Сформировалось убеждение, что сходство в указанных признаках кирпичей может свидетельствовать об одновременности объектов, пока еще не изученных в достаточной степени. Речь идет об объектах Понтийского Лимеса, расположенных в Северо-Восточном Причерноморье, локализация которых неокончательна.

К примеру, кирпич, примененный в арочном проеме на сохранившемся участке крепости у р. Мамайки, исследованный нами в 2019 г., схож с кирпичом из Питиунта и Себастополиса, что свидетельствует в пользу версии о позднеримском времени сооружения данного объекта. Морфологические и технологические характеристики кирпичей из стены крепости Махадыр (пос. Цандрипш) оказались также сходными с кирпичами из Себастополиса, Питиунта и Мамайки. Они ярко кирпичного цвета, звонкого обжига из мелкоотмученной глины с незначительной примесью мелкого морского песка. Обнаруживается сходство в способе их производства. На тыльной стороне сохранились следы мелкого песка, на другой – следы выравнивания при помощи мелкой зубчатой гребенки, либо широкого правила. После формования кирпичей в неразборной деревянной форме без дна на песчаной подсыпке их переносили и складировали для просушки. Подъемный материал из крепости Махадыр содержал фрагменты черепицы, изготовленной античным лицевым способом, имевшие коленчатый изгиб в сужающейся части, причем изгиб выражен снаружи и изнутри. Схожие фрагменты обнаружились у Цандрипшской базилики, в куче строительного мусора, оставленной реставраторами в прошлом веке.

Керамиды

Наиболее примечательной находкой в крепости Махадыр является большой фрагмент подпрямоугольной черепицы темно-красного обжига, изготовленного лицевым способом, со следами продольных желобов на лицевой части и песка на тыльной. В начале широкой части лицевой стороны острым предметом до обжига процарапан знак, похожий на числовое значение 40 финикийского письма (samekh).

Учитывая, что Восточное и Северное Причерноморье в Римско-Византийский период времени были тесно связаны с крупными центрами империи и зачастую их связи формировались по схожим схемам, нами привлекаются достижения исследователей по строительной керамике Северного Причерноморья. При этом бросаются в глаза региональные отличия, намекающие на формирование различных связей с определенными центрами еще в античное время. На основании привлеченных технологий на местах формировались свои школы керамистов, причем этот процесс происходил синхронно и наиболее выражен в Восточном Причерноморье с появлением римских укреплений, просуществовавших на Северо-Восточном Причерноморье с небольшими перерывами до VI в. включительно.

Следует отметить, что среди опубликованных образцов черепицы античного времени, происходящих из памятников Абхазии, не встречаются местные экземпляры с подрезками тыльной стороны, в то время как в Северном Причерноморье такие образцы являются доминирующими и позже. Подобный консерватизм в технологическом процессе исследователями не объясняется. Лишь в первых веках н.э. в Херсонесе была зафиксирована черепица без нижних подрезок, которая крепилась при помощи коленчатого изгиба и удерживалась на кровле за счет захвата бортами друг друга. На античных памятниках Абхазии данный тип соединения черепицы всегда был основным, если

не единственным. При этом явно конкурируют виды черепиц с выраженным коленчатым изгибом и с вырезом в наружной стороне борта. Как показало время, второй вид вытесняет первый и становится преобладающим в мастерских Абхазии уже в ранневизантийский период. На первоначальном этапе прямоугольная керамида для лучшего сочленения на кровле помимо выреза на внешней стороне борта получает более широкие борта в верхней части, после формовки иногда их слегка выгибают.

Цитадель Анакопийской крепости, согласно авторской хронологии, возникла еще в конце II в. н.э. Внутри должны были находиться постройки, крытые черепицей. Ныне существующие объекты относятся к более позднему времени: VI–XI вв. Однако в кладке стен храма, выстроенного в конце VI в. встречаются фрагменты кирпичей и черепицы из предшествовавших объектов. К примеру, конха храма выложена из крупных фрагментов черепицы, изготовленной лицевым способом (Таб.1: *1*). Схожие черепицы были выявлены в базилике Себастополиса V в. н.э[22] (Таб.1: *2*.).

В кладке стен западной башни Анакопии, а также в отвалах у цитадели были выявлены фрагменты черепицы, изготовленной лицевым способом, на лицевой стороне которых нанесены гребенкой продольные расчесы. Схожий фрагмент был выявлен в кладке нартекса главного храма в Аилаг Абыку в с. Бамборе. Образец выполнен в той же технике, что и Анакопийские образцы с расчесом, сходство проявляется в цвете, твердости. Различия: образец из Бамборы имеет подрезки углов по длине с тыльной стороны.

Близки к ним фрагменты черепицы, выложенные на полу храма из комплекса храм-крепость Монастырь в бассейне р. Мзымты (Таб. 1: *3, 5, 6*). И здесь следует полагать, что черепица использована вторично. Данный тип черепицы не известен из

[22] Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII веков). М.: Наука, 2002. С. 155-156.

публикаций по строительной керамике Абхазии и сопредельных регионов. Скорее всего, этот тип бытовал ранее черепицы с желобчатой поверхностью.

Переходными формами от черепицы желобчатой, изготовленной лицевым способом к черепице тыльного способа, можно считать образцы, близкие по морфологическим признакам к первому: в них также отсутствует поперечный бортик. Эти образцы встречаются с черепицей, снабженной поперечным бортиком, в одних культурных слоях у второй линии обороны Анакопийской крепости, возведенной, согласно авторской хронологии в конце VI в., по заказу Византийских императоров. Из чего следует, что большого временного разрыва между ними не было (Таб.1: *4*).

Следует указать на отсутствие черепицы, изготовленной лицевым способом, на других хорошо изученных объектах Раннего Средневековья Абхазии, хронологически относящихся ко времени после рубежа VI–VII вв.

Выводы

Постройки римского времени выделяются применением римских стандартов для кирпичей. Чаще других в Абхазии встречаются лидион (40х28х4), педалис (29,5х29,5х5), бипедалис (59х59х6), сесквипедалис (44,3х44,3х5), пентодорон (36,9х36,9х4), а также их половинки.[23]

Выявлено, что для начального этапа Раннего Средневековья были выработаны новые форматы кирпичей, из которых наиболее распространенными становится прямоугольный формат со сторонами близкими к 30-35х19-21х3-4 (в базилике Алахадзы, во второй линии обороны Анакопии); и 32-35х22-25х3-4 (в

[23] Приведены из: Афанасьев Г.Е. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. №2, 2012. С. 29-49. С.32.

храмах Гюеноса, Дранды, №7 Пицунды, №3 Цабала). Данные типы с небольшими расхождениями встречаются в крестовокупольных храмах Анакопии (Симона Кананита), Лыхны, Бзыби, Веселое. Указанные группы отсутствуют в объектах предшествующего времени: кк. Питиунта, Себастополиса, Герзеула[24]. При этом кирпичи III – V вв. массово используются в постройках более позднего времени. Как пример показательна базилика Цандрипша, для которой кирпичи специально не готовились. В постройке Драндского собора массово применялись кирпичи из разрушенного к тому времени Гюеноса, а храм №7 Питиунта почти полностью построен из кирпича римской крепости. В постройках кк. Герзеула превалируют форматы кирпичей античного периода, что пока не поддается объяснению. Базилика Алахадзы отличается в этом кругу памятников однообразием используемого формата кирпичей, что можно отметить и для кк. в Цабале. В частности, формат квадратного кирпича из башни №3 соответствует размеру византийского фута и подтверждает строительство крепости византийскими строителями. Данный формат встречается в Гюеносе и Драндском соборе. Анализ образцов из Пицундского собора, Амбары, Дранды, церкви и дворца в Лыхны показывает их технологическое сходство. Их объединяет неплотность и наличие внутренних пустот, а также неравномерная температура обжига и связанные с этим деформации. Образцы близки по морфологическим признакам: формат 21-23х21-23х4-6 (или его половинки) соответствует византийской «пяди». Схожий формат применялся при строительстве византийцами в 834 г. крепости для хазар – Саркела. По-видимому, данный формат был распространен в Средне-Византийский период и оказался на территории Абхазии привнесенным в X в. В церковных постройках предыдущего периода (абхазской школы церковного зодчества) данный формат кирпичей не ис-

[24] Остается необъяснимым противоречие наших выводов с хронологией Герзеульской крепости (VIII–IX вв.). (*Воронов*, 2009. С. 458).

пользовался. Для этого времени характерно применение лекального кирпича, который украшал карнизы Анакопийского храма Симона Кананита, храмов в Лыхны и в Веселом. Выявленный автором данной статьи фрагмент трапециевидного кирпича в слое разрушения западной башни цитадели мог принадлежать рядом расположенной церкви. Аналогичный ему фрагмент кирпича был найден возле храма Аилага Абыку). Для остроугольного кирпича Анакопийского храма было определено, что он вырезался из крупных фрагментов кирпича обычного формата, затем изделие шлифовалось вручную, поэтому налицо расхождения в размерах. Исходя из данных археологов, можно предположить, что карниз храма в Веселом изготавливался аналогичным способом.[25] При этом трапециевидный формат лекального кирпича из Анакопийского храма Симона Кананита и с. Веселое практически одинаков, в отличие от треугольного кирпича храма Лыхны.

Итак, плинфа в качестве строительного материала использовалась на территории исторической Абхазии в основном в течение II–X вв., первоначально – в римских банях и гражданских постройках. С рубежа III–IV вв. кирпич применяется в кладке оборонительных стен в качестве прослоек, состоявших из нескольких рядов. Широко используется в строительстве церквей V–VI вв. (кирпичные церкви Гюеноса, Дранды). Использование его в данном контексте ограничено византийской строительной деятельностью до конца IV в. (верхний рубеж). В дальнейшем кирпичи используются в арках, сводах и куполах, для получения декоративного эффекта фасадов зданий, для украшения карнизов, завершающим этапом которого можно признать Пицундский и Моквский соборы X в. Вместе с тем следует отметить, что на территории исторической Абхазии в Раннем Средневековье реа-

[25] Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов Вл. В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА, 2012, № 3. С. 86.

лизовывалась строительная техника без использования кирпича: Цандрипшская базилика, храм в Аба-анте, храмы в Анакопии, комплекс в Бамборе, храм Мсыгхва, храм Акуача и др., однако данная тема выходит за рамки текущего исследования.

Литература

1. Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. Абхазский институт языка, литературы и истории. Сухуми: Абгиз, 1958.

2. Аргун А.В. Проблемы локализации пунктов из античных «Периплов» в Северо- Восточном Причерноморье// Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции. Т.1/ Отв. ред. А.Д. Васильев; Сост.: Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, В.В. Прудников. / М., 2020, 252 с.

3. Аргун А.В. Типы черепиц из объектов раннесредневековой Абхазии, проблема хронологии/Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VI Международной научной конференции (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.) / Отв. ред. В.В. Лебединский; ред.-сост. Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина. М.: ИВ РАН, 2022. 530 с.

4. Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов Вл. В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА, 2012, № 3.

5. Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. 1958, № 62.

6. Афанасьев Г.Е. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона. // Поволжская археология. №2, 2012. ИА РАН. М., 2012.

7. Апакидзе Г.А. Образцы строительной керамики Великого Питиунта // Великий Питиунт. Т.1. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

8. Андриа Апакидзе. Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде// ВП. Т.3. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

9. Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми: Алашара, 1977.

10. Бгажба О.Х., Лакоба С.З.. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Гудаута, 1993.

11. Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю., Ёлшин Д.Д. Кирпич в церковной архитектуре Закавказья IX–X вв. // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. ММНК, Москва, 21-25 апреля 2014, М-2014б.

12. Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М.: Индрик, 2015.

13. Витрувий. Десять книг об архитектуре. М.: Архитектура-С, 2006.

14. Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: Искусство, 1978.

15. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодарское книжное изд.-во, 1979.

16. Воронов Ю.Н. Диоскуриада. Себастополис – Цхум. М.: Наука, 1980.

17. Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии V–VI вв. // Проблемы истории, филологии, культуры №12. 2002. МГТУ им. Г.И.Носова. Магнитогорск, 2002.

18. Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже Средневековья. Научные труды. Т.1. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, 2006.

19. Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. / Научные труды. Т.2. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, 2009.

20. Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014.

21. Гамбашидзе О.С. Результаты археологических раскопок на VI участке города-крепости Бичвинта // Великий Питиунт. Т.2. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

22. Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы. // Известия ГАИМК. 1934а. Выпуск104.

23. Джопуа А.И., Нюшков В.А. Из истории гончарного производства древней и средневековой Абхазии // Абхазоведение. Вып. VII. Сухум: АбИГИ. 2012.

24. Зеест И.Б. Керамическое производство и античные строительные материалы. // САИ-Г 1-20 М.: Наука, 1966.

25. Кигурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А., Тодуа Т.Т. Клейма XV легиона из Пицундского городища / Вестник древней истории, 1987, № 2.

26. Леквинадзе В.А. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости// ВВ 20. 1961.

27. Леквинадзе В.А. По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье // САНГ. 1965. Т. X, 1. С. 247 сл.;

28. Леквинадзе В.А. Римский кирпич со штампом из Цихисдзири // САНГ, 1967, XV, 3, с. 75 сл.;

29. Леквинадзе В.А. Понтийский лимес // ВДИ, 1969, № 2,

30. Моисеев Д.А. Средневековая строительная керамика Херсонесского городища: технологическая типология // Причерноморье. История, политика, культура. Серия А. Античность и Средневековье. Севастополь, 2012. Вып. VIII (III).

31. Моисеев Д.А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. 2013.

32. Моисеев Д.А. Строительная керамика Крыма и Кавказа средневизантийского времени: сравнительный анализ морфологии изделий// Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. ММНК. Москва, 21-25 апреля 2014, М-2014б.

33. Моисеев Д.А. Технология изготовления строительной керамики Семираканского городища (конецVIII–начало IX вв.)//Хазарский альманах. Т.13. М., 2015.

34. Путуридзе Р.В. Итоги археологического изучения центральной части Бичвинтской цитадели // Великий Питиунт. Т.2. Тбилиси: Мецниереба. 1972.

35. Романчук А.И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. 1976. Т. 37.;

36. Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.

37. Рчеулишвили Л.Д. Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии / АН ГССР, Ин-т истории груз. искусства им. Г. Н. Чубинашвили. Тбилиси: Мецниереба, 1988.

38. Сакания С.М. Строительная керамика в Абхазии в IV–IX вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Ставрополь, 2008.

39. Свистун Г.Е. Строительный материал и типология городищ Салтовской лесостепи // Проблеми на прабългарската история и култура. Том 4-1. София, 2007.

40. Трапш М.М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. // Труды АбИЯЛИ XXXIII-XXXIV, Сухуми 1963.

41. Трапш ММ. Труды. Т.2. / АбИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Сухуми: Алашара. 1969. 375 с.

42. Требелева Г.В., Кизилов А.С., Глазов К.А., Хондзия З.Г., Юрков Г.Ю. Оборонительные сооружения Маркульского городища // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 30 мая – 1 июня 2018 г.). Краснодар: ИП Шлепнев М.В., 2018. 358 с.

43. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002.

44. Хрушкова Л.Г. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М.: Наука, 1998.

45. Хрушкова Л.Г. Раннехристианская двойная церковь в Пицунде в Абхазии / МГУ им. Ломоносова, Москва-Сухум, Абгосиздат 2020.

46. Шамба С.М. Гюенос 1. Тбилиси: Мецниереба. 1988.

47. Шервашидзе Л.А. Археологические раскопки в крепости Аба-Анте // ПАИ в 1976 г. Тбилиси. 1979.

48. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

1.Конха Анакопийского храма. Конец VI в. н.э. 2.Базилика Себастополиса. V в. н.э.	?; ?; 23; 1,5; 4,5; 44; 33; 30; 2,5; 4	Изготовлена лицевым способом, желобчатая поверхность, имеет слабовыраженное сужение, с внешней стороны борта прямоугольный вырез глубиной 0,3-0,5 мм.	
3.Отвал у Анакопийской цитадели.		Изготовлена лицевым способом. Имеет гребенчатый расчес на лицевой стороне.	

4. У второй линии обороны Анакопии. Конец VI в. н.э.		Изготовлены тыльным способом, с поперечным валиком и без него. Вырез в узкой части борта снаружи подпрямоугольный.	
5. Храмовый комплекс Аилага абыку, с. Бамбора. X в.	? ? ? 3 6,5	Внешняя сторона покрыта гребенчатым расчесом, изготовлена лицевым способом.	
6. Храм-крепость Монастырь. (бассейн р. Мзымты) IX-X вв.	?: 30 ? 2,3 5	Изготовлена лицевым способом, на всем поле продольные гребенчатые расчесы. Без поперечного валика.	

Таб.1. Типы раннесредневековой черепицы из объектов исторической Абхазии.

САНГУЛИЯ Г.А.,
ст.преп. кафедры истории, археологии
и этнологии Абхазии

РАЗВИТИЕ И ТИПОЛОГИЯ ГОРНЫХ ОБЩЕСТВ АБХАЗИИ

Аннотация: *В данной статье рассматриваются вопросы этнокультурного генезиса, социально-экономического развития и типологии высокогорных обществ древней Абхазии. На основе анализа исторических источников (Гекатей Милетский, Страбон, Плиний Секунд и др.) и результатов полевых археологических исследований автора (районы Шубара, Псху, Чегем и др.), опровергается тезис об исторической «отсталости» горного населения по сравнению с прибрежным.*

Ключевые слова: *Нагорная Абхазия, античная география, археология Кавказа, горские общества.*

Abstract: *This article examines the issues of ethnocultural genesis, socio-economic development, and the typology of high-mountain societies in ancient Abkhazia. Based on an analysis of historical sources (Hecataeus of Miletus, Strabo, Pliny the Elder, etc.) and the results of the author's field archaeological research (in the districts of Shubara, Pskhu, Chegem, and others), the paper refutes the thesis of the historical "backwardness" of the mountain population in comparison to coastal inhabitants.*

Keywords: *Highland Abkhazia, ancient geography, Caucasian archaeology, mountain societies.*

Население нагорной Абхазии, древнейшие общины данного региона, прошли все этапы общественного развития, достигнув городской цивилизации эпохи поздней древности и адаптировав его элементы в систему жизнеобеспечения и этносоциальный организм самим оригинальным образом, порой не отличимой

от богатейшего историко-культурного наследия. Проблематика истории данной части Абхазии, активно разработанная в абхазоведении (З.В.Анчабадзе, М.М.Трапш, Г.К. Шамба, М.М. Гунба, Ю.Н.Воронов и др.) включает ряд научных работ и положений историка Г.А. Амичба, которые сохраняют свою научную ценность и остаются хорошим подспорьем для дальнейших исследований.

Сложная проблематика, которой мы также посвятили ряд своих работ на основе непосредственно полученных данных полевых исследований по нагорной Абхазии (Хашпса, Хишха, Куджба-иашта, Шубара, Цумыр, долина Хупын ипшахуа, Чегем) и анализу исторических источников, привела нас к выводу о сложении и развитии самобытной культуры и общества, безраздельно занимавшего всю нагорную часть древней Абхазии до Скимнии (Лечхум) и Лыхта. Здесь (ср. Ле-чхуми, Ле-дзела// Дзалиси) шло соприкосновение со сванами и картами, с которыми осуществлялись древнейшие контакты, получившие отражение в источниках. Соответственно, локализация вместо древних горских абхазов других представителей – вайнахских, сванских, картских племен, на исконной их территории, не могла иметь место.

Стоянки и позже стационарные каменные строения под названием абака (в данном случае в значении «укрытие, рефигиум»), куда иногда входили и отдельные пещеры и навесы, отмечают древний путь и остановки в пути по прямому перпендикуляру от древней береговой причерноморской дороги к горам Абхазии. Как явствует из источников, ближайшие соседи гениохов – кораксы и колы, указанные уже в VI в. до н.э. Гекатеем Милетским (fr. 209, 210), непосредственно продолжали этническую непрерывность и часто упоминались сразу за Диоскурией и гениохами, в земле которых находился этот древний город. Их названия иногда взаимно заменяли друг друга, например, Гениохийские горы, «которые другие называют корак-

сийскими» упоминает Плиний, согласно которому, Кавказский хребет в понтийской области Колика поворачивает к Рипейским горам (Plin.,VI,15). Дополняют эти сведения данные Аристотеля, по которому Кавказ «самый большой горный хребет» и виден в «(стране кораксов) у так называемых Глубин Понта (в этом месте море неизмеримой глубины; во всяком случае, еще никогда, измеряя глубину, не могли достичь дна)» (Metheor., 12-15). В этом районе устья р. Кодор (р.Коракс) одноименные кораксы имели и свое поселение, и местную гавань под названием Еврип, что означает «Вход судов». Одна из них – в списке памятников Абхазии на Скурче, являющейся одноименным местным поселением с греческим импортом и получившая известность в археологии со времен исследований М.М. Трапш. А Диоскурия, также исследованная этим ученым, находится, на территории современного Акуа-Сухум, что не следует путать. Стало быть, данное поселение носит имя кораксов и известно как Скурча, Кораче, Куараса. У кораксов были здесь, как сказано выше, не только своя гавань и одноименное поселение, но и береговая крепость под названием «Картерон тейхос» («Сильняя крепость» по Клавдию Птолемею). Позже уже в раннесредневековое время в VI–VII вв. н.э., судя по первоисточнику, была воздвигнута крепость Scotori (Кодорская крепость), которая, согласно Анастасию Библиотекарю, находилась в стране апсилов, что соответствует действительности.

Древний путь к Диоскурии со стороны гор прикрывала Кораксийская крепость, отмеченная уже Гекатеем, а на связь с Диоскурией и гениохами указывает упоминание «и кораксов с колхским городом Диоскуриадой» (Plin.,), что очень тесно сближает горских и прибрежных абхазов в городских и торговых центрах Абхазии, их доминирование не подлежит сомнению. В связи с этим ряд источников и говорит о большом количестве языков (диалектов) местных обществ, согласно Страбону и Тимосфену.

Особое значение при соответствии материальной культуры прибрежной и нагорной Абхазии представляет собой образ жизни горского населения, поскольку иногда в специальной литературе им приписывается чрезмерное сохранение архаических остаточных явлений, исходя из которых встречаются попытки квалификации их статуса как «малоразвитого» (термин Г.А. Меликишвили) общества. Однако последние открытия и проведенные работы показывают, что в древности, в эпоху камня и особенно бронзы, у горского населения встречаются такие же находки, как в береговых поселениях и могильниках. В частности, редкие находки из Гагры имеют место уже в р-не Шубара, причем в составе бронзы по лигатуре, есть соответствия по материалам биметаллических кинжалов из р-на Сухума и Шубары. Интересно, что каменные гробницы раннехристианского времени Цандрипша и Пицунды имеют аналогии в Чегеме (с.Джгярда), где сопровождаются крестовидной фибулой, что верно датирует данные памятники временем V–VI вв.н.э. Здесь же находится нагорная Пскальская крепость с христианским храмом VI в. н.э., как и Хашупсинская крепость с храмом этого же времени, со сходными находками в керамике и стекле. На перекрестке этих путей по нагорной части от Анакопии через Шубару и Коман на р. Цумур (абх. Цэмыр) стоит древняя Команская крепость VI–X вв. н.э. с остатками храма с полукруглой апсидой и криптой (катакомбой), что продолжает серию одновременных объектов береговой полосы, синхронных памятников, ставящих в один ряд оба региона Абхазии.

Нужно сказать, что встречаются попытки использовать и традицию животноводческой деятельности горских жителей для верификации их некоторой отсталости от берегового населения. Однако и здесь необходимо учитывать наличие хороших условий и подходящую кормовую базу в горских пастбищах, особенно в летний жгучий период, когда на низине выжигается трава, а иногда появляются невыносимые условия. Поэтому специа-

лизированные животноводческие группы под названием «агуп» (группа), не только горской, но и средней и прибрежной полосы, осуществляли отгонную, скотоводческую деятельность. В ней участвовали и охотники, снабжавшие временные пастушеские группы дичью. В связи с этим становится понятным сообщение о том, что гениохи занимались животноводством и питались звериным мясом (Strab., Geogr.,), что носит сезонный характер, а потому не является постоянной чертой их образа жизни и не может быть определителем их формационной принадлежности.

Исследование всех доступных источников приводит нас к пересмотру утверждений значительного отставания горских абхазских обществ от прибрежных и позволяет констатировать, что ввиду наличия абсолютно достоверных параллелизмов между ними во всех областях хозяйственно-культурного и экономического комплекса, можно отметить их близкое сходство и единство. О последнем говорит и наличие единого общества береговых и горных кораксов, апсилов, саныгов (ср. и позже береговые, и горные чанды), не исключая и абасгов, которые жили и в нагорной части Абасгии, где встречаются их памятники наследия. Можно также полагать, что из-за сурового образа жизни, меньшего рабочего времени в году (короткое лето) ввиду холодного и заснеженного климата зимой, у горских жителей возрастает бережливое отношение к своему наследию и трансформационные модели развития в горной Абхазии предполагают большое использование опыта и традиций, что является чертой всех древних обществ.

САНГУЛИЯ Г.А.,
ст. преп. кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии
ДЖОПУА И.А.,
канд. ист. наук, ст. преп. истории,
археологии и этнологии Абхазии
КАЙТАН Ш.Г.,
канд. ист. наук, ст. преп. истории,
археологии и этнологии Абхазии

ИССЛЕДОВАНИЯ НАГОРНОГО ХРАМА В С. ГУМА

Аннотация: *Данная статья рассказывает изучении известного культового памятника на одном из холмов Гума и интерпретации материалов полученных по результатам разведок, проведенных весной 2025 г.*

Ключевые слова: *Центральная Абхазия, храм, Гума, наконечники, кинжал-акинак, кресты.*

Abstract: *This article addresses the study of a well-known cult monument on one of the hills of Guma and the interpretation of materials obtained from the reconnaissance conducted in the spring of 2025.*

Keywords: *Central Abkhazia, temple, Guma, tips, dagger-akinak, crosses.*

Повреждения, нанесенные несанкционированными раскопками древнему храму в селе Гума, вызвали незамедлительную реакцию властей Республики Абхазия. Государственным Управлением охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия была проведена фиксация объекта и внесена в Государственный реестр памятников, предварительно обсудив на Научно-методическом совете при госоргане. Археологическая

экспедиция в составе Сангулия Г.А., Джопуа И.А., Кайтан Ш.Г. произвела сбор подъемного материала и обследовала данный памятник. В соответствии с утвержденной в стране топонимикой памятник был внесен в реестр под названием «Средневековый храм Гума, абх. Гума-аныхабаа».

Храм Гума, возвышающийся на вершине холма, представляет собой печальное зрелище руин лишь с остатками стен. Максимальная высота сохранившейся стены достигает всего 3 м., но даже в таком состоянии можно представить первоначальный облик сооружения. В плане храм – каменное здание с полуциркульной апсидой, искусно вписанной в прямоугольник, сложенный из грубых, необработанных крупных блоков. Стены возведены по древнему принципу двусторонней облицовки с забутовкой – внутреннее пространство заполнено крепким раствором, надёжно скрепляющим камни. К сожалению, варварские несанкционированные раскопки обнажили переднюю фасадную часть храма, открыв взору широкий входной проем и плиту у входа в зал. Зал же представляет собой просторное прямоугольное помещение с полуциркульной апсидой, украшенной небольшими заплечиками изнутри, и ритуальными полочковидными нишами, расположенными по обеим сторонам. Внутри сохранились прямоугольная плита и молельня, представляющая собой высокий ствол прямоугольного сечения, где совсем недавно были оставлены предметы пожертвования. Несмотря на удивительное совпадение активизации молящихся с актами вандализма, стоит отметить, что до произошедших событий храм пребывал в полном запустении, постепенно превращаясь в культовое место, заросшее сорняками и покрытое мхом.

Внешне храм представляет руины, еще не до конца исследованные археологами, с едва различимыми остатками верхней части стены. Каменный материал стен представляет собой нерегулярную укладку бесформенных и разнокалиберных блоков, лишенных строгих геометрических очертаний и прямых углов.

Грубая лицевая кладка свидетельствует об отсутствии тщательной обработки камней – их поверхность сохранила следы плоских сколов, образовавшихся при добыче. Камни, имеющие постель (основание), плотно уложены друг на друга на растворе, однако ряды кладки не всегда отличаются регулярностью и зачастую лишены перевязки. В одном примечательном месте, возле молельни, четыре ряда кладки и вовсе лишены перевязки, но при этом прочно скреплены толстым слоем раствора. Несмотря на это, на южной стене изнутри прослеживается четкая горизонтальная линия кладки. Камни не отличаются стандартизацией и не подвергались дополнительной обработке, однако строители умело подгоняли их друг к другу, используя каменный бой и оставшиеся обломки. Несмотря на все эти особенности, примыкание камней друг к другу выглядит достаточно четким, и в целом изначальная кладка сохранилась по всему периметру основания. В фасадной части наблюдается интересный прием: в первом ряду использованы максимально крупные камни, достигающие в высоту одного метра. При возведении стен использовался метод одновременной забутовки пустых пространств как по горизонтали, так и по вертикали. Небольшой заплечик при переходе из зала в апсиду составляет всего около 15 см. Средняя толщина стен варьируется от 80 до 90 см. Вокруг храма хаотично разбросаны другие, неопределенные камни – безмолвные свидетели его постепенного разрушения.

Среди находок, извлеченных из храма, после несанкционированных раскопок, четко выделяются две основные группы: металлические и керамические артефакты. Керамика представлена в основном фрагментами пифосов – крупных сосудов, украшенных характерным орнаментом в виде пояска со следами пальцев. Вся обнаруженная коллекция делится на категории, отражающие различные аспекты жизни древних обитателей этих мест: предметы вооружения, культовые объекты, элементы строительных конструкций и сельскохозяйственный инвентарь.

Особый интерес представляют предметы вооружения, среди которых наиболее многочисленны наконечники стрел.

Наконечники листовидные: (9 шт.) Отличаются острым жалом, проковкой режущих кромок и тщательно выполненной заточкой. Прекрасно сохранились черенки для насадки на древко и упоры. У двух экземпляров имеется срединное ребро, остальные – уплощены. Черенки двух наконечников обломаны. Максимальная длина – 12 см, минимальная – 6 см. Сохранность – удовлетворительная.

Наконечники бронебойные: (12 шт.) Имеют квадратное (10 шт.) и ромбическое (2 шт.) сечения. У двух экземпляров продольные насечки. Семь наконечников снабжены перехватом у основания жала. Все изученные наконечники – черешковые. Максимальная длина достигает 9 см, минимальная – 62 мм. Сохранность предметов – удовлетворительная.

Наконечники двурогие: (4 шт.) Черешковые. Максимальная длина – 25 см, минимальная – 15 см. Все экземпляры имеют тонкую проковку по продольной кромке для придания жалу особой остроты, необходимой для глубокого проникновения и нанесения серьезных внутренних повреждений. Разлет концов двурогих стрел нормальный. Наконечники снабжены насадочными частями, расположенными непосредственно под жалом.

Наконечник двухчастный пластинчатый массивный: (1 шт.) уникальный экземпляр. Каждая из лопастей, как изнутри, так и снаружи, снабжена острым жалом с заточкой, предназначенной для максимального поражения цели. Максимальная длина – 27 см. Под основанием жала имеется упор для насада древка. Ширина у основания – 8 см, ширина одной лопасти – 4 см.

Наконечник пластинчатый, ромбический, планцетовидный: (1 шт.) Черешковый. Общая длина – 13 см. Жало имеет острую заточку, ребро жёсткости выражено слабо. Снабжен упором, сливающимся с корпусом. Жало, к сожалению, фрагментировано.

Кинжал-акинак: (1 шт.) Древний кинжал, выполненный в форме акинака. К сожалению, конец рукояти и конец клинка отломаны. Перекрестие составляет 45 мм, а общая сохранившаяся длина достигает 19 см. Снабжен ребром жесткости. Сечение – узкоромбическое, рукоять также снабжена ребром жёсткости. По классификации относится ко 2-й группе акинаков (VI–V вв. до н.э.) и датируется периодом, следующим за ранней 1-й группой.

Серповидное орудие: (1 шт.) Втульчатое орудие с разомкнутым отверстием для крепления рукояти, которая дополнительно фиксировалась с помощью шпонки. Лезвие имеет проточку и снабжено узким загнутым концом. Высота – 23 см, ширина лезвия у основания – 45 мм. Орудие находится в хорошем состоянии.

Пластинчатые предметы: (2 шт.) Изготовлены из железной полосы, концы загнуты. Предположительно, являются элементами ножен, но требуется дополнительное исследование.

Кольцо с шипом: (1 шт.) Кольцо с ушком на пластинчатой основе и острым шипом для крепления к какой-либо поверхности. Возможно, являлось деталью защитного вооружения или седла, однако точное назначение пока не установлено. Диаметр кольца – 24 мм.

Гвозди кованые: (11 шт.) Однотипные экземпляры. Снабжены широкой шляпкой подквадратной формы. Сечение – четырёхгранное, сужается к основанию в виде острого жала. Максимальная длина – 10,5 см, минимальная – 6,5 см. Все гвозди прогнуты в разной степени, целы, за исключением одного экземпляра, у которого отсутствует шляпка. Размеры и форма гвоздей позволяют судить о толщине стропил, обрешетки и конструкции входных дверей храма.

Среди находок, извлеченных из храма, особое место занимают культовые кресты, очевидно для христианского воинства феодального общества. Эти кресты выделяются своей необыч-

ной конструкцией: четвёртый конец каждого креста выполнен в виде острого шипа, предназначенного для крепления к флажкам (хоругвиям). Разнообразие исполнения этих символов веры поражает воображение.

Тип I: Цельные кресты, изготовленные из одного куска металла с прокованными концами, свидетельствуют о мастерстве древних кузнецов.

Тип II: Кресты, собранные из трех искусно сплавленных полос, скрученных и раскованных в плоскую форму, демонстрируют сложные технологические приемы.

Тип III: Кресты, состоящие из двух полос, соединённых в перекрестии при помощи заклёпки, отличаются лаконичностью и функциональностью.

Форма концов рукавов крестов также варьируется, от строгих треугольных очертаний до более массивных квадратных форм. Размеры этих культовых предметов впечатляют: высота самых крупных экземпляров достигает 24,4 см, а ширина – 18,6 см, в то время как самые миниатюрные крестики имеют высоту всего 94 мм и ширину 58 мм. Общее количество обнаруженных крестов составляет 30 штук, из которых 6, к сожалению, дошли до нас в фрагментированном состоянии. Один из крестов, проработанный проковкой в виде круга посередине острого насада, особо выделяется своим декоративным характером, говорящим о высоком уровне мастерства и художественном вкусе средневековых ремесленников.

Подводя итог, следует отметить, что изученные строительные материалы, особенности кладки (блоки, раствор, забутовка), технология приготовления и нанесения раствора, а также вещественное сопровождение культурного слоя, находящееся на определенной ступени развития, позволяют предварительно датировать храм периодом X–XI вв. н.э. Более ранние находки на данный момент отсутствуют, что подчеркивает уникальность обнаруженных артефактов. Очевидно, что объект требует про-

ведения масштабного научного исследования с привлечением опытных специалистов, обладающих глубокими знаниями в данной области. Выражаем надежду, что для изучения нагорной, центральной Абхазии, и в частности древних памятников села Гума, будут привлечены, в первую очередь, опытные абхазские специалисты, как наиболее знакомые с местной архитектурной школой храмового строительства.

ГАБЕЛИЯ А.Н.,
канд.ист. наук, доц. кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии
БЕРУЛАВА Э.С.,
ст.лаб. кафедры истории, археологии
и этнологии Абхазии

ИСТОКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АБХАЗИИ: МЕТОДОЛОГИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ ОТКРЫТИЯ (1870-1917 ГГ.)

Аннотация: *В статье рассматривается процесс становления археологической науки на территории Абхазии в последней трети XIX – начале XX в. Анализируется переход от бессистемного коллекционирования и любительского краеведения к научно обоснованным экспедициям. Особое внимание уделено деятельности Московского археологического общества и Императорской Археологической комиссии.*

Ключевые слова: *История археологии, Абхазия, Московское археологическое общество (МАО), Императорская Археологическая комиссия (ИАК), становление науки, краеведение, археологические экспедиции, полевые исследования.*

Abstract: *The article examines the formation of archaeological science in Abkhazia during the last third of the 19th and early 20th centuries. It analyzes the transition from unsystematic collecting and amateur local lore studies to scientifically grounded expeditions. Special attention is paid to the activities of the Moscow Archaeological Society and the Imperial Archaeological Commission.*

Keywords: *history of archaeology, Abkhazia, Moscow Archaeological Society (MAS), Imperial Archaeological Commission (IAC), formation of science, local history, archaeological expeditions, field research.*

Последняя треть XIX века стала переломным моментом для изучения исторического наследия Восточного Причерноморья. Интеграция региона в научное пространство Российской империи способствовала притоку исследователей, чей интерес подогревался уникальным синтезом античных, византийских и местных автохтонных (дольменных) древностей.

Институциональное развитие археологии в Абхазии неразрывно связано с общими тенденциями развития исторической науки в Российской империи. Системный интерес российских исследователей к античному и средневековому наследию Кавказа послужил катализатором для развертывания масштабных изысканий на абхазском побережье. В этот период регион стал объектом изучения плеяды выдающихся краеведов и ученых, среди которых: П.С. Уварова, Н.М. Альбов, А.Н. Введенский, В.И. Чернявский, В.И. Сизов, В.Ф. Миллер и другие.

Последняя треть XIX века характеризуется качественным переходом от случайных находок к целенаправленному систематическому научному поиску. Ведущая роль в этом процессе принадлежала ключевым учреждениям России, в первую очередь – Императорскому Московскому археологическому обществу (МАО). Созданное графом А.С. Уваровым (1828–1884). Общество заложило под его руководством методологические основы полевых исследований на окраинах империи. После его смерти пост председателя заняла П.С. Уварова (1840-1924). Её энергичное руководство позволило не только сохранить темпы работ, но и придать деятельности МАО особую преемственность и гуманистическую направленность. Именно МАО инициировало переход к регулярным полевым работам. Знаковой вехой стал II Археологический съезд в Санкт-Петербурге (1871г.), где председатель Кавказского археологического комитета, известный ориенталист А.П. Берже (1828–1886) представил фундаментальную «Записку об археологии Кавказа». Этот доклад актуа-

лизировал проблему изучения христианских памятников региона и определил вектор дальнейших работ.

Развитию археологической науки способствовало создание специализированных учреждений. Это Кавказское отделение МАО, основанное для координации полевых исследований непосредственно на местах Общество любителей кавказской археологии (1873 г.), функционировавшее под патронажем Наместника Кавказа, Великого князя Николая Михайловича, что обеспечивало административную и финансовую поддержку изысканий, Кавказский музей, ставший главным депозитарием найденных артефактов и научно-просветительским центром.

Важный вклад в обследование средневековых христианских памятников внес заместитель председателя Общества Д.З. Бакрадзе (1826–1890). Его детальное изучение церковной архитектуры Кавказа позволило интегрировать христианские древности Абхазии в общий контекст византийского и восточнохристианского искусства.

Поворотным моментом в развитии кавказоведения и, в частности, в изучении археологии Абхазии, явился V Археологический съезд, проходивший в Тифлисе с 8 по 20 сентября 1881 г.[1]

Инициатива проведения форума непосредственно в Кавказском регионе принадлежала графу А. С. Уварову, который видел в этом стратегическую задачу по интеграции местных памятников в общероссийское научное пространство.

Тифлисский предварительный комитет (создан в октябре 1879 г.) был сформирован на базе Кавказского отдела Русского географического общества (РГО). В его состав вошли видные представители интеллектуальной элиты: Д.З. Бакрадзе, Ф.С. Байерн, А.П. Берже, князь Д.Д. Джорджадзе и другие. Пред-

[1] Подробнее см.: Ашуба А.Е., Ермоленко Л.П., Колесникова М.Е. V Археологический съезд и изучение кавказских древностей // История: факты и символы. Елец, 2019. № 4(21). С. 46-54.

седательствовал генерал А.В. Комаров, секретарем выступал Е.Г. Вейденбаум.

Основной целью съезда провозглашалась не только фиксация памятников, но и консолидация усилий исследователей для создания региональных музеев и обществ, а также формирование в общественном сознании необходимости охраны культурного наследия.

Деятельность комитета реализовывалась в рамках «Программы для исследования древностей на Кавказе». Впервые в практике отечественной науки план работ включал комплексное изучение памятников не только классической (античной) и христианской эпох, но и первобытных древностей, что значительно расширило хронологические рамки исследований региона. Ключевыми направлениями работы стали: организация масштабных полевых экспедиций, привлечение местной интеллигенции к систематическому сбору данных, научная обработка и введение артефактов в широкий академический оборот.

Съезд в Тифлисе в 1881 году стал самым представительным в истории российской археологии того времени: число участников достигало 400 человек. В ходе 20 заседаний было заслушано 36 докладов (рефератов), охватывающих широчайший спектр вопросов – от лингвистики до нумизматики.

Проведение данного форума способствовало систематизации археологических изысканий на Кавказе и их переходу на строго научную основу. Мероприятие определило рост интереса к региону в российском и зарубежном научном сообществе, что оказало значительное влияние на дальнейшее развитие кавказоведения. Роль съезда в контексте историко-археологического и этнографического изучения Кавказа в дореволюционный период является значительной.

Работе съезда предшествовала комплексная подготовка, осуществленная Подготовительным комитетом, который консолидировал усилия ведущих российских исследователей региона.

Примечательно, что в программу подготовительных работ впервые были поставлены задачи по изучению не только античных и раннехристианских памятников, но и объектов первобытной археологии. Подводя итог прошедшему съезду, археолог Всеволод Миллер отмечал: «Ввиду необъятности задач, представляемых Кавказом для археологии, было бы конечно слишком смелым ожидать решения их от одного археологического съезда. Все, чего можно было бы желать, состояло бы в том, чтоб ученые специалисты указали эти задачи, наметили главное, на что нужно направить работы, и дали метод для археологических разысканий».[2]

В данном случае на примере Абхазии можно с уверенностью утверждать, что избранное направление работы и ее методы были успешно применены русскими археологами. В большей степени это коснулось христианских памятников, на изучение которых делался основной упор. Здесь необходимо выделить 1886 г., который вошёл в историографию Абхазии как рубеж, знаменующий начало академических исследований в крае, осуществлённых целым рядом маститых специалистов.

Ещё в 1885 г. полковник Н.И. Цилосани при шурфовании Келасурского храма обнаружил склады древних икон и обломки колокола с латинской надписью. А задолго до этого А.В. Комаров опубликовал первые материалы из античного могильника Нового Афона. Проводились работы по описанию пещер на территории Кавказа, в том числе и в Абхазии. Этим занимались И.С. Поляков, В.И. Чернявский, последний в протоколах V Археологического съезда привёл список пещер, в которых, по его мнению, следовало ожидать находки каменного века (Члоу, Ахабиюк, Мрамба, Михайловка и др). А.Н. Введенский относительно, по-видимому, грота Кеп - Богаз, который находится в районе Цебельды, писал: «В этой местности у подошвы горы

[2] Миллер В.Ф. Пятый археологический съезд в Тифлисе // Русская мысль. 1882. С. 30.

Апианча, есть действительно неглубокий грот, изыскания в котором не думаю, чтобы принесли большую пользу».[3]

Чернявский В.И. – член подготовительного комитета составил дополнительный список пещер с ожидаемыми древними находками (Лыхны, Аныхва и т. д.). В 1886 г. В.И. Сизов по поручению и на средства Московского археологического общества провёл археологические раскопки в Абхазии. За короткий срок был собран интересный материал по древнему Сухуму. В.И. Сизов в 1886 г вместе с В.И. Чернявским и известным ботаником Н.М. Альбовым обнаружил на бывшей Ольгинской улице (ныне ул. Пушкина) в Сухуме довольно мощный культурный слой V–III вв. до н э., который содержал обломки черепиц, черно-лаковых сосудов, различного вида керамику, пирамидальное глиняное грузило и монету античного города Амиса. Ими были обследованы остатки средневекового города у крепости Баграта, заложены раскопы в Михайловской пещере, где обнаружены следы костров и кости животных. В.И. Сизову удалось собрать интересный материал по древнему Сухуму, и он пытался доказать, что легендарная Диоскуриада находилась на берегу Черного моря в центре нынешней столицы Абхазии. Он опроверг мнение некоторых авторов, о том, что якобы этот древний город находился в районе населённого пункта Скурча в 20 км восточнее Сухума.

В 80-х гг. XIX в. большую археологическую поездку по Абхазии совершила графиня П.С. Уварова. Она внесла важный вклад в развитие археологии Абхазии. Ею были составлены письменные отчеты, опубликованные на страницах «Материалов по археологии Кавказа» – серии фундаментальных работ, которые выходили в 1889–1916 гг. Под редакцией П.С. Уваровой вышли три тома. Она выявила многие памятники архитектуры, скуль-

[3] Пятый археологический съезд в Тифлисе: Протоколы Подготовительного комитета, изданные под ред. секретаря комитета И.Д. Мансветова. М.: Синодальная типография, 1882. С.126.

птуры, металлопластики. В то время она правильно определила, что фрески церкви в Лыхны «византийского типа и пошиба», которые «суть вероятно произведение греческого художника» конца XIII или даже XIV в. Уварова справедливо считала церковь в Дранде древней.

К византийскому типу П.С. Уварова отнесла церкви X–XI вв. в Пицунде, Мокве, Лыхны. Поднявшись вверх по течению р. Кодор, она изучила памятники Цебельдинской долины. Среди них плиты алтарной преграды из Цебельды, где в нижнем регистре помещена сцена Чуда св. Евстафия Плакиды, которая связана с почитанием первого местного мученика апсила Евстафия и событиями 738 г., о которых сообщает Феофан Хронограф.[4]

Исследовательница описала три храма в окрестностях с. Цебельда Вороновский, Полтавский и Ольгинский, а также объекты, относящиеся к территории Цхумского воеводства и отдельные находки. В дальнейшем эти церкви в окрестностях с. Цебельда были описаны также и К.А. Владимировым. В 1900 г.

П.С. Уварова сообщила о находке каменной формы для отливки бронзового топора из Тагилона. Результаты ее исследований были опубликованы в виде «Путевых заметок», а впечатления о Кавказе она оставила в своих воспоминаниях. П.С. Уварова выделила находку погребений с трупосожжением в окрестностях Пацхирского (Ольгинского) ущелья. Графиня в своём дневнике отметила: «...в стороне от Мачарского ущелья... местный житель, Рейман, производил раскопки и открыл могилы с признаком сожжения»[5]. По всей видимости, речь шла о могильнике в районе Герзеульской крепости.

Дореволюционные археологи часто ошибались в своих выводах в связи с отсутствием соответствующих данных в области

[4] Хрушкова Л.Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2018. С.18.

[5] Уварова П.С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 4: Христианские памятники графини Уваровой. М.,1894. С. 193.

археологии и древней истории Абхазии. В этом П.С. Уварова не стала исключением, она писала, что в Абхазии о дольменах ничего неизвестно, «о них народ не имеет никаких представлений, чем, несомненно, доказывается, что их в крае никогда не существовало».[6] Позже археологами было обнаружено множество дольменов на территории Абхазии.

В 1888 г. по заданию Московского археологического общества Абхазию посетил архитектор А.М. Павлинов. Он побывал в Пицунде, Мокве, Бедия, Илори и составил краткие описания находящихся там церковных сооружений. Он писал: «Церкови эти хотя и принадлежат Кавказу, но, вероятно, построены греками»[7]. Некоторые абхазские археологи, считают вывод А.М. Павлинова ошибочным, так как он не учёл местную традицию в архитектуре, которая установилась к X–XII вв. в постройках большинства церквей на территории Абхазии. А.М. Павлинов сделал более подробное описание Драндского храма, правда, не зная точно, когда храм был построен, он считал данную постройку древней и по этому поводу отмечал: «Проем крестового плана с большим куполом в середине, подобный Драндскому, встречается в самых древнейших церквях Кавказа, например в церкви Св. Креста, напротив Мцхета в Сионской церкви, в главной Мартвильского монастыря, в Атени, в церкви Св. Рипсиме в Вагаршападе и др. Единственная разница, отличающая все эти храмы от Дранды, состоит только в том, что у них концы креста непрямоугольные, а полукруглые».[8]

В 1888 г. была утверждена Программа МАО по изучению древностей Кавказа, которая предусматривала обследование

---

[6] Уварова П.С. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 9. М., 1904.С.175.

[7] Павлинов А.М. Экспедиция на Кавказ 1888 года // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 3. М., 1893. С. 74.

[8] Павлинов А.М. Экспедиция на Кавказ в 1868 г. // Материалы по археологии Кавказа. Вып.3.

Христианские памятники. М., 1893. С.13.

первобытных, языческих и классических, христианских, мусульманских памятников, памятников искусств и художеств, письма и языка, а также лингвистические, этнографические и географические исследования. Программа носила комплексный характер и в последующем успешно реализовывалась. В определённой мере она определила развитие кавказоведения и в XX веке. Побывавший в Абхазии в 1875-1877 и 1888 годах, русский кавказовед Е.Г. Вейденбаум оставил интересные записки о древних памятниках края.

В начале 90-х гг. XIX в. в Абхазии работал ботаник Н.М. Альбов, который собрал богатый этнографический материал, в том числе и некоторые сведения об археологических находках у горы Сатанжо. В 1893 г. Н.М. Альбов опубликовал первые записки об ацангуарах – древних пастушеских поселениях в горах Абхазии.

В 1896 г. В.И. Чернявский поместил в газете «Черноморский вестник» заметку о находке в Сухумской крепости плиты с надписью, подтвердившей пребывание римского легата Флавия Арриана в II в. н. э. в Себастополисе. Надпись на плите, глубоко врезанная в камень, гласила: Hadr. Per. Fl. Ar. Leg., что в переводе с латинского могло означать: «Гадриан через Флавия Арриана порт сей соорудил». Этот замечательный и уникальный для Кавказа памятник после смерти В.И. Чернявского был утерян. Надпись сохранилась лишь в публикации М. Ростовцева. [9] Следует отметить и деятельность «Общества любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа», благодаря которому был организован музей, где имелся и археологический отдел.

В 1903 г. Абхазию посетил известный французский путешественник и спелеолог Е.А. Мартель, который сделал краткое описание храмов в Гагре, Цандрипше, Лыхны и других, снабдив

[9] Трапш М.М. Труды в пяти томах. Т. I. / Изд. АбИГИ им. Д.И. Гулиа. Сухум, 2017. С. 33.

его фотографиями и чертежами. Он осмотрел ряд пещер Абхазии. Однако, несмотря на неоднократные попытки, ни одного палеолитического орудия на территории Абхазии до революции найдено не было.

В Гаграх в 1904 г. во время земляных работ был выявлен позднеантичный могильник, одно богатое погребение, содержащее фибулы, браслеты, бусы, серьги и другие изделия. Могильник был отнесен А.А. Спицыным к V в. н. э. Летом 1907 г. по поручению Императорской Археологической комиссии [10] известный русский археолог, профессор А.А. Миллер прибыл в Абхазию, где им были предприняты разведки по Кавказскому побережью Чёрного моря. В своей информации он отметил, что исследованная часть побережья (Абхазское побережье) не однородна в археологическом отношении. Странным ему показалось полное отсутствие здесь древних могильников. [11] А.А. Миллер, основываясь на сообщениях древних авторов о способе погребения, практиковавшемся у древних племён Колхиды (подвешивание покойников на деревьях) и привлекая некоторые данные из абхазской этнографии, ошибочно утверждал, что древних могильников в Абхазии нет. Как и предыдущие авторы, А.А. Миллер прошёл мимо ценного указания абхазского этнографа С. Т. Званба (1809–1855), который в своей работе «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии» (1855), писал: «Тело убитого громом человека остается на вышке в гробу до тех пор, пока не останутся от него одни кости. После этого гроб снимают с вышки и предают его с

[10] Подробнее см.: Ермоленко Л.П., Колесникова М.Е. Императорская Археологическая комиссия – организатор изучения и охраны памятников Северного Кавказа во второй половине XIX в. // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 21-25 апреля 2014 г.). М.: ИА РАН, 2014. С. 45-48

[11] Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи /Абхазский государственный университет. Сухум, 2014. С. 15.

костьми земле при обычном обряде погребения...».[12] А.А. Миллер также зафиксировал ряд предметов позднебронзовой эпохи в с. Ачандара: топор, ложка, браслет и др. Опубликовал железное оружие VIII–VII вв. до н. э. с Сухумской горы, находившееся в коллекции В.И. Чернявского, несколько предметов того же времени из Гульрипша. Сухумский краевед рассказал археологу А.А. Миллеру о крепости в Цебельде, и он осмотрел крепость, снял план оборонительной линии. Материалы из крепости были использованы А.А. Миллером в двух публикациях, а также в докладе, прочитанном 21 марта 1908 г. на заседании этнографического отделения Русского Географического общества. В этой крепости исследователь увидел древний Тцибилум, известный по описанию войн Хосроя с Юстинианом.

Многие памятники средневековой культуры получили отражение в описательно-популяризаторских и научных изданиях в начале XX столетия. В этом отношении большой интерес представляют труды А.Н. Дьячкова-Тарасова, В.В. Латышева и К.Д. Мачавариани.

В 1911 г. вдовой генерала Краевича в Императорскую Археологическую комиссию был переслан медный саркофаг, а в 1914 г. в то время ставший директором Кавказского музея в Тифлисе ботаник Ю.Н. Воронов передал туда большую коллекцию предметов (топоры, мечи, наконечники копий, фибулы, бусы и т. д.) из погребений V–VII вв., разрушенных на Шапкинском могильнике.

Таким образом, в дореволюционный период было положено начало археологическому изучению Абхазии. Отсутствие государственного финансирования, специальных учреждений и системного плана исследований обусловило фрагментарный характер работ, результаты которых во многом зависели от личной инициативы исследователей-любителей и деятельности от-

[12] Званба С.Т. Этнографические этюды / Под редакцией и предисловием проф. Дзидзария Г.А. Сухум, 1955. С.68.

дельных научных обществ. До 1917 г. изыскания ограничивались рекогносцировочными поездками и фиксацией случайных находок, но в то же время это позволило сформировать источниковую базу для последующих систематических исследований.

Литература

1. Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи /Абхазский государственный университет. Сухум, 2014. С. 15.
2. Миллер В.Ф. Пятый археологический съезд в Тифлисе // Русская мысль. 1882. С. 30.
3. Званба С.Т. Этнографические этюды / Под редакцией и предисловием проф. Дзидзария Г.А. Сухум, 1955. С.68.
4. Пятый археологический съезд в Тифлисе: Протоколы Подготовительного комитета, изданные под ред. секретаря комитета И.Д. Мансветова. М.: Синодальная типография, 1882. С.126.
5. Павлинов А.М. Экспедиция на Кавказ 1888 года. МАК. Вып. III. М. 1893. С. 74.
6. Павлинов А. М. Экспедиция на Кавказ в 1868 г. //Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями МАО. Вып.3. Христианские памятники. М.1893. С.13.
7. Уварова П.С. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах. МАК. Вып. 9.М.,1904.С.175.
8. Уварова П.С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями МАО. Вып. 4: Христианские памятники графини Уваровой. М.,1894. С. 191.
9. Трапш М.М. Труды в пяти томах.Т.1. /Изд. АбИГИ им. Д. И. Гулиа. Сухум, 2017. С. 33.
10. Хрушкова Л.Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху // Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2018. С.18.

СЧАСТНЫЙ Д.А.,
канд.ист.наук, преп. кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ ИИ В РАБОТЕ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ МАТЕРИАЛАМИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация*. В статье рассматривается современное состояние и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в археологии. Основной фокус сделан на автоматизацию процесса создания археологических рисунков – одной из самых трудоёмких задач камеральной обработки. Анализируются программные решения, в том числе инструменты на базе технологий Google (Google Flow и сопутствующие разработки), позволяющие преобразовывать фотографии артефактов и сооружений в точные научные прорисовки. Рассматриваются сложности распознавания объектов на снимках и пути их преодоления, а также перспективы изменения подхода к научным исследованиям.*

Ключевые слова*: искусственный интеллект (ИИ), археология, нейросети, фотограмметрия, археологический рисунок, камеральная обработка, распознавание объектов, научная интерпретация, реконструкция, анализ данных.*

Abstract. *The article examines the current state and prospects of applying artificial intelligence technologies in archaeology. The main focus is on automating the process of creating archaeological drawings, one of the most labor-intensive tasks in laboratory processing. It analyzes software solutions, including tools based on Google technologies (Google Flow and related developments), that enable the conversion of photographs of artifacts and structures into precise scientific drawings. The challenges of object recognition in images and ways to overcome them are discussed, as well as the prospects for transforming the approach to scientific research.*

Keywords: *artificial intelligence (AI), archaeology, neural networks, photogrammetry, archaeological drawing, laboratory processing, object recognition, scientific interpretation, reconstruction, data analysis.*

Современная археология переживает этап цифровой трансформации. Если первые эксперименты с машинным обучением относятся еще к 1970-м годам, то настоящий бум применения ИИ начался после 2019 года, когда количество научных публикаций по этой теме резко возросло. Сегодня ИИ используется для решения широкого спектра задач: от прогнозирования мест расположения памятников до расшифровки древних текстов. Одним из перспективных направлений является, в том числе, и автоматизация создания археологических рисунков по фотографиям (Рис. 1-2). Именно эта задача, традиционно требовавшая высокой квалификации и существенных временных затрат, сегодня успешно решается с помощью нейросетей, включая инструменты, разработанные на базе технологий Google.

Традиционный археологический рисунок – это не просто зарисовка, а результат научной интерпретации. Исследователь должен отделить следы деятельности человека от природных факторов, выделить технологические детали и точно передать форму предмета. Искусственный интеллект сегодня способен взять на себя значительную часть этой работы.

Современные алгоритмы компьютерного зрения, в основе которых часто лежат сверточные нейросети (CNN)[1], обучаются на тысячах примеров ручных прорисовок и соответствующих фотографий. Модель учится выделять контуры, определять границы обработки камня, керамики, стекла, металла, игнорировать тени и естественные неровности. В результате на выходе

[1] Зарипова Д.Н., Шлеймович М.П. Применение сверточных нейронных сетей (CNN) для детекции объектов на аэроснимках// Международный научный журнал «Вестник науки». №5 (86). Т. 2. Май 2025 г.

получается векторное или растровое изображение, готовое для включения в научный отчёт или публикацию (Рис. 3-4, 5-7).

Одним из ярких примеров использования технологий ИИ для создания археологических рисунков является продукт Google Flow[2]. Хотя этот инструмент позиционируется как универсальное средство для обработки изображений, его применение в археологии демонстрирует впечатляющие результаты. Google Flow позволяет загрузить фотографию артефакта и получить на выходе чистый линейный рисунок с выделенными орнаментами, следами инструментов и структурой материала.

Как это работает на практике:

1. Загрузка снимка: пользователь загружает фотографию археологического предмета.

2. Автоматическая сегментация: нейросеть определяет область объекта и отделяет его от фона.

3. Выделение значимых деталей: алгоритм анализирует перепады яркости и текстуры, чтобы выделить выбитые линии, гравировку или рельеф.

4. Генерация рисунка: система создает векторный слой, который можно экспортировать в форматы SVG, PNG или PDF для дальнейшего использования в графических редакторах.

Подобные решения не только ускоряют работу в десятки раз, но и обеспечивают высокую стандартизацию: все рисунки выполняются в едином стиле, что упрощает их сравнение и анализ. Технологии Google также позволяют дообучать модели на собственных данных археологической экспедиции, адаптируя распознавание под конкретные типы находок. Это позволяет использовать ИИ не только в работе над отдельными категориями предметов, но и обрабатывать совершенно разные по форме и текстуре артефакты.

Современные подходы не ограничиваются двухмерными изображениями. Инструменты позволяют обрабатывать 3D-мо-

[2] https://labs.google/fx/tools/flow

дели, полученные методом фотограмметрии. Например, исследователи Алтайского государственного университета разработали методику, при которой нейросеть анализирует 3D-модель каменного изваяния и выделяет участки, обработанные человеком, по глубине рельефа и характеру поверхности[3]. Эти данные затем преобразуются в классический археологический чертёж в разных проекциях. Интеграция с облачными сервисами Google делает такие вычисления доступными для любой лаборатории.

Несмотря на успехи, применение ИИ для генерации археологических рисунков сталкивается с рядом проблем, которые требуют внимания:

1. Проблема качества исходных фотографий

Археологические объекты часто снимаются в полевых условиях при неидеальном освещении. Тени, блики, низкое разрешение и плохая фокусировка могут приводить к ошибкам: нейросеть может принять трещину на камне за часть орнамента или, наоборот, пропустить важные детали (Рис.8-10). Google Flow и аналогичные инструменты чувствительны к качеству входных данных, поэтому необходима предварительная нормализация изображений.

2. Недостаток размеченных данных

Для того чтобы ИИ правильно рисовал, его нужно обучить на большом количестве качественных прорисовок, выполненных профессиональными археологами. Таких размеченных данных пока недостаточно, особенно для редких типов артефактов или уникальных стилей орнамента (Рис.11-13).

3. Проблема интерпретации и стилизации

Иногда рисунок должен передавать не только видимые линии, но и интерпретацию исследователя (например, реконструировать утраченный фрагмент). Современные ИИ пока не способны к такой абстракции без участия человека. Результат всегда требует проверки и, возможно, доработки археологом.

[3] https://www.asu.ru/news/events/45731/

В целом же, возможность автоматического получения точного научного рисунка по фотографии открывает новые горизонты для археологии. Теперь можно создавать рисунки для тысяч фрагментов керамики или каменных орудий за считанные дни, передавать особенности металлических предметов, тогда как раньше на это уходили годы. Это позволит вводить в научный оборот огромные массивы данных, которые ранее оставались необработанными.

Использование единого инструмента, такого как Google Flow (с возможностью настройки под стандарты конкретной научной школы), обеспечивает единообразие графической документации из разных экспедиций, что упрощает сравнительный анализ.

Молодые исследователи могут использовать ИИ как тренажёр: сравнивать свои ручные прорисовки с эталонными, созданными нейросетью, и быстрее осваивать методику.

Уже сегодня японские учёные с помощью нейросетей восстанавливают утраченные рельефы по старым фотографиям[4]. В будущем подобные алгоритмы, интегрированные в Google Flow, смогут предлагать варианты реконструкции повреждённых участков рисунка, опираясь на аналоги из базы данных. Некоторые успехи в этом направлении уже есть. На примере небольшой чашечки из раскопок северо-западного бастиона Сухумской крепости хорошо видно, с какой точностью нейросеть воссоздала форму изделия и передала рисунок (Рис. 14). Не обошлось, конечно, без вольной интерпретации недостающего рисунка слева и справа, однако это именно, то, о чем говорилось выше.

Опыт последних лет показывает, что искусственный интеллект, и, в частности, инструменты на базе технологий Google

[4] Jiao Pan, Liang Li, Hiroshi Yamaguchi, Kyoko Hasegawa, Fadjar Ibnu Thufail, , Xiaojuan Ban and Satoshi Tanaka. Reconstructing, Understanding, and Analyzing Relief Type Cultural Heritage from a Single Old Photo// Proceedings of the 32nd ACM International Conference on Multimedia. 28 October 2024.

(Google Flow[5], TensorFlow[6] и др.), становится незаменимым помощником археолога в создании научных рисунков. Несмотря на существующие сложности, связанные с качеством данных и необходимостью экспертного контроля, перспективы развития этого направления впечатляют. Технология не заменит художника-археолога, но вооружённый ею исследователь будущего сможет документировать прошлое с беспрецедентной скоростью и детализацией.

Литература

1. Архимандрит Дорофей (Дбар), Гарик Сангулия. Храм Св. Георгия (Аиергь-ныха) в селе Анхуа (VIII–X вв.)//Храмы и монастыри Абхазии. Вып. 2. Издательство Священной Митрополии Абхазии. Монастырь Св. апостола Симона Кананита. Новый Афон (Анакопия). 2025 г.

2. Зарипова Д.Н., Шлеймович М.П. Применение сверточных нейронных сетей (CNN) для детекции объектов на аэроснимках// Международный научный журнал «Вестник науки». №5 (86). Т. 2. Май 2025 г.

3. Jiao Pan, Liang Li, Hiroshi Yamaguchi, Kyoko Hasegawa, Fadjar Ibnu Thufail, Xiaojuan Ban and Satoshi Tanaka. Reconstructing, Understanding, and Analyzing Relief Type Cultural Heritage from a Single Old Photo// Proceedings of the 32nd ACM International Conference on Multimedia. 28 October 2024.

[5] https://labs.google/flow/about

[6] https://www.tensorflow.org/

Иллюстрации

Рисунок 1. Фрагмент стенки керамического сосуда из раскопок башни ВАс в с. Мачара, Гулрыпшского района.

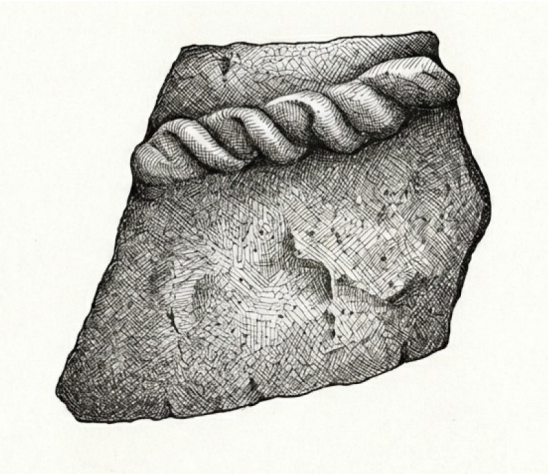
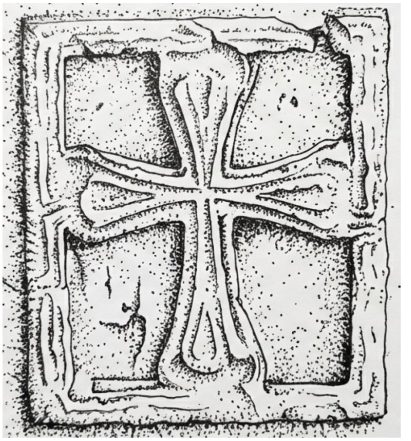


Рисунок 2. Тот же фрагмент стенки, обработанный ИИ в стиле археологического рисунка

Рисунок 3. Бальзамарий из погр. 1.Г. Храм св. Георгия (Аиергьныха) в селе Анхуа (VIII–X вв.). Новый Афон (Анакопия). 2025 г. (Архимандрит Дорофей (Дбар), Гарик Сангулия)

Рисунок 4. Тот же бальзамарий, обработанный ИИ в стиле археологического рисунка

Рисунок 5. Каменная колонка Св. Трапезы с барельефным орнаментом креста. Храм св. Георгия (Аиергь-ныха) в селе Анхуа (VIII–X вв.). Новый Афон (Анакопия). 2025 г. (Архимандрит Дорофей (Дбар), Гарик Сангулия)



Рисунки 6 и 7. Та же каменная колонка, обработанная ИИ в стиле археологического рисунка

Рисунок 8. Фреска. Археологические раскопки храмового комплекса Бжилюа в селе Анхуа, Гудаутского района (Архимандрит Дорофей (Дбар), Гарик Сангулия)

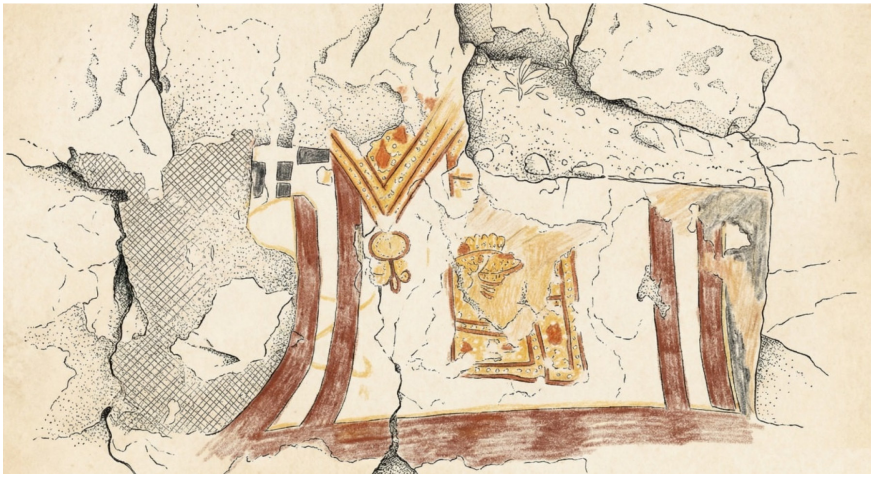


Рисунок 9.Та же фреска, обработанная ИИ (Вариант 1)

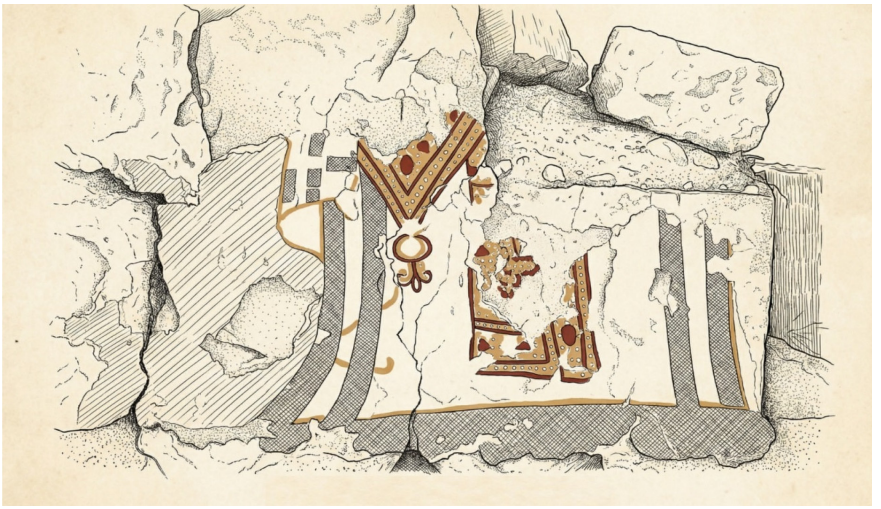


Рисунок 10. Та же фреска, обработанная ИИ (Вариант 2)

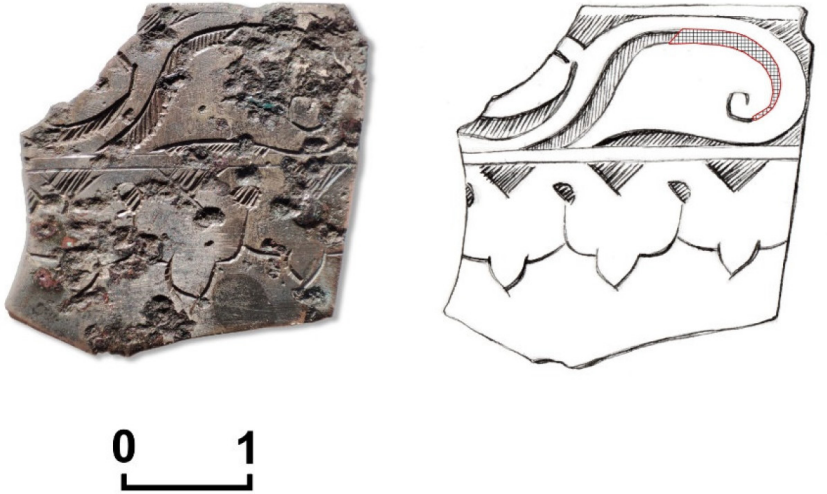


Рисунок 11. Фрагмент металлической стенки посуды из раскопок Кодорской крепости и его рисунок, сделанный художником Э.А. Берулаа

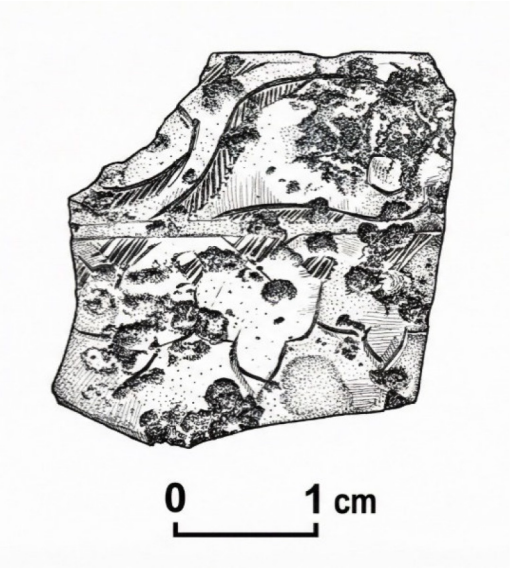


Рисунок 12. Тот же фрагмент стенки, обработанный ИИ

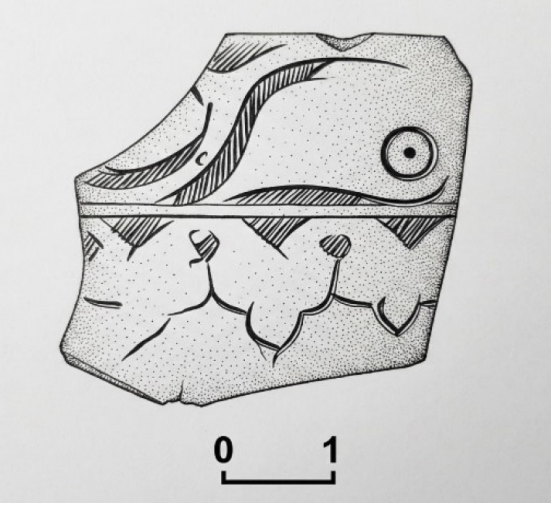


Рисунок 13. Добавление несуществующих элементов после команды: «Удалить дефекты и впадины»

Рисунок 14. Слева – фаянсовая чашечка османского времени из раскопок в северо-западном бастионе Сухумской крепости - 2024 г.; Справа – реконструкция, сделанная нейросетью Flow

НИШАНЯН Е.Р.,
преп. кафедры всеобщей истории

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В АБХАЗСКОМ ЦАРСТВЕ (VIII–X ВВ.)

Аннотация: *В статье рассматриваются основные источники формирования феодального землевладения в Абхазском царстве Леонидов в VIII–X вв. Анализ проводится с учетом различных методологических подходов к изучению средневекового общества – формационного и цивилизационного. Особое внимание уделяется соотношению государственной и частной собственности на землю, а также специфике становления социально-экономических отношений в условиях высокой степени централизации власти. На основе письменных источников и научной литературы выявляются ключевые механизмы формирования крупного землевладения, среди которых выделяются царские пожалования представителям правящей династии и знати, наделение землей служилых людей, а также рост церковного землевладения. Рассматривается влияние византийской политико-религиозной модели на развитие института власти и земельных отношений. Делается вывод о преобладании государственной собственности на землю и значительной роли свободного крестьянства в социальной структуре общества, что определяло особенности формирования феодальных отношений в средневековой Абхазии.*

Ключевые слова: *Абхазское царство, Леониды, феодализм, землевладение, государственная собственность, церковное землевладение, византийское влияние, средневековое общество, крестьянство, социальная структура*

Abstract: *The article examines the primary sources of feudal landownership formation in the Abkhazian Kingdom under the Leonids during the 8th–10th centuries. The analysis incorporates various methodological ap-*

proaches to the study of medieval society, specifically the formation and civilization paradigms. Particular attention is paid to the correlation between state and private land ownership, as well as the specific features of socio-economic development in a highly centralized power structure.

Based on written sources and scholarly literature, the author identifies key mechanisms for the formation of large estates, including royal grants to members of the ruling dynasty and nobility, land allotments for servicemen, and the expansion of church landownership. The influence of the Byzantine political and religious model on the development of state institutions and land relations is also considered. The study concludes that the predominance of state land ownership and the significant role of the free peasantry in the social structure defined the unique characteristics of feudal relations in medieval Abkhazia.

Keywords: *Abkhazian Kingdom, Leonids, feudalism, landownership, state property, church landownership, Byzantine influence, medieval society, peasantry, social structure.*

В середине I тысячелетия н.э. шел ускоренный процесс формирования единого абхазского народа. Все это происходило на фоне эволюции отношений внутри общества, что постепенно вело традиционное по характеру абхазское общество к новому общественному строю. На этот раз встает вопрос о том, как назвать этот строй.

В науке до сих пор существует два подхода. Одни авторы называют средневековое общество традиционным или аграрным. Другие продолжают пользоваться формационным подходом и называют его феодальным. В советской исторической науке представления о Средних веках складывались под сильнейшим влиянием марксистской идеологии. В ее основе лежит учение об общественно-экономических формациях, которые последовательно сменяют друг друга. Следуя этому принципу, историки рассматривают древность как период господства первобытно-общинного и рабовладельческого строя, Средние века – как феодальное общество, а Новое время как эпоху капитализма. Таким образом,

средневековье с точки зрения формационного подхода – это время зарождения, формирования, расцвета и начала разложения феодализма.[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, рассматривая феодализм как социально-экономическую формацию, искали его специфику прежде всего в сфере производственных отношений. Основу феодализма они видели в господстве феодальной земельной собственности, которой «противостоят, в качестве непосредственно производящего класса, не рабы, как в античном мире, а «мелкое хозяйство наделенных землей крестьян, владеющих орудиями производства».[2] На основе отношений собственности, по Марксу, сложилась иерархическая структура землевладения и связанная с ней военная организация феодалов, весь общественный и государственный строй феодальной эпохи. Даже «личные отношения» внутри господствующего класса также складывались на основе иерархической структуры землевладения.[3]

Во второй половине XX века в западной науке появился новый подход к классификации общества – по уровню развития технологий – на традиционные (аграрные), индустриальные и постиндустриальные. (Р. Арон, Д. Белл, З. Бжезинский, А. Тоффлер). Согласно этой периодизации, Средневековье – это время существования традиционного (аграрного) общества. В этом смысле речь идет не столько о способе производства (как в теории Карла Маркса), сколько об общих тенденциях развития во всех сферах общественной жизни.

С нашей точки зрения, эти два похода к изучению средневекового общества не стоит противопоставлять друг другу и вполне логично использовать их в комплексе. Период Средневековья можно оценивать и как общество традиционного типа, и как время феодального способа производства.

---

[1] Колесницкий Н.Ф. Феодальное государство. М., 1976. С. 90-91.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 3. С. 22.

[3] Гутнова Е.В. Историография истории Средних веков. 2-е изд. М., 1985. С. 45.

Ученые называют три основные характеристики феодального средневекового общества: во-первых, наличие крупной собственности на землю; во – вторых, иерархия общества, в основе которой лежит строгая корпоративность и замкнутость сословий (возможность социальной мобильности практически отсутствует); в-третьих, наличие зависимого крестьянства.[4]

Безусловно, у каждого государства и народа свой путь развития, но определенные общие характеристики, соответствующие тому или иному общественному строю, могут быть схожими. Так насколько же абхазское средневековое общество соответствовало этим критериям феодализма? Начнем с первых двух характеристик: крупного землевладения и феодальной иерархии. В рамках данной работы мы ограничимся вопросами формирования крупного феодального землевладения в Абхазском царстве.

Многочисленные научные исследования доказали, что способ организации государственной власти и управления, а также особенности социальной структуры в традиционном обществе напрямую связаны с формой и правом собственности на землю. В этом смысле в средневековом обществе существуют две возможные модели.

Первая модель – верховным собственником земли является государство в лице его правителя, поэтому все жители страны становятся непосредственными подданными монарха, а это исключает создание системы вассально-ленных отношений в обществе.

Вторая модель характерна для государств Западной Европы периода VIII–XV вв. В этом случае сосуществуют два вида собственности на землю: частная (безусловная) и государственная. Наличие частной собственности на землю делает возможным ею свободно владеть, пользоваться и распоряжаться. В этом случае каждый крупный феодал может передавать часть своей

[4] Колесницкий Н.Ф. Феодальное государство VI–XV вв. М., 1987. С. 46.

земли более мелким феодалам в держание на условии несения военной службы. Так складывалась не только система вассально-ленных отношений, но и прикрепление крестьян к конкретному феодалу (принцип «нет земли без сеньора».[5]

Что касается средневековой Абхазии, то здесь на протяжении более чем тысячи лет (VI–XVIII вв.) произошла своего рода эволюция от преобладания общинной, а затем государственной к частной собственности на землю, что сопровождалось усложнением поземельных и сословных отношений в обществе.[6]

Уже в VIII веке в Апсилии и Абасгии существовала наследственная власть. [7] В Апсилии она пресеклась после гибели «первого среди апсил» Евстафия в арабском плену. В Абасгии наследственная власть сохранилась и укрепилась. В Летописи Картли прямо на это указывается : «Дал мне (Леон I – правитель абасгов) кесарь страну сию в наследственную (собственность) ... Отныне же дана она мне в вечное владение от Клисуры до Великой реки Хазарии, к которой примыкают отроги Кавказа.[8]

Мало того, уже в VII–VIII вв. правители Апсилии и Абасгии имели собственные вооруженные дружины. Первым упоминанием о дружинной организации у абхазов может считаться сообщение византийского историка Феофана Хронографа о том, что весной 711 г. «первенствующий князь» апсилов Марин явился на помощь византийскому эмиссару Льву Исавру к стенам Сидерона во главе военного отряда в 300 человек[9].

---

[5] Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000. С. 184-185.

[6] Иналипа Ш.Д. Труды. Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа. Сухуми, 1988. С. 294.

[7] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 81-82.

[8] Картлис Цховреба. Тбилиси, 2008. С. 113.

[9] Касландзия Н.В. Генезис и становление Абхазского царства. Сухум, 2017. С. 187-188.

Что же касается периода Абхазского царства Леонидов, власть царей в летописях изображалась в виде права наследственной собственности на всю территорию страны, а само государство воспринималось как владение царского рода, о чем сообщается в Летописи Картли: «Когда же ослабели греки, отложился от них эристав абхазов, по имени Леон... Этот второй Леон взял в руки правление в Абхазии и Эгриси до Лихи, назвался царем абхазов». Еще один пример из Летописи Картли: «Вернулся Леон (примечание: Леон III (957-967гг.) вернулся из кахетинского похода после смерти отца Георгия II) и овладел вотчиной и царством своим, так как сразу же вступил в Абхазию. Он построил церковь в Мокви и учредил (там) епископскую кафедру, благословил и обеспечил всем необходимым.[10]

Из вышесказанного делаем вывод – в этом случае каждый землевладелец получает землю непосредственно из рук государства в лице его правителя, а, значит, феодал любого ранга, звания и должности являлся непосредственным подданным монарха. Не имея возможности свободно распоряжаться землей, он не может передавать ее в держание другим мелким землевладельцам. Другими словами в обществе, становится невозможным создание системы вассальных отношений. Следовательно, формирование иерархии феодальных сословий максимально замедляется.

Тем не менее царская власть не могла остановить процесс оформления крупного феодального землевладения, более того, при первых Леонидах это происходило «сверху». Мы можем назвать возможные источники формирования крупного землевладения в средневековом Абхазском царстве.

Это могло происходить за счет царских пожалований родственникам правящей династии. Нельзя в этом отношении не согласиться с выводами Н. Касландзия о земельной политике

[10] Летопись Картли. Тбилиси, 2008. С. 146; Касландзия Н.В. Ук. соч. С. 187.

Леонидов: «Монарх мог наделять землями своих приближенных. Крупнейшими землевладельцами, судя по всему, являлись члены правящего дома».[11]

Кроме того, Абхазское царство уже при Леоне II было поделено на воеводства. Скорее всего, на первом этапе существования государства, воеводы были обыкновенными чиновниками, исполнявшими функции сбора налогов, поддержания порядка, организации ополчения. Со временем простые исполнители царской воли могли закреплять за собой часть новых или общинных земель и превращались в крупных землевладельцев.

Скорее всего, воеводства делились на более мелкие административные единицы. Например, в 1925 году в Картли была найдена «Стела Цхразмийских хевисупалов (923 – 926 гг.)» со следующей надписью: «Именем бога сей мы, Рамин и Гиорги, написали: Когда /Коста/нтин был правителем Картли, мы являлись хевисупалами Цхразмис-дови. В то время построили мельницы и наверху дом один. Службу обязаны (нести) 8 человек».[12]

Название должности происходит от слова «хеви» (ущелье) и означает «владетель хеви». Другими словами, хеви – небольшая административная единица, правители которой – хевисупалы подчинялись эриставу – правителю более крупной области. Если верить источнику, хевисупалы должны выставлять определенное количество воинов на службу царю.

Уже первые абхазские цари вели активную «восточную политику», направленную на расширение своих территорий в Западной и Восточной Грузии. Например, наместниками Кахети являлись абхазские феодалы Аршисдзе. В источниках X века упоминается еще один представитель абхазской знати наместник Картли Иоанн Марушисдзе. Предками картлийских князей Бараташвили, как было установлено С. Джанашия, были садз-

---

[11] Касландзия Н.В. Ук. соч. С. 231.

[12] Какабадзе. Грузинские документы IX–XV вв. Перевод и комментарии. М., 1982. С. 30.

ские владетели Гечба. О.В. Маан отмечает, что таким образом абхазские цари формировали в восточногрузинских землях свою социальную опору.[13] Однако, согласно источникам (Летопись Картли), иногда крупные феодалы пытались отложиться от центральной власти, что неизменно пресекалось. Так, например, согласно летописи, два брата Хахуа и Иване Аршисдзе (Аршба), владевшие в Картли крепостями Лоцобанта и Марана, за неповиновение абхазскому царю Георгию, были захвачены и казнены. Хахуа Аршисдзе царь отправил в Джигетию (северо-западная абхазия).[14]

Вместе с царской администрацией на восток перемещались крестьяне, служилые люди. Последним абхазские цари могли передавать землю за несение военной службы. В качестве доказательства можно привести документ: «Купчая некоего Павнели (850-860 г г.)»: «Худшее случилось (со мной): один старший сын Кавтар дома (у меня) умер. Попросил (я) мои наследственные вотчины у царя и пожаловал (мне), дабы пленных выкупить и душу мертвого спасти. Просил (о пожаловании) четырех селений и двух крестьян».

Согласно документу, Павнели просит у царя разрешения на продажу монастырю своего наследственного владения. Следовательно, верховным распорядителем земель Павнели считался царь, без разрешения которого продать эти земли Павнели не мог. По-видимому, Павнели владел землями за определенную службу или на известных условиях.[15]

Н.В. Касландзия не сомневается в существовании системы военных бенефициев в Абхазском царстве, объясняя это двумя причинами: во-первых, конное войско было нужно для проведе-

---

[13] Маан О.В. Абхазы и внешний мир: этнокультурные, политические и экономические связи VIII – XVIII вв. Сухум, 2021. С. 55-57.

[14] Кварчия В.Е. Абхазо-абазинские фамилии и родовые имена в картвельской антропонимии. Сухум, 2017. С. 103.

[15] Грузинские документы IX–XV вв. Перевод и комментарии С.С. Какабадзе. М., 1982. С. 12.

ния активной «восточной политики абхазских царей», а во-вторых, для борьбы с арабами. При этом исследователь подчеркивает, что выявить этапы формирования этой системы сложно из-за скудности источников.[16]

И, наконец, как и в любом средневековом государстве, крупнейшим собственником земли являлась церковь.

Глубокое и устойчивое воздействие на развитие многих государств средневекового мира оказала византийская цивилизация, в том числе через распространение восточного варианта христианства. Не исключением в этом смысле стала и средневековая Абхазия.

Как известно, официальное принятие христианства абасгами, апсилами, санигами и мисимианами произошло в VI в. при императоре Юстиниане (525 – 565 гг.), когда Византия вела борьбу на Кавказе с Сасанидским Ираном. Крещение населения Колхиды носило прежде всего политический оттенок (империя пыталась крепче привязать к себе своих вассалов). В то же время, отмечает И. Агрба, «благодаря принятию христианства Абхазия приобщилась к духовной культуре Византии». И далее: «Позитивное влияние этого события можно видеть и в консолидации абхазской народности, дальнейшем утверждении феодальных отношений». Постепенно формировалась влиятельная прослойка из правящей элиты и служителей церкви.[17]

В своих основных чертах христианская концепция византийского мира была сформулирована первым историком христианства Евсевием Памфилом, современником и сподвижником Константина Великого. «Мирская власть и священство соотносятся между собою как тело и душа. Обе необходимы для госу-

---

[16] Касландзия Н.В. Генезис и становление Абхазского царства. Сухум, 2017. С. 155.

[17] Агрба И.Ш Абхазское царство и Византия (VIII – X вв.). Сухум, 2011. С. 92-93.

дарственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке».[18]

В реальной жизни «симфония властей» должна была выражаться в следующем. Вся полнота светской власти сосредотачивалась в персоне императора, однако в ее реализации он был ограничен Законом Божиим, Священным Писанием и решениями Вселенских Соборов. Верховная власть императора призвана охранять Церковь от внешних религиозных и политических врагов, обеспечить Церкви материальные условия для развития и миссионерства как внутри, так и за пределами империи. В свою очередь, главная задача Церкви по отношению к государству – давать богословское (т.е. идеологическое) обоснование существования империи и организации ее верховной власти.[19] Начиная с V века обязательным становится обряд миропомазания на царство патриархом.

Именно такую модель «симфонии» светской и духовной власти по византийскому образцу мы видим в Абхазском царстве. Как известно, в конце VIII века Леон II принял на себя имя царя абхазов, подчеркнув тем самым независимость от империи, но для легитимности власти и внутри страны и в глазах Византии ему нужно было одобрение со стороны церкви. «Практика «посвящения в сан» царя сложилась при первых абхазских монархах, обряд коронации (описание его сохранилось в ряде источников) производился представителями Абхазской церкви. К имени царя абхазов Константина III прилагаются эпитеты «благословенный» и «святой», что указывает на признание правителя «священной особой», а, следовательно, и на существование инаугурационного миропомазания.[20]

---

[18] Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. М., 2009. С. 79.

[19] Величко А.П. Политический идеал Византии. СПб., 2006. С. 83.

[20] Касландзия Н.В. Генезис и становление Абхазского царства. Сухум, 2017. С. 165.

В ответ на поддержку со стороны церкви, абхазские цари не только всячески поощряли церковное строительство, но и одаривали духовенство землями. Особенно много храмовых построек на территории собственно Абхазии относится к концу IX – X вв. при Георгии II, Константине III, Леоне III. Летопись рассказывает: Баграт II «построил Бедийский храм, учредил там епископскую кафедру, пожертвовал множество селений с ущельями и местностями, снабдил всем необходимым, украсил церковь всякой утварью, благословил и посадил епископа. Он же благословил Кутатисский храм провидением высшим и недосягаемым, т.к. созвал правителей соседних (стран) и католикосов, архиепископов и настоятелей монастырей...».[21]

Земельные владения в окрестности храмов, конечно, передавались церквям и монастырям, так, по-видимому, в это время церковь стала действительно крупным феодалом. Таким образом, во взаимоотношениях с церковью абхазские правители пошли по пути византийских императоров, установив с ней тесный союз: абхазская церковь поддерживала стремление Леонидов к централизации власти, а светская власть оберегала церковь от врагов внутренних и внешних, и одаривала землями. Так церковь превратилась в крупного землевладельца.

Таким образом, основными источниками формирования крупного феодального землевладения в VIII–X века можно назвать: царские пожалования членам правящей династии, высокопоставленным чиновникам (правителям областей), служилым людям (конное войско), а также церкви.

При этом нужно особо отметить, что основной производительной силой традиционного (аграрного) общества является крестьянство. Источники формирования и правовой статус этого сословия, безусловно, требуют специального исследования, но в рамках данной работы хотелось бы сделать несколько замечаний относительно рассматриваемого периода (VIII–X вв.).

[21] Картлис Цховреба.Тбилиси, 2008. С. 150.

В ситуации, когда доминирует государственная собственность на землю, большая часть крестьян-общинников живет именно на такой земле, является лично свободной и платит налоги в пользу государства. В таких условиях зависимое крестьянство, а тем более рабы, составляют мизерную часть населения и не могут оказать решающего влияния на социальный облик общества.

Попытаемся назвать основные причины преобладания свободного крестьянства в средневековой Абхазии:

1. Преобладание государственной собственности на землю

2. Наличие большого земельного фонда при сравнительно низкой плотности населения.

3. Крепкая кровнородственная община, регулируемая нормами обычного права и дающая отпор любым посягательствам на ее автономию и свободу членов этой общины.

4. Низкий процент обедневших или разорившихся общинников: богатейшие природные ресурсы, комфортный климат давали возможность крестьянину заниматься самыми разными видами хозяйства (земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, собирательство, ремесло, пчеловодство), что обеспечивало каждую семью необходимым количеством продуктов.

Основные выводы по данному исследованию:

1. В средневековом Абхазском царстве доминирующей была государственная собственность на землю. Из этого фонда формировалось крупное светское и церковное землевладение, а процесс складывания иерархии высших сословий из – за высокой централизации власти и невозможности манипулировать землей по собственной воле со стороны феодалов происходил медленно.

2. Основную массу производителей составляли свободные крестьяне–общинники.

3. Феодальное общество – общество относительно жестких статусов, стабильных сословных категорий. Социальная мобильность ему не свойственна. Индивидуальная свобода как возможность выбора личного поведения ограничена. В этом смысле в

феодальном обществе никто не был лично свободен – от крестьянина до государя. Самосознание человека могло развиться в той степени, в какой оно было связано с его социальной ролью.

Литература

Источники:

1. Какабадзе. Грузинские документы IX–XV вв. Перевод и комментарии. М., 1982.
2. Картлис Цховреба. Тбилиси, 2008.
3. Летопись Картли. Тбилиси, 2008.

Монографии:

1. Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия (VIII – X вв.) Сухум, 2011.
2. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.). Сухуми, 1959.
3. Гутнова Е.В. Историография истории Средних веков. 2-е изд. М., 1985.
4. Иналипа Ш.Д. Труды. Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа. Сухуми, 1988.
5. Касландзия Н.В. Генезис и становление Абхазского царства. Сухум, 2017.
6. Кварчия В.Е. Абхазо-абазинские фамилии и родовые имена в картвельской антропонимии. Сухум, 2017.
7. Колесницкий Н.Ф. Феодальное государство. М., 1976.
8. Маан О.В. Абхазы и внешний мир: этнокультурные, политические и экономические связи VIII – XVIII вв. Сухум, 2021.
9. Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.
10. Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. М., 2009.

Величко А.П. Политический идеал Византии. СПб., 2006.

ОТЫРБА Д.А.,
аспирант АбИГИ АНА

ХРОНОЛОГИЯ АБХАЗСКИХ ЦАРЕЙ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ТРУДАХ Г.А. АМИЧБА

Аннотация. *Данная работа посвящена анализу хронологии правления абхазских царей из династии Леонидов. Основное внимание уделяется критическому обзору исторических источников, главным из которых является «Диван абхазских царей», составленный Багратом II. Проводится сравнительный анализ двух версий «Дивана» – греческой в изложении патриарха Досифея II (Нотары) и грузинской – из рукописи иеромонаха Германа, выявляются их сходства и разночтения в передаче имен и продолжительности правлений. На основе привлечения трудов ведущих историков (Г.А. Амичба, З.В. Анчабадзе, К.Л. Туманова, Е. Такайшвили, И.Ш. Агрба, Н.В. Касландзия) и нарративных источников («Летопись Картли») анализируются ключевые проблемы хронологии: датировка правления Баграта II, количество царей по имени Леон в VIII веке, а также информационные лакуны «Дивана». В результате исследования делается вывод о сложности реконструкции точной хронологии из-за тенденциозности основного источника и противоречий в историографических интерпретациях.*

Ключевые слова: *Абхазское царство, династия Леонидов, «Диван абхазских царей», хронология, Баграт II, историография, Досифей II (Нотара), Евтиме Такайшвили, «Летопись Картли».*

Abstract*. This paper is dedicated to the analysis of the chronology of the reign of the Abkhazian kings from the Leonid dynasty. The primary focus is a critical review of historical sources, the main one being the "Divan of the Abkhazian Kings" compiled by Bagrat II. A comparative analysis of two versions of the "Divan" is conducted – the Greek version as presented by Patriarch Dositheos II (Notaras) and the Georgian version from*

the manuscript of Hieromonk German – identifying their similarities and discrepancies in the transmission of names and lengths of reigns. Based on the works of leading historians (G.A. Amichba, Z.V. Anchabadze, C.L. Toumanoff, E. Takaishvili, I.Sh. Agrba, N.V. Kaslandzia) and narrative sources ("The Chronicle of Kartli"), the key problems of chronology are analyzed: the dating of Bagrat II's reign, the number of kings named Leon in the VIIIth century, and the informational lacunae of the "Divan." The study concludes that reconstructing an exact chronology is difficult due to the biased nature of the primary source and the contradictions in historiographical interpretations.

***Keywords**: Kingdom of Abkhazia, Leonid dynasty, "Divan of the Abkhazian Kings," chronology, Bagrat II, historiography, Dositheos II (Notaras), Ekvtime Takaishvili, "The Chronicle of Kartli."*

Целью данной работы является анализ исторических источников и обзор мнений исследователей, представленных в их трудах, относительно хронологии абхазских царей из династии Леонидов. Важнейшим источником по данной проблематике является памятник генеалогии «Диван абхазских царей».

Иерусалимский патриарх Досифей II (Нотара) в своем труде «История Иерусалимских патриархов» (греч. Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων) впервые привел обнаруженный им в древней рукописи список царей абхазов. Досифей II сообщал: «Найдена сия запись в древней иберийской (грузинской) книге, в конце, которую сделал Панкратий, царь Абхазии» (греч. Εὑρέθησαν τὰ παρόντα γράμματα ἐν ἀρχαίῳ βιβλίῳ ἰβηρικῷ κατὰ τὸ τέλος, ἅτινα ἐσημείωσε Παγκράτιος ὁ βασιλεὺς Ἀπχαζίας)[1]. Исследователь М.И. Броссе утверждает, что под именем Панкратий патриарх Досифей подразумевал абхазского царя Багратa[2]. Действительно, имя Панкратий (Παγκράτιος) является гре-

[1] Δοσίθεος, Πατριάρχης Ἱεροσολύμων. Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων. 1983,σ.124.

[2] Brosset M.F. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle. St.-Pétersbourg, 1858. P.

ческой калькой имени Баграт, что позволяет идентифицировать автора записи как царя Абхазии Баграта II. В 1905 году исследователь Е. Такайшвили обнаружил документ на грузинском языке, содержащий перечень абхазских царей. В рукописи XVIII века, переписчиком которой являлся иеромонах Герман, содержалось 77 статей, одна из которых именовалась «Диван царей» и была связана с хронологией царей абхазов. В преамбуле к документу говорилось: «…я, царь Константин, сын блаженной памяти Баграта, царя абхазского, нашел в кутаисском казнохранилище кутаисский «Диван (список) царей»»[3]. Поскольку документ находился в ветхом состоянии, царь Константин II распорядился его переписать. Е. Такайшвили опубликовал указанный источник, снабдив комментариями и предложив интерпретацию хронологии.

По мнению грузинского специалиста, патриарх Досифей II дал греческий перевод «Дивана абхазских царей», который изначально был на грузинском. Эта точка зрения, долгое время господствовавшая в исторической науке, была подвергнута сомнению профессором Г.А. Амичба. Абхазский исследователь обосновывал возможность существования параллельно двух текстов – греческого и грузинского[4]. Греческий вариант, созданный одновременно с грузинским, до нас не дошел. Свою позицию Г.А. Амичба аргументировал двумя фактами. Во-первых, греческий язык и византийская культура в Абхазском царстве традиционно занимали ведущие позиции; документ был составлен в период, когда языками делопроизводства были греческий и грузинский. Во-вторых, в труде Досифея некоторые царские имена приводятся в иной форме, чем в грузинском тексте. В грузинском тексте представлены имена Иствине, Финиктиос, Барнук; в греческом тексте Досифея – Юстиниан, Филиктос,

[3] Такайшвили Е.С. Диван абхазских царей.[Электронный ресурс]. URL: http://openlibrary.ge. (дата обращения:18.02.2026).

[4] Амичба Г.А. Историческая антропонимия абхазов. Сухум, 2010. С.10.

Капаруке. Амичба предполагал, что в несохранившемся греческом оригинале эти имена были указаны именно в такой форме[5].

Остается дискуссионным и вопрос о дате создания «Дивана». С.Н. Джанашиа предложил датировку – 1007–1014 годы, основываясь на том, что отец Баграта Гурген упоминается в документе как усопший, хотя скончался лишь через четверть века после воцарения сына[6].

З.В. Анчабадзе придерживался мнения, что «Диван» составлен до вступления Баграта на престол, так как документ должен был демонстрировать происхождение претендента[7].

Г.А. Амичба утверждал, что документ был составлен в 70-х годах X века и продекларирован, когда Баграт II занял престол в 978 году. Главной целью создания «Дивана» было упрочение позиций Баграта II и его преемников[8]. «Диван» стал средством выражения политических притязаний царя.

Как отмечал Г.А. Амичба, последовательный перечень политических предшественников Баграта II был продиктован политическими соображениями: «памятник представлял собой манифест-декларацию, канонизировавшую права Баграта III на Абхазию как на его материнское наследство»[9].

И.Ш. Агрба в работе «Абхазское царство и Византия (VIII–X вв.)» ставит под сомнение тезис о том, что Баграт II являлся единственным и бесспорным наследником. Исследовательница указывает на многочисленность царской семьи династии Леонидов. В частности, у Георгия II был пятый сын по имени Баграт, судьба которого не прослеживается в источниках; у Леона III известна дочь. Круг потенциальных претендентов мог быть зна-

---

[5] Амичба Г.А. Историческая антропонимия абхазов. Сухум, 2010. С.10.

[6] Там же. С.11.

[7] Анчабадзе З.В. Избранные труды в двух томах. История и культура древней Абхазии. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв). Сухум, 2010. С.309.

[8] Амичба Г.А. Историческая антропонимия абхазов. Сухум, 2010. С.11.

[9] Там же.

чительным. Именно наличие альтернативных претендентов, по мнению И.Ш. Агрба, побудило Баграта к составлению официальной генеалогии, призванной легитимизировать его права[10].

Согласно списку, приводимому Досифеем, последовательность абхазских царей выглядит следующим образом: «Первым был царь Анос *(ὅτι ἦν πρῶτος Βασιλεὺς Ἄνος)*, затем сын его Гозар *(εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Γοζάρος)*, затем сын его Юстиниан *(εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Ἰουστινιανός)*, затем сын его Филиктос *(εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Φιλικτός)*, затем сын его Капаруке *(εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Καπαρουκή)*, затем сын его Димитрий *(εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Δημήτριος)*, затем сын его Феодосий *(εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Θεοδόσιος)*, затем сын его Константин *(εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Κωνσταντῆς)*, затем сын его Феодор *(εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Θεόδωρος)*, затем сын его Константин *(εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Κωνσταντῆς)*, затем брат его Леон – 45 лет *(εἶτα ὁ τούτου ἀδελφὸς Λέων ἔτη τεσσαράκοντα καὶ πέντε)*, затем сын его Феодосий – 27 лет *(εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Θεοδόσιος ἔτη εἰκοσιεπτά)*, затем брат его Димитрий – 36 лет *(εἶτα ὁ τούτου ἀδελφὸς Δημήτριος ἔτη* τριακονταέξ*)*, затем брат его Георгий *(εἶτα ὁ τούτου ἀδελφὸς Γεώργιος)*, затем сын Димитрия Баграт – 12 лет *(εἶτα ὁ τοῦ Δημητρίου υἱὸς Παγκράτιος ἔτη δώδεκα)*, и сын его Константин – 39 лет *(καὶ ὁ τούτου υἱὸς Κωνσταντῆς ἔτη τριακονταεννέα)*, и сын его Георгий – 45 лет *(καὶ ὁ τούτου υἱὸς Γεώργιος ἔτη τεσσαρακονταπέντε)*, и сын его Леон – 10 лет *(καὶ ὁ τούτου υἱὸς Λέων ἔτη δέκα)*, и брат его Димитрий – 8 лет *(οὗ ὁ ἀδελφὸς Δημήτριος ἔτη ὀκτώ)*, и брат его Феодосий Слепой – 3 года *(καὶ ὁ τούτου ἀδελφὸς Θεοδόσιος ὁ τυφλὸς ἔτη τρία)*, и племянник его Антарнас Давид *(καὶ ὁ ἀνεψιὸς αὐτοῦ Ἀντάρνας Δαυΐδ)*. Затем воцарился составитель настоящего писания Баграт *(εἶτα ἐβασίλευσεν ὁ σημειωτὴς τῶν παρόντων Παγκράτιος)*...»[11].

---

[10] Агрба И.Ш. Абхазское царство и Византия (VIII–X вв.). Сухум, 2011. С.134.

[11] Δοσίθεος, Πατριάρχης Ἱεροσολύμων. Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων. Ἡ Θεσσαλονίκη, 1983. Σ.124.

В документе, опубликованном Е. Такайшвили, список царей абхазов следующий: «Первым царем абхазов был Анос; вторым – сын его Гозар; третьим – сын его Иствинэ; четвертым – сын его Финиктиос; пятым – сын его Бакур; шестым – сын его Димитрий; седьмым – сын его Феодосий; восьмым – сын его Константин; девятым – сын его Феодор; десятым – сын его Константин; одиннадцатым – брат его Леон, который прожил в царствовании своем сорок пять лет; двенадцатым Феодосий, который прожил в царствовании своем двадцать семь лет, тринадцатым – брат его Димитрий, царствовавший тридцать шесть лет; четырнадцатым – брат их Георгий, который владел Агцупом в качестве старшего сына (наследника) и потому был назван Георгием Агцупским (Агцупели); он царствовал семь лет; пятнадцатым – сын Димитрия Баграт, царствовавший двенадцать лет; шестнадцатым – сын его Константин, царствовавший тридцать девять лет; семнадцатым – сын его Георгий, царствовавший сорок пять лет; восемнадцатым – сын его Леон, царствовавший десять лет; девятнадцатым – брат его Димитрий, царствовавший восемь лет; двадцатым – брат его Феодосий Слепой (Выжженный Глаз), царствовавший три года. И после сих царей угодно было Богу, и я, Баграт Багратид, сын блаженного Гургена и сын дочери Георгия, царя абхазского, покорил страну Абхазскую – материнское мое наследство. А сколько лет я проживу в своем царствовании, это ведает один Бог. А царствовал этот Баграт тридцать шесть лет, и после него царствовал Георгий тринадцать лет и пять месяцев»[12].

Грузинский исследователь предложил хронологию правления царей абхазов в следующем виде: Леон I (746–791), Феодосий II (791–818), Димитрий II (818–854), Георгий I (854–861), Баграт I (861–873), Константин III (873–912), Георгий II (912–957), Леон II (957–967), Димитрий III (967–975), Феодосий III (975–978), Баграт II (978–1014).

[12] Такайшвили Е.С. Диван абхазских царей.[Электронный ресурс]. URL: http://openlibrary.ge (дата обращения:18.02.2026).

В двух данных источниках прослеживается одна логика изложения, но с присутствием противоречий.

В списке присутствует один правитель по имени Леон в VIII в. В свою очередь, в «Летописи Картли» XI в. запечатлен момент образования Абхазского царства, где описывается, что в рассматриваемый VIII в. в Абхазии было два правителя с именем Леон. Леон I – как правитель, объединивший этнополитические образования: абасгов, апсилов, мисимиан, санигов, и создатель единого государства. После Леона I править страной начал его племянник Леон II: «Когда же ослабли греки, отложился от них эристав абхазский по имени Леон, племянник эристава Леона, которому была дана в наследство Абхазия...»[13].

Интересную, но спорную гипотезу относительно личности правителя Леона, жившего в VIII веке, выдвинула историк Гиули Аласания в своей статье «К вопросу о личности создателя Абхазского царства» (On the Personality of the Creator of the Abkhaz Kingdom)[14].

Автор утверждает, что в указанный период существовал только один правитель по имени Леон, который не имел абхазского происхождения, а был племянником византийского императора Льва III Исаврийского. По версии исследовательницы, этот Леон сумел создать царство благодаря династическому браку, женившись на Гурандухт, дочери царя Мира.

Одним из ключевых тезисов Аласания является интерпретация данных «Летописи Картли». Она полагает, что упоминание в источнике «второго Леона» не следует понимать как «Леон II», поскольку в летописи отсутствуют другие примеры нумерации царей.

Однако данная версия представляется уязвимой для критики. Концепция исследовательницы не лишена внутренних

---

[13] Летопись Картли. Пер. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 48.

[14] lasania G. On the Personality of the Creator of the Abkhaz Kingdom // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. 2007. Vol. 175, № 3. P. 155.

противоречий, а её аргументация в ряде аспектов расходится со сведениями первоисточников. Главное противоречие кроется в хронологических рамках, которые предлагает сама же Аласания. Признавая, что Леон правил начиная с 40-х годов VIII века и вплоть до конца столетия, она фактически отводит ему более чем полувековой срок пребывания у власти (около 60 лет). В рассматриваемый исторический период, характеризующийся низкой продолжительностью жизни даже среди высшей знати, предположение о том, что правитель оставался на троне на протяжении даже шести десятилетий, выглядит крайне неправдоподобным. Этот хронологический нонсенс ставит под сомнение состоятельность гипотезы в целом.

По мнению Н.В. Касландзия, рождение Леона II произошло не ранее 60-х годов VIII в., так как династический брак одного из представителей дома владетельных князей Абхазии с дочерью хазарского кагана, скорее всего, кагана Багатура произошёл в 50-х – начале 60-х гг. VIII в.[15]

Важно отметить, что источник «Диван абхазских царей» является неполным по своему содержанию. Причина отсутствия в нем упоминаний Леона I или Леона II кроется в самом периоде создания источника и, возможно, связана с личностью царя Баграта II. Расхождения в датировках, представленных в «Диване», затрудняют установление точных периодов правления абхазских царей.

Однозначно определяется продолжительность правления царя Баграта II, составляющая 36 лет. Однако датировки начала и конца его царствования разнятся. Одним из ключевых свидетельств для датировки правления абхазского царя Баграта II является сообщение Иерусалимского патриарха Досифея II (Нотары). В своем труде он прямо указывает: «Начал же

[15] Касландзия Н.В. Генезис Абхазского царства. Сухум, 2015. С.110.

царствовать сей Панкратий (Баграт) в Абхазии в лето 6500-е» (ἤρξε δὲ ὁ Παγκράτιος οὗτος ἐν Ἀπχαζίᾳ κατὰ τὸ ἐξακισχιλιοστὸν πεντακοσιοστὸν ἔτος)[16]. При переводе этой даты на современное летоисчисление необходимо учитывать византийскую эру от Сотворения мира, согласно которой 6500 год соответствует 992 году н. э. (при вычитании 5508 лет для событий, произошедших в осенне-зимний период). Данное свидетельство позволяет достаточно точно локализовать начало его единоличного правления. Тем не менее эти данные вызывают сомнения при обращении к «Летописи Картли». Согласно этому источнику, смерть царя Баграта II датируется 1014 г.: «...царствовал тридцать шесть лет и, увенчанный прекрасной сединой, преставился в хроникон двести тридцать четвертый...»[17]. Таким образом, на основе «Летописи Картли» период правления Баграта II следует исчислять с 978 по 1014 год, что вступает в противоречие с данными патриарха Досифея. Историк-кавказовед К.Л. Туманов (1900–1981), в своем исследовании *«Chronology of the Kings of Abasgia»* («Хронология царей Абасгии») также пришел к выводу, что период правления абхазского царя Баграта II относится к 978 – 1014 гг.[18]

Следующее разночтение касается царя Георгия I. В труде патриарха Досифея II (Нотара) данный правитель отсутствует вовсе, тогда как в рукописи, обнаруженной Е. Такайшвили указано, что Георгий I занимал престол в течение семи лет. Вахушти Багратиони определил годы правления царя Георгия I 845–877, то есть 32 года правления, что противоречит данным перво-

---

[16] Δοσίθεος, Πατριάρχης Ἱεροσολύμων. Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων. Ἡ Θεσσαλονίκη, 1983. Σ.124.

[17] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Пер. Г.А. Амичба. Сухум, 1986. С.32.

[18] Toumanoff C. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucasie chrétienne (Arménie – Géorgie – Albanie). Rome, Edizioni Aquila, 1976. P.51-54.

источника[19]. Е. Такаишвили определил годы правления Георгия I 854 – 861 годами[20].

К.Л. Туманов придерживался мнения о том, что Георгий I правил с 871/2–877/8[21].

Следующим уязвимым местом источника является отсутствие факта узурпации царского престола в IX в., после смерти царя Георгия I. Абхазский трон был занят Иоанном Шавлиани, который взял в жены вдовствующую царицу, супругу Георгия I.

Вахушти Багратиони в своем труде «История царства Грузинского» утверждал, что Иоанн Шавлиани являлся сыном Георгия I: «После же царя Георгия царем стал сын его Иоанн»[22]. Однако отсутствие источников не позволяет сделать окончательный вывод по данному вопросу.

Н.В. Касландзия утверждала, что государственная власть и ношение царского титула могли быть признаны только за представителями правящей династии[23]. Иоанн Шавлиани узурпировал власть в Абхазском царстве, скорее всего, он имел непосредственную связь с правящей династией.

Проведенный анализ исторических источников и историографических трудов, посвященных хронологии абхазских царей из династии Леонидов, позволяет сформулировать ряд ключевых положений, имеющих значение для дальнейшего изучения данной проблемы.

---

[19] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Пер. Г.А. Амичба. Сухум, 1986. С.52.

[20] Такайшвили Е.С. Диван абхазских царей.[Электронный ресурс]. URL: http://openlibrary.ge (дата обращения:18.02.2026).

[21] Toumanoff C. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucasie chrétienne (Arménie – Géorgie – Albanie). Rome, Edizioni Aquila, 1976. P.51-54.

[22] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Пер. Г.А. Амичба. Сухум, 1986. С.53.

[23] Касландзия Н.В. Генезис Абхазского царства. Сухум, 2015. С. 147.

Центральным источником по генеалогии династии является «Диван абхазских царей», составленный царем Багратом II. Важно понимать, что этот памятник представляет собой не просто хронологический список, а политический манифест. Его главной целью было обоснование законных прав Баграта II, представителя династии Багратидов по отцу, на абхазский престол как наследника своей матери Гурандухт. Это изначально определяет тенденциозность документа и объясняет многие его умолчания и особенности структуры.

В этой связи значение приобретает проблема двух версий «Дивана». Сравнительный анализ греческой версии, сохранившейся в работе патриарха Досифея II (Нотары), и грузинской версии, обнаруженной в рукописи иеромонаха Германа, подтверждает их общее происхождение, но фиксирует разночтения как в передаче царских имен, так и в продолжительности правлений отдельных монархов. Гипотеза о существовании двух параллельных аутентичных текстов – греческого и грузинского, представляется наиболее убедительной и требует дальнейшего текстологического изучения для выявления первоначальной основы.

Основной сложностью для исследователей остаются значительные хронологические расхождения. Ключевой пример – начало правления самого Баграта II: данные патриарха Досифея вступают в прямое противоречие со сведениями «Летописи Картли» и расчетами, основанными на дате его смерти. Это ставит под сомнение точность греческой хронологии, предложенной Досифеем, и заставляет отдавать предпочтение синхронизации данных «Дивана» с другими нарративными источниками.

Кроме того, «Диван» содержит существенные информационные лакуны, что ограничивает его использование для полной реконструкции истории династии. В нем отсутствует упоминание о Леоне II, что противоречит «Летописи Картли», где прямо говорится о двух правителях в VIII веке с именем Леон. Также в

списке полностью проигнорирован период узурпации престола в IX веке, что является прямым следствием политической задачи Баграта II – показать непрерывную легитимную линию от первого царя к себе, исключив «незаконных» правителей.

Приложения

Табл.1

«Диван абхазских царей» в интерпретации разных авторов[24]

Генеалогия абхазских Леонидов	«Диван»	Вахушти Багратиони	Е. Такайшвили	К.Туманов
Леон I	—	735-786 гг.	—	736-766/7
Леон II	45 лет	786-806 гг.	746-791 гг	766/7-810/11
Феодосий II	27 лет	806-845 гг.	791-818 гг.	810/11-836/7
Дмитрий II	36 лет	—	818-854 гг.	836/7-871/2 гг.
Георгий I	7 лет (у Досифея опущен)	845-877 гг.	854-861 гг.	871/2-877/8 гг.
Иоанн	—	877-879 гг.	—	877/8-879 гг.
Адарнас	—	879-887 гг.	—	879-887 гг.
Баграт I	12 лет	887-906 гг.	861-873 гг.	887-899 гг.
Константин III	39 лет	906-921 гг.	873-912 гг.	899-915/6 гг.
Георгий II	45 лет	921-955 гг.	912-957 гг.	915/6-959/60 гг.

[24] Примечание: В таблице приведено сравнение древнегреческой и грузинской версий «Дивана абхазских царей», а также хронология по Вахушти Багратиони и К.Л. Туманову.

Леон III	10 лет	955-957 гг.	957-967 гг.	959/60-968/9 гг.
Дмитрий III	8 лет	957-975 гг.	967-975 гг.	968/9-975/6 гг.
Феодосий III	3 года	975-985 гг.	975-978 гг.	975/6-978 гг.
Баграт II	36 лет (у Досифея опущен)	985-1014 гг.	978-1014 гг.	978-1014 гг.

Табл.2

Хронология правления царей Абхазии из династии Леонидов по данным «Истории иерусалимских патриархов» Досифея II (Нотара).

Греческий текст	**Русский перевод**
1. πρῶτος Βασιλεὺς Ἄνος	Первый царь Анос
2. εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Γόζαρ	затем сын его Гозар
3. εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Ἰουστινιανός	затем сын его Юстиниан
4. εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Φιλικτός	затем сын его Филиктиос
5. εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Καπαρουκή	затем сын его Капаруке
6.εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Δημήτριος	затем сын его Димитрий
7. εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Θεοδόσιος	затем сын его Феодосий
8.εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Κωνσταντῆς	затем сын его Константин
9.εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Θεόδωρος	затем сын его Феодор
10.εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Κωνσταντῆς	затем сын его Константин
11.εἶτα ὁ τούτου ἀδελφὸς Λέων ἔτη τεσσαράκοντα καὶ πέντε	затем брат его Леон – 45 лет
12.εἶτα ὁ τούτου υἱὸς Θεοδόσιος ἔτη εἰκοσιεπτά	затем сын его Феодосий – 27 лет
13.εἶτα ὁ τούτου ἀδελφὸς Δημήτριος ἔτη τριακονταέξ	затем брат его Димитрий – 36 лет
14.εἶτα ὁ τούτου ἀδελφὸς Γεώργιος	затем брат его Георгий
15.εἶτα ὁ τοῦ Δημητρίου υἱὸς Παγκράτιος ἔτη δώδεκα	затем сын Димитрия Баграт – 12 лет

Греческий текст	Русский перевод
16.καὶ ὁ τούτου υἱὸς Κωνσταντῆς ἔτη τριακονταεννέα	и сын его Константин – 39 лет
17.καὶ ὁ τούτου υἱὸς Γεώργιος ἔτη τεσσαρακονταπέντε	и сын его Георгий – 45 лет
18.καὶ ὁ τούτου υἱὸς Λέων ἔτη δέκα	и сын его Леон – 10 лет
19.οὗ ὁ ἀδελφὸς Δημήτριος ἔτη ὀκτώ	и брат его Димитрий – 8 лет
20.καὶ ὁ τούτου ἀδελφὸς Θεοδόσιος ὁ τυφλὸς ἔτη τρία,	и брат его Феодосий Слепой – 3 года
21. καὶ ὁ ἀνεψιὸς αὐτοῦ Ἀντάρνας Δαυΐδ.	и племянник его Антарнас Давид
22. εἶτα ἐβασίλευσεν ὁ σημειωτὴς τῶν παρόντων Παγκράτιος	затем воцарился записавший список Панкратий (Баграт)

Литература

Источники

1. Летопись Картли / пер. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1982.

2. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / пер. Г.А. Амичба. Сухум, 1986.

3. Δοσίθεος, Πατριάρχης Ἱεροσολύμων. Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων. Ἡ Θεσσαλονίκη, 1983.

Монографии

4. Агрба И.Ш. Абхазское царство и Византия (VIII–X вв.). Сухум, 2011.

5. Амичба Г.А. Историческая антропонимия абхазов. Сухум, 2010.

6. Анчабадзе З.В. Избранные труды в двух томах. История и культура древней Абхазии. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв). Сухум, 2010.

7. Касландзия Н.В. Генезис Абхазского царства. Сухум, 2015.

8. Рамазанова Д.Н. «История Иерусалимских патриархов» Досифея в русской культуре XVIII–XIX вв. // Россия и Христианский Восток. М., 2010. Вып. IV–V.

9. Такайшвили Е.С. Диван абхазских царей.[Электронный ресурс]. URL:http://openlibrary.

10.Brosset M.-F. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle. St.-Pétersbourg, 1858.

11. lasania G. On the Personality of the Creator of the Abkhaz Kingdom // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. 2007. Vol. 175, № 3.

12. Toumanoff C. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucasie chrétienne (Arménie – Géorgie – Albanie). Rome, Edizioni Aquila, 1976.

ДЖАПУА А.Э.,
ст. лаб.кафедры истории, археологии
и этнологии Абхазии

ИЗ ИСТОРИИ РЕПАТРИАЦИИ АБХАЗСКИХ МАХАДЖИРОВ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ОСМАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1860 – 1880 ГГ.)

Аннотация: *Статья посвящена исследованию попыток репатриации абхазских махаджиров в 1860–1880-х годах в контексте геополитического противостояния Российской и Османской империй. В отличие от традиционной историографии, фокусирующейся на процессе выселения, в работе детально анализируется обратное движение – стремление переселенцев вернуться на историческую родину. Рассматриваются политические, юридические и бюрократические механизмы, созданные обеими империями для предотвращения репатриации: паспортный режим, потеря подданства, консульский контроль, раздача покинутых земель новым переселенцам. Особое внимание уделяется роли тайной (нелегальной) репатриации, условиям перевозки на «кораблях смерти» (на примере трагедии кочермы «Агиос-Петрос»). Статья подчёркивает актуальность исторического опыта для понимания современных процессов репатриации.*

Ключевые слова: *Махаджирство, репатриация, депортация, Российская империя, Османская империя, Кавказская война, XIX век, геополитика, переселенческая политика, нелегальная миграция, паспортный режим, абхазская диаспора.*

Abstract: *The article examines the attempts of Abkhaz Muhajirs to repatriate during the 1860s–1880s within the framework of the geopolitical rivalry between the Russian and Ottoman Empires. Unlike traditional historiography, which focuses primarily on the process of emigration, this study details the return movement—the settlers' desire to regain their ancestral homeland. The author analyzes the political, legal, and bureau-*

cratic mechanisms established by both empires to prevent repatriation: passport regimes, loss of citizenship, consular control, and the redistribution of abandoned lands to new settlers. Special attention is paid to the role of clandestine (illegal) repatriation and the dire conditions of maritime transport (exemplified by the tragedy of the "Agios Petros" kocherma). The article highlights the relevance of this historical experience for understanding modern repatriation processes.

Keywords: *Muhajirism, repatriation, deportation, Russian Empire, Ottoman Empire, Caucasian War, 19th century, geopolitics, resettlement policy, illegal migration, passport regime, Abkhaz diaspora.*

Принудительное выселение абхазов в XIX веке стало результатом сложного переплетения геополитических, военных и социально-политических факторов. Это явление не было единовременным актом, а растянулось на несколько трагических волн. Историки выделяют несколько ключевых этапов исхода (1810 г., 1864 – 1867 гг., 1877 – 1878 гг.), которые в сумме привели к тому, что родину покинуло, по разным оценкам, от 135 до 300 тысяч абхазов. Эти данные могут быть как завышенными, так и заниженными в отдельных случаях. В любом случае у нас имеются лишь приблизительные сведения по указанным годам. Но уже никто и приблизительно не определит количество людей, унесённых другими «махаджирскими» годами – 1821, 1824, 1830, 1837, 1841.[1]

Трагедия махаджирства – насильственного или вынужденного переселения кавказских горцев в Османскую империю – представляет собой одну из наиболее болезненных страниц в истории абхазского народа. По оценкам исследователей, в результате переселенческого движения XIX века за пределами исторической родины оказались от 60% до 80% этнических абхазов, причинив «невосполнимый урон генофонду, языку,

[1] Салакая С.Ш. Махаджирство в Абхазии. История Абхазии (Курс лекций)/Гл. ред. А.М. Хашба. Сухум: Абхазский государственный университет, 2021. С. 231

традиционной культуре коренного этноса Абхазии».[2] Традиционная историография фокусировалась в основном на самом процессе депортации, его причинах и последствиях, тогда как попытки возвращения рассматривались как эпизодические и незначительные.

Масштабные депортации происходили во второй половине XIX века. Ключевым событием, предопределившим трагическую судьбу абхазского народа во второй половине XIX века, стало упразднение Абхазского княжества в 1864 году. После окончания Кавказской войны и пленения имама Шамиля российские власти приступили к ликвидации последних автономных образований на Северо-Западном Кавказе. Абхазское княжество, обладавшее ранее правами автономии в составе Российской империи, было преобразовано в Сухумский военный отдел, управлявшийся непосредственно военной администрацией.[3]

Одновременно с административными преобразованиями в Абхазии началось введение общероссийских социально-экономических реформ, в том числе крестьянской. Однако, как справедливо отмечал Георгий Шервашидзе, «чиновник и ближайшее начальство, которым было поручено введение реформы, не потрудились даже изучить условия сословных отношений страны. Дело в том, что в Абхазии не существовало де-факто крепостной зависимости. Народ никак не мог понять, от кого и от чего его «освобождают»[4]. 26 июля 1866 года на исторической площади Лыхнашта началось восстание, которое стремительно распространилось от Калдахуары до Цебельды и Сухума. В нем приняли участие до 20 тысяч человек. Однако силы были не-

[2] Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум:АбИГИ, 2018. С. 316

[3] Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухум: 1990. С.23

[4] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблема истории Абхазии XIX столетия». 2-е изд., допол. Сухуми: Алашара, 1982. С. 211.

равны, восстание было подавлено, а его предводителей казнили или отправили в ссылку[5].

Подавление Лыхненского восстания создало предпосылки для массового выселения абхазов. Российские власти, рассматривая коренное население как «ненадежных и вредных» элементов[6], стремились очистить Черноморское побережье для последующей колонизации. В этой стратегии важную роль сыграло взаимодействие с Османской империей, готовой принимать переселенцев.

Как следует из документов Кавказского горского управления, начиная с 1862 года по июнь 1865 года в Турцию переселилось до 180 тысяч душ из разных горских племен Западного Кавказа. Переселение совершалось с высочайшего соизволения, по согласии Порты на принятие переселенцев, под наблюдением российских властей и даже с пособием от правительства.[7]

В агитации за выселение активную роль играли турецкие эмиссары, действовавшие под прикрытием религиозных призывов. Идея единства мусульман перед лицом христианской державы, необходимость переселения в земли, управляемые единоверным султаном, активно внедрялась в сознание горцев. При этом, как показали дальнейшие события, обещания османских властей о предоставлении земли и помощи в обустройстве оказались в значительной степени фикцией. Кульминацией выселения стал 1867 год, когда «после депортации автохтонов «Малой Абхазии», Дала и Цабала, власти приступили к организованному…освоению «заброшенных» земель Абхазии».[8]

---

[5] Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухум.1990. С.25.

[6] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия». 2-е изд., допол. Сухуми: Алашара, 1982 . С.209.

[7] Цит.по Г.А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия». 2-е изд., допол. Сухуми: Алашара, 1982. С.285.

[8] Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум. 2010. С. 115

Первые месяцы пребывания в Османской империи обернулись для абхазских переселенцев жестоким разочарованием. Вместо обещанных плодородных земель и братского приема их ждали карантинные лагеря в анатолийских провинциях, антисанитария, голод и массовая смертность. Консульские отчеты из Трапезунда рисуют страшную картину: тысячи людей, высаженных с судов, ютились во временных укрытиях на побережье, не имея ни достаточного количества продовольствия, ни медикаментов, ни элементарных средств гигиены[9].

В этой ситуации закономерно возникло стремление вернуться назад – в Абхазию, где, несмотря на все тяготы, оставались родные очаги и могилы предков.

Первые стихийные попытки возвращения начались практически сразу. Люди пытались тайно нанимать суда, чтобы вернуться на покинутое побережье. Эти попытки, поначалу разрозненные и малочисленные, постепенно приобретали все более организованный характер, наталкиваясь при этом на жесткое противодействие как османских, так и российских властей.

Позиция российского руководства в вопросе о возвращении махаджиров определялась, прежде всего, геополитическими соображениями. Черноморское побережье Кавказа рассматривалось как стратегически важный регион, который следовало превратить в этнически надежный «русский берег»[10]. Присутствие здесь значительного коренного населения, сохранявшего связи с единоверной Турцией, представлялось военным властям угрозой.

Эта логика с предельной откровенностью сформулирована в письме наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича генерал-адъютанту Игнатьеву от сентября 1867 года: «Военные соображения, руководившие мною в 1863 г. и заста-

[9] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблема истории Абхазии XIX столетия». 2-е изд., допол. Сухуми: Алашара, 1982. С.220

[10] Документы истории Абхазии XVX–начало XX века.Тбилиси 2018. С. 63

вившие не только не препятствовать переселению горцев, но и поощрять в них тот фанатизм, побудивший все население Черноморского прибрежья к поголовному выселению, ныне не могут более иметь места»[11].

Начиная с середины 1860-х годов российские власти формируют систему законодательных запретов, призванных предотвратить возвращение махаджиров. Местное начальство получает указания «всеми мерами затруднять выезд» в Турцию и тем более обратный въезд из Турции.

Царские наместники на Кавказе однозначно квалифицируют махаджиров как «политически неблагонадежный элемент»[12], возвращение которого нежелательно и должно пресекаться. В документах подчеркивается, что выехавшие добровольно (пусть даже под давлением или под воздействием агитации) утратили право на возвращение, а их имущество и земли поступили в распоряжение казны.

Важнейшим фактором, делавшим возвращение невозможным, стал экономический – судьба покинутого имущества. Уходившим в Турцию «было запрещено продавать и всяким другим способом отчуждать всякого рода поземельную собственность»[13]. Таким образом, земли уехавших поступали в распоряжение казны. Эти же земли активно раздавались переселенцам из внутренних губернии России «исключительно из русской национальности»[14].

Этот процесс имел двоякую цель: с одной стороны, создать лояльное население в стратегически важном регионе, с другой – окончательно закрепить результаты «очищения», сделав возвращение прежних владельцев невозможным де-факто. К тому

---

[11] Дзидзариа Г.А.Махаджирство и проблема истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., допол. Сухуми: изд. Алашара, 1982. С. 244.

[12] Там же. С. 209

[13] Документы по истории Абхазии: XIX–начало XX века.Тбилиси 2018. С.54

[14] Там же. С. 74

времени, когда кто-то из махаджиров осознавал свое бедственное положение в Турции и пытался вернуться, его земли уже были заняты, дом разрушен или заселен другими людьми.

В системе мер, препятствовавших возвращению махаджиров, важнейшую роль играли российские консульские учреждения в Османской империи. Консулы в Трапезунде, Самсуне, Константинополе выступали в роли своеобразного фильтра, через который должны были проходить все прошения о возвращении.

Процедура подачи прошений была намеренно усложнена. Требовались документы, которых у переселенцев не было и не могло быть: подтверждения лояльности, свидетельства об отсутствии долгов и обязательств, доказательства законности выезда.

Османская империя занимала двойственную позицию в вопросе возвращения махаджиров. С одной стороны, официальная идеология подчеркивала исламскую солидарность и обязанность принимать единоверцев из утраченных мусульманских территорий. С другой стороны, прагматические соображения заставляли Порту препятствовать обратному переселению. Махаджиры рассматривались османскими властями как ценный ресурс: они заселяли пограничные районы, служили буфером между империей и ее потенциальными противниками, поставляли рекрутов в армию. Выпускать их обратно означало терять налогоплательщиков и солдат. Кроме того, массовое возвращение создало бы прецедент, способный вызвать нежелательные настроения среди остальных переселенцев. Махаджиры были приписаны к конкретным вилайетам (провинциям). Попытка передвижения к портам без внутреннего разрешения каралась арестом. Без турецкого разрешения на выезд российское консульство формально не могло принять человека для оформления визы.

Основным препятствием, делавшим легальное возвращение практически невозможным, стал паспортный вопрос. Россий-

ское законодательство требовало наличия документов, удостоверяющих личность и подтверждающих право на въезд.[15] У махаджиров, покидавших родину, чаще всего таких документов не было. Османские власти не выдавали им документов, которые признавались бы российской стороной.

Возникал замкнутый круг: для возвращения нужны были документы, которые невозможно было получить без содействия российских властей, а российские власти отказывались содействовать, ссылаясь на отсутствие документов[16]. Отсутствие паспорта в XIX веке было не просто бюрократической формальностью, а непреодолимым юридическим барьером, который превращал махаджиров в «людей вне закона» для обеих империй.

Согласно российскому законодательству того времени, массовое переселение в Турцию в 1867 году трактовалось как добровольный отказ от подданства Российской империи. Как только абхаз ступал на борт турецкого судна, он переставал быть подданным России. Для возвращения ему требовалась процедура «восстановление в подданстве», которая в условиях Кавказской войны и последующего надзора была крайне сложной. Без паспорта, выданного российским консулом в Турции, любое возвращение на берег Абхазии считалось незаконным переходом государственной границы.

Чтобы вернуться легально, махаджир должен был явиться в российское консульство в Трапезунде или Батуме и доказать свое право на возвращение. У большинства махаджиров не было на руках вообще никаких документов. Для подтверждения личности и прежнего места жительства в Абхазии, требовались свидетели, которые сами были в таком же положении беженцев. Рассмотрение прошения о выдаче паспорта могло

[15] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., доп. Сухуми: Алашара, 1982. С. 412.

[16] Там же. С.374

длиться годами, в течении которых люди умирали в лагерях от голода[17].

Отсутствие официального паспорта переводило попытку возвращения из разряда миграции в разряд военного преступления. Абхазы, задержанные на побережье Сухумского отдела без документов, автоматически подозревались в шпионаже в пользу Турции или в связях с турецкой разведкой[18].

Юридическая сложность заключалась и в том, что российское право того времени не рассматривало махаджиров как индивидуумов. Если у группы из 100 человек, высадившихся на берег, не было коллективного пропуска или индивидуальных паспортов, их не судили по отдельности. Вся группа признавалась «враждебным десантом», что давало право армии применять силу без разбирательств[19].

Без паспорта абхаз-махаджир оказывался в правовом вакууме. Для России он был «беглым бунтовщиком», не имеющим права на въезд, а для Турции – «дезертиром», не имеющим право на выезд. Это превращало возвращение в исключительно нелегальный процесс, где единственным документом была «взятка» капитану турецкой кочермы, а единственной гарантией – «удача» не встретить русский патруль на берегу.

Невозможность легального возвращения породила целую систему тайной репатриации. Основным каналом служил морской путь – наем небольших турецких судов (кочерм), которые за плату доставляли желающих к берегам Абхазии. Тайная высадка происходила обычно ночью, в малолюдных местах, вдали от постов береговой охраны.

---

[17] Дзидзария Г.А.Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., доп. Сухуми: Алашара, 1982. С. 374

[18] Дзидзария Г.А.Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., доп. Сухуми: Алашара, 1982. С. 412

[19] Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум: АбИГИ, 2018. С.292.

Турецкие судовладельцы, занимавшиеся этим опасным промыслом, руководствовались исключительно коммерческими соображениями. Для них перевозка махаджиров была выгодным, хотя и рискованным бизнесом. Плата взималась высокая, часто с людей, уже потерявших практически все имущество. Нередки были случаи обмана, когда капитаны, получив деньги, высаживали пассажиров на необитаемом берегу или вообще не довозили до места.

Судьба тех, кому удалось тайно вернуться на Родину, складывалась трагически. Российские власти проводили последовательную политику выдворения всех нелегально проникших в Абхазию лиц. Пойманных арестовывали, заковывали в кандалы и под конвоем отправляли обратно в турецкие порты.

Крайне редко встречались случаи, когда вернувшимся разрешали остаться. Это происходило при двух условиях: либо при переходе в православие, что автоматически делало человека «политически благонадежным»[20], либо при наличии личных заслуг перед администрацией, например, оказания важных услуг военным властям.

В некоторых случаях применялась компромиссная мера – разрешение остаться, но не в Абхазии, а в глубине России. Вернувшихся отправляли в Кубанскую область, на Ставрополье, в другие места, подальше от моря и от возможности новых контактов с Турцией. Эта практика разрывала последнюю связь с родиной: люди получали возможность жить в России, но не там, где жили их предки, не на земле, которая была для них родной, и оказывались обреченными на ассимиляцию и постепенную утрату идентичности.

Провал попыток возвращения в 1860-е годы имел далеко идущие последствия. Абхазы-махаджиры, убедившись в невозможности легального возвращения, а часто и в тщетности тайных

[20] Дзидзария Г.А.Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., доп. Сухуми: Алашара, 1982. С.209

попыток, оставались в Турции, пополняя ряды недовольных и озлобленных беженцев. Эта среда стала благодатной почвой для антироссийских настроений, которые с новой силой проявились во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Многие абхазы, выселенные в 1860-е годы или их дети, приняли участие в войне на стороне Турции, надеясь вернуться на родину с оружием в руках. Высадка турецкого десанта в Сухуме, временный захват Сухумской крепости (во многом по вине бездарного генерала Кравченко, бежавшего в горы) и последовавшее затем изгнание турок привели к жестоким репрессиям в отношении абхазского населения. Согласно царскому указу, абхазам запрещалось жить в центральной части Абхазии и вдоль побережья. Людей насильно сгоняли к берегу, где уже стояли турецкие корабли. Абхазские ученые оценивают общее число выселенных за весь период от 100 до 150 тысяч человек. Центральная часть Абхазии фактически опустела, и даже сегодня она остается малонаселенной.

Переселение осуществлялось на переполненных судах в антисанитарных условиях, что приводило к массовой гибели людей от болезней, голода и жажды. Свидетельства очевидцев рисуют ужасающие картины. Французский военный наблюдатель Александр Фонвиль писал: «...целые толпы переселенцев замерзали или их заносило снежными буранами, и мы часто замечали, проезжая, их кровавые следы. Волки и медведи разрывали снег и выкапывали человеческие трупы»[21].

Наиболее детальное описание ужасов морской перевозки сохранилось в связи с инцидентом с кочермой «Агиос-Петрос» в 1880 году. Судно под английским флагом, турецкое по принадлежности, под командованием шкипера-грека, приняло контрабандным образом в глухом месте Филос (где нет ни порта, ни

[21] Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг. Из записок участников-иностранца. Нальчик. Издание журнала «Адыги».1991.

таможни) 1200 абхазцев при официальной вместимости 200–400 человек. После десятидневного плавания судно прибыло не в Синоп, как значилось в документах, а в Батум. Комиссия, поднявшаяся на борт, «была поражена страшным зловонием, исходившим с судна», и увидела «зрелище, ужасающее: тысяча двести абхазцев, в числе которых было четверо мертвых, кишели на этом судне, как черви, переползая один через другого, так как ходить не было физической возможности. С некоторыми из прибывших на судно, от зловония сделалось дурно».

После окончания военных действий российская администрация проводила последовательную политику по недопущению возвращения высланных. В. Хамед-Троянский на основе архивных исследований установил, что российские власти «доказали свое нежелание разрешить реиммиграцию, ссылаясь на запрет возвратной миграции для мусульман»[22].

Этот запрет носил принципиальный характер и был закреплен на высшем уровне. Император Александр II лично отклонял прошения о возвращении, подозревая, что за ними могут стоять британские или турецкие интриги с целью спровоцировать новую войну на Кавказе.

Проблема возвращения махаджиров стала предметом сложного дипломатического противоборства между Россией и Османской империей. Обе державы использовали консульские каналы для мониторинга и регулирования миграционных потоков, стремясь использовать «человеческий ресурс» в своих интересах.

Османская империя, потратившая значительные средства на обустройство переселенцев и рассматривавшая их как важный демографический и военный ресурс, стремилась препятствовать

[22] Vladimir Hamed-Troyansky. Circassian refugees and the making of Amman, 1878-1914. [Электронный ресурс] (дата размещения 09.11.2024) https://www.researchgate.net/publication/320437984_Circassian_Refugees_and_the_Making_of_Amman_1878-1914 (дата обращения 07.02.2026)

обратному исходу. Г.А. Дзидзария подробно описывает случай 1880 года, когда несколько тысяч абхазов, бежавших во время войны 1877–1878 гг., попытались вернуться домой, но были задержаны на месяцы в Батуме османскими властями. Ситуация абхазских репатриантов усугублялась из-за Берлинского трактата 1878 года, который стал для абхазских махаджиров, находившихся в Батуме и его окрестностях, важнейшей юридической и жизненной вехой. По условиям этого трактата, Батумская область отходила к Российской империи, а жителям территорий, отошедших к России, давалось право выбора подданства. Махаджиры могли либо остаться и снова стать подданными императора, либо в течение трех лет переселиться вглубь Османской империи.

Российская администрация видела в батумских махаджирах угрозу. Батум стал своего рода «фильтрационным лагерем». Российские власти не хотели «ненадежных» и «вредных»[23] абхазов в новоприобретенном стратегическом порту. Им создавали условия, при которых остаться было невозможно. Под давлением как российских, так и турецких агентов из Батума в 1878-1880 гг. были вывезены десятки тысяч человек, их направляли дальше в Трапезунд, Самсун и Измит. Берлинский трактат фактический завершил формирование абхазской диаспоры, так как махаджиры были окончательно вытеснены вглубь Турции. Батум перестал быть для депортированных «дверью домой» и стал «вокзалом изгнания». А. Френкель в «Очерках Чурук-су и Батума» так описывал положение абхазских возвращенцев: «Абхазцы – это одно из больных мест Батума. Куда бы вы ни пошли везде можете встретить тощие и голодные фигуры этих несчастных людей, которые вследствие нашей оплошности в Сухуми были увезены турками сюда для того, чтобы потом бросить их на произвол судьбы! Действительно положение абхазцев было решительно

[23] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., допол. Сухуми:Алашара, 1982. С.209.

безвыходное: ни хлеба, ни работы, ни денег, ни приюта! Словом, предстояла голодная смерть сотням людей, страдавшим за чужие промахи»[24] .

Инцидент с кочермой «Агиос-Петрос» в августе 1880 года ярко иллюстрирует сложность дипломатической ситуации, сложившейся к этому времени. После высадки 1200 абхазцев на берег в Батуме возникла казусная ситуация: Турция не желала принимать их обратно, Россия – впускать.

Батумская таможня отказала шкиперу в разрешении высадить людей, так как судно не имело соответствующих документов, турецкий же консул не принял в этом никакого участья. «Бедные – сообщает газета «Дроеба» – оказались в безвыходном положении. 18 дней они находятся на корабле, там им тесно, они не укрыты от дождя, зноя, не имеют насущного хлеба. Говорят, что от голода уже погибло 10 человек».[25] Говоря о судьбе абхазских переселенцев, которые оказались в Батуме, корреспондент газеты «Голос» писал: «Судя по состоянию последней прибывшей партии, можно с уверенностью сказать, что многие из них не выдержат обратного путешествия на маленьких шхунах…»[26]. Ситуация с «Агиос-Петрос» стала одним из факторов, заставивших обе империи пересмотреть политику в отношении возвращенцев и усилить пограничный контроль.

Возвращение абхазских репатриантов приняло настолько острый характер, что царская администрация вынуждена была пойти на уступки и обратиться с просьбой к турецким властям, чтоб те препятствовали абхазам возвращаться на родину. Наконец, правительство России в 1881 г. отменило Распоряжение,

---

[24] Френкель А.Очерки Чурук-су и Батума.Тифлис.1879. [Электронный ресурс] https://search.rsl.ru/ru/record/01003592625 (дата размещение 17.11.2017) (дата обращения 11.02.2026)

[25] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия». 2-е изд., допол. Сухуми: Алашара, 1982 – 530. С. 386.

[26] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия». 2-е изд., допол. Сухуми: Алашара, 1982 – 530. С. 388.

которое запрещало абхазам возвращаться в Абхазию[27]. Те, кому удавалось вернуться на Родину, не имели право селиться в центральных частях страны, в особенности в прибрежной зоне.

Несмотря на запреты и барьеры, возвратное движение приобрело значительные масштабы. По подсчетам В. Хамед-Троянского, за последнюю половину XIX века около 40 тысяч беженцев сумели вернуться на Кавказ[28]. Это позволяет говорить о формировании устойчивых механизмов нелегальной репатриации. Интересно, что иногда возвращенцам удавалось со временем легализоваться. В исключительных случаях, под давлением общественности, дипломатических обстоятельств или по экономическим соображениям, власти разрешали оседать тем, кто уже фактически проник на территорию империи. Так, с сентября по октябрь 1880 г. в Абхазию вернулось 867[29] махаджиров. По данным Г.Дзидзария, к 1881 году в Абхазию возвратилось 13 258 человек, что составляло 21 процент всего населения края.[30]

Репатриация абхазских махаджиров в 60 – 80-е годы XIX века представляла собой сложный, многоуровневый процесс, неудача которого была предопределена комплексом факторов.

Геополитическое противостояние двух империй создавало непреодолимые внешние барьеры. Россия, проводя стратегию «очищения» Кавказа, не желала возвращения «изменников», видя в этом угрозу стабильности и колонизационным планам. Турция, столкнувшись с лавиной беженцев и неспособная обе-

---

[27] Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум: АбИГИ, 2018. С. 309

[28] Vladimir Hamed-Troyansky. Circassian refugees and the making of Amman, 1878-1914 [Электронный ресурс] (дата размещения 09.11.2024) https://www.researchgate.net/publication/320437984_Circassian_Refugees_and_the_Making_of_Amman_1878-1914 (дата обращения 07.02.2026)

[29] Дзидзария Г.А.Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия». 2-е изд., допол.Сухуми: Алашара, 1982 – 530 . С. 394

[30] Там же. С. 396

спечить им обещанные условия, тем не менее стремилась удержать их как демографический и военный ресурс.

Дипломатическая игра, консульский контроль и усиление пограничных режимов делали легальное возвращение практически невозможным. Внутренняя политика обеих держав по отношению к мигрантам носила последовательно инструментальный характер. Ни та, ни другая империя не рассматривали абхазов как народ, обладающий неотъемлемым правом на родину или на достойные условия существования. Правовые системы обеих империй были ориентированы на контроль, фильтрацию и использование человеческих ресурсов, а не на защиту прав перемещенных лиц.

Ужасающие условия перевозки на «кораблях смерти» (подобных «Агиос-Петрос»), эпидемии, голод на новом месте, конфликты с местным населением в Турции; разруха, запрет на проживание в родных местах, подозрительность властей и статус «нелегалов» в Абхазии – таков был удел большинства вернувшихся. Те, кому удавалось прорваться через имперские барьеры, оказывались лишенными имущества, прав и привычной социальной среды на родине.

Сравнительный анализ политики двух империй показывает, что, несмотря на все различия в целях и методах, их объединяло имперское видение мира, в котором судьбы малых народов были лишь разменной монетой в большой геополитической игре. Абхазы, как и другие народы Кавказа, оказались заложниками этого противостояния.

Опыт возвратного движения XIX века сохраняет актуальность для понимания современных процессов репатриации. Потомки махаджиров, возвращающиеся в Абхазию сегодня, сталкиваются с некоторыми схожими проблемами: трудности адаптации, жилищная неустроенность, культурный разрыв, не всегда оправданные ожидания. Изучение исторического опыта может помочь в выработке более эффективной государственной политики, учитывающей не только демографические, но и гуманитарные аспекты репатриации.

Таким образом, неудача репатриационного движения 60 – 80-х годов XIX века была обусловлена не только конкретными действиями России и Турции, но и самой логикой имперского мышления, для которого «человеческий материал» был лишь средством, а не целью. Преодоление этого наследия – задача не только исторической науки, но и современной политики, призванной восстановить историческую справедливость и обеспечить достойные условия для возвращения потомков махаджиров на землю предков.

Литература

1. Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век) Сухум: АбИГИ, 2018.

2. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX – XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010.

3. Дзидзария, Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия / Г. А. Дзидзария. 2-е изд., допол. Сухуми: Алашара, 1982.

4. Документы по истории Абхазии: XIX – начало XX века. Тбилиси, 2018.

5. Лакоба, С.З. Очерки политической истории Абхазии / С.З. Лакоба. – Сухум, 1990.

6. Салакая С.Ш. Махаджирство в Абхазии / Ш. Ш. Салакая // История Абхазии (Курс лекций) / гл. ред. А.М. Хашба. Сухум: Абхазский государственный университет, 2021.

7. Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг. Из записок участника-иностранца / А. Фонвиль. Нальчик: Адыги, 1991.

8. Френкель А. Очерки Чурук-су и Батума / А. Френкель. Тифлис, 1879. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003592625 (дата размещения: 17.11.2017). (Дата обращения: 11.02.2026).

9. Hamed-Troyansky, Vladimir. Circassian refugees and the making of Amman, 1878-1914 / Vladimir Hamed-Troyansky.

СМЫР С.А.,
апроф. Гь.А. Амҵба ихьз зху
акабинет алаборант еиҳабы

АҚЫҬА КӘЛАНЫРХӘА АҬОУРЫХ АҠНЫТӘ

Аннотациа: *Аҧаамҭа азкуп ажәытә аҧсуа қыҭа аҭоурых. Иаагоуп археологиатә усурақәа раан иаарԥшыз аматериалқәа. Иарбоуп ақыҭа иалиааз иналукааша аӷарауаа, аҟазара аусԥҵәа рырҿиаратә мҩа. Иазаатԥылоуп Аҧсны адаҟьа еиқәаӷәа раан зыҧсадгьыл ахьчараз зхы иамеигәаз аибашьцәа рлагала. Ақыҭанхамҩа иахьатәи аҭагылазаашьа, аҿиара змоу анаплакқәа.*

Ихадоу ажәақәа: *Кәланырхәа, ақыҭа, аҿыбԥаҟазара, азахәааазара.*

Аннотация: *Данная статья посвящена истории абхазского села Куланырхуа. Приведены сведения материалов, найденных при археологических раскопках. Особое внимание уделено выдающимся личностям – ученым, деятелям искусств, выходцам из Куланырхуа. В работе рассматриваются тяжелые дни Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) и Отечественной войны народа Абхазии (1992-1993 гг.). В статье охарактеризованы нынешнее состояние сельскохозяйственной деятельности и пути развития.*

Ключевые слова: *Куланырхуа, село, всадничество, виноградарство.*

Abstract: *This article is devoted to the history of the Abkhaz village of Kulanyrkhua. The information of materials found during archaeological excavations is given. Special attention is paid to outstanding personalities – scientists, artists, natives of Kulanyrkhua. The paper examines the difficult days of the Great Patriotic War (1941-1945) and the Patriotic War of the people of Abkhazia (1992-1993). The article describes the current state of agricultural activity and development paths.*

Keywords: *Kulanyrkhua, village, horse riding, viticulture.*

Аԥсны астнологиатә ҭцаарадырраҿы лымкаала ақыҭақәа рҭоурых разаатгылара иналукааша аҭыԥ ду амоуп. Ари аус аҿы имаҷым иҟаԥахьоу, ишаҳдыруа еиԥш, хаз шәкәны иҭыԥхьеит Лыхны, Дәрыԥшь уҳәа ақыҭақәа ирызку аусумҭақәа. Ари ахырхарҭа аҿиаразы Аԥснытәи аҳәынҭқарратә университет аҭоурыхтә факультет алагала даара иҳаракуп, избанзар астудентцәа роушьтымҭатә аттцаарадырратә усумҭақәа иахьиз иахьаазаз рқыҭақәа ирыдҳәалоуп.

Убас, инҭырҳәцааны иттцаам ақыҭақәа иреиуоуп Кәланырхәа. Хымпада, иҟоуп хаз иҭыцхьоу астатиақәа, аиҳарак урҭ зыдҳәалоу археологиа ауп.

Кәланырхәа ацанакуеит Гәдоуҭа араион, ақыҭа дуқәа рахь иахыцхьазалоуп. Ақыҭа ахьӡ ашьаҭа зыдҳәалоу Кәланаа (Кәланба) рыжәла ауп. Урҭ жәытәнатә аахыс Кәланырхәа инхон. Дара аамсҭацәан. Урҭ рыжәла зыжәлоу ауаа реиҳарашьақ Ҭырқәтәылаҟа иахыргеит.[1] Уажәы ари ақыҭаҿы Кәланаа нхазом, ишнымхо еиԥш Атрышбақәа, Аршҭаа уҳәа амҳацьырра ҟаланӡаа араҟа инхоз ажәлантәқәа.

Кәланырхәа иахьацанакуа аҭыԥ ҳәа иԥхьазоуп ашада Дәрыԥшь, Ачандара ақыҭақәа, амрагыларахь – Абҕархыкә, Дахәарҭа азиас, алада – Амшын аԥшаҳәа, амраҭашәарахь – Лыхны, Гәдоуҭа.

Кәланырхәа аҳаблақәа ааба рыла ишьақәгылоуп: Абгашара, Адеигәара, Аршҭа, Ачкыца, Осиаа рхәы, Ҭамкәаҷ игәашьа, Ҭасраҟәа, Цәышаа рхәы. Арҭ аҳаблақәа рхаҭа еихшоуп иҷыдоу ахьӡқәа змоу аҭыцқәа рыла.

Ақыҭа иалсуа азиасқәа иреиуоуп Гәдоу, Зхыда, Чалтакәар, Азага зиас, Зышта, Заҕьра.

Иахьа Кәланырхәа инхо ажәлантә еилазаарала акыр еилаԥсоуп: Агрба, Ашьӡба, Аргәын, Быҭәба, Воуба, Гәлиа, Дармаа, Есаа (Чамаа), Қаԥшь, Лакрба, Нодараиа, Осиа, Ԥлиа, Смыр, Сақаниа, Ҭраԥшь уҳәа.

[1] Ақашьба Гьаргь, Кәланырхәа, 22.08.2018 ш.

Ҟәланырхәа ақыҭа азқьышықәсақәа инарзынаԥшуа ауаӧы ихандеира ахьыҟаз ҭыԥны иҟоуп. Уи дырцабыргуеит археологиатә ԥшаарақәа рылԥшәақәа. Иазгәаҭатәуп, иахьагьы машәырла ишааԥшуа зыхә ҳараку ажәытә материалқәа. Урҭ рыҭцаара археологиа аҽаԥхьа иазышьҭоу ус дууп. Ҟәланырхәа археологиатә баҟақәа раартра зыхьз адҳәалоу, иара ари ақыҭаҽы ииз иаазаз, еицырдыруа раԥхьатәи аԥсуа археолог Михаил Мамеҭ-иԥа Ҭраԥшь иоуп. Уи иааиртит жәаӧа ҳаҭгәын зцазкуа ажәытә ԥсыжра. Ари абаҟа аҵыда ҟазшьа аанахәон, раԥхьаз акәны ӧ-культурак (аҭыпантәи колхидатәи, аӧбатәи аскифтәи) реилазаара ахьыҟаз иабзоураны. Иазгәаҭатәуп, 1951 ш. Михаил Мамеҭ-иԥа аибашьра дузза ихганы, Қарҭ ихьчоит идиссертациа «Ҟәланырхәатәи ажәытә ԥсыжырҭа» ҳәа хьзыс измаз, аҭоурыхтә наукақәа ркандидат ҳәа ахьзгьы даԥсахоит, 1962 ш. уи хаз шәҟәны иҭыҵуеит.[2]

Ҟәланырхәа аҭоурых ашәышықәсақәа иргәылсны ишаауа атәы арҵабыргуеит, Ачкаҵа аҭыԥ аҽы иахьагьы зыҭзақәа еиқәханы иҟоу ауахәама. Археологиатә ԥшаарақәа мӧаԥырымгацт, аха аҵарауаа ишазгәарҭо ала уи VIII-X ашә. ирытцанакуеит.[3]

70-тәи ашықәсқәа рзы Иу.Н. Воронов Аԥьра ҳәа иахьашьҭоу аҳаблаҽы иаарԥшыз ӧынтәтәи аԥсыжра иазку аҳаԥшьа ҭитаауеит. Зызбахә ҳамоу аԥсыжырҭа ҳ.ԥ.ҟ. VIII ашә. актәи азбжа иатцанакуеит. Араҟа иҵәаҕәаз амхы аҽы иԥшаауеит ҳ.ԥ.ҟ. IX-VII ашә. ирытцанакуа аиланхарҭа иадҳәалоу аматәаркәа акыр.

2002 ш. Адеигәара аҳаблаҽы археологцәа Шенкао Н.К., Ҷьопуа А.И. ихьшәоу антика иатцанакуа аԥсыжырҭа ҭыртцаит. Иара абри ашықәсан, Осиаа рхәы ҳәа иахьашьҭоу аҭыԥ аҽы иаарԥшын аԥсыжырҭақәа. Шықәсык ашьҭахь уи аҭцааразы рнапы адыркуеит Аԥсны аҭоурых-культуратә ҭынха аиқәырхара ахеи-

[2] Шамба Г.К. Михаил Ҭраԥшь. Аҟәа 1978.Ад. 14-20

[3] Сақаниа С.М., Требелева Г.В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Т.1. Магнитогорск, 2019. С. 94-95

лак еиҽнакааз аекспедициа. Урҭ русурақәа рыбзоурала иԥшаан ҳ.ц.ҟ. I азқьа. аԥьаз аамҭа иатҵанакуа аиланхарҭа.[4]

2001-2008 аш. рзы имҩаԥгаз археологиатә ԥшаарақәа раан иаартын ҩ-аамҭак ирыҵанакуа аиланхарҭақәа рышьаҭақәа, иара убас антика аамҭа иашьашәалоу аа-ԥсыжырҭак. Аҵарауаа ироуз аматериалқәа рхархәарала иҟарҵеит анаҩстәи алкаақәа: заатәи аԥьаз аамҭа инаркны Ҟәланырхәа нхарҭа ҭыпс ишрымаз ашәарыцареи, аԥсыӡкреи, адгьылақәаарыхреи, аԥьакхыш аршреи, аиха артәареи, акыцлых аус адулареи знапы рылакыз ажәытә аԥсуаа рхылҵшьтра иахәҵаку ажәлантә хеидкыла.[5] Арҭ аусурақәа мҩаԥган иара ақыҭаҿы инхо археолог Хонзиа Зураб Гьаргь-ипа инапхгарала. Иазгәаҭатәуп, аҵарауаҩ иаартрақәа ирылҵшәаны иҟалеит икандидаттә диссертациа «Археологические памятники села Куланырхуа и его окрестностей». Аҭоурыхтә ҭҵаарадыррақәа ркандидат ахьз аиуразы Хонзиа З.Гь. адиссертациа ихьчеит 2023 шықәсазы.[6]

Хыхь ишазгәахҭаз еицш, аԥсуа археологиа аҿиараҿы рлагала дууп ҟәланырхәаа рҧеицәа Михаил Мамеҭ-ипа Ҭраԥшьи Зураб Гьаргь-ипа Хонзиеи, аха иазгәаҭатәуп ари ақыҭа иалиааз аетнологиатә ҭҵаарадырраҿы зышьаҭа ҕьацаза иаанзыжьыз Аргәын Иура Гәдиса-ипа. Иара арҵаратәи ауааӡәларратәи усурақәа еилеигӡон. Дыруаӡәкуп аҳәаанырцә иҟоу ҳҧьынҧьуаа реимадара «Аԥсадгьыл» захьӡу аиҿкааҩцәа. Дахаҭарнакын Жәларбжьаратәи Ачеркесцәа рассоциаиция. «Мыкәашҭеи» «Лыхнашҭеи» аныҳәақәа реиҿкаара шьаҭаркҩыс дыҟан. Инапы иҧҵеит 200 инареиҳаны аҭҵаарадырратә усумҭақәа. Дахьымӡеит аҭоурыхтә ҭҵаара-

[4] Бжания В.В, Бжания Д.С., Хондзия З.Г., Агумава А.С. Погребальный комплекс Осиа-рху в селе Куланырхуа. Абхазоведение. Выпуск III. Сухум, 2004.Ад. 30-31

[5] Хондзия З.Г. История археологического изучения села Куланырхуа. Абхазоведение. Выпуск VII. Сухум, 2012.Ад. 45

[6] Хондзия З.Г.Археологические памятники села Куланырхуа и его окрестностей: автореф. дисс.канд.ист. наук: 07.00.06. Сухум, 2022.

дыррақәа адоктор ахьз аиуразы идиссертациа «Абхазская диаспора: историко-этнографическое исследование» ахьчара. Иусумҭақәа ахархәара ду рымоуп аҧсуа етнологиа алекциақәа раҧхьараҿы, иара убас аҭҵаарадырратә усумҭақәа рыѽраан.

Ҟәланырхәа аҭоурыхтә даҟьақәа иреиуоуп Аҧсны Асовет мчра ашьақәыргыларазы зхы-зыҧсы иамеигъоз Смыр Гәдиса ихаҭара. Гәдиса асоциалтә еиҟарамра аҵыхәтәа аҧҵәаразы, 1918-1921 ашықәсқәа рзы Аҧсны Асовет мчра аиааира аргаразы иналукааша анхаҵәа-ақәпаѽцәа дреиуан. Гәдиса иара убас дышьхауаѽын, дшәарыцаѽ ҟазан. Дшышәарыцозгьы ауп 1924 шықәсазы дыштахаз, Дамхәырци Мамхәырци ирхагылоу, уажәы Гәдиса ихра ҳәа изышьҭоу ахраҟны. Жәытәнатә аахыс ашәарыцаѽцәа дуқәа ирдыруан ашәарыцара аҵасқәеи ақьабзқәеи. Урҭ зегьы ирықәныҟәон. Ашәарыцаѽ ашьха дҭаханы ибаѽ рзымҧшаар – хьымзгын. Уи хьымзгын иҭаацәа рзын мацарагьы акәымкәа, ижәлатәқәеи иқыҭаууаи рызгьы. Гәдиса асыҧса даанахәан, дыштахаҵәкьоз аниба, илабашьа иикыз адгьыл иарсны, атымитыша дазцеит. Убри илабашьалоуп ибаѽ зларыҧшаазгьы. Аҧсра абла иҭаҧшуаз еимгеимцарак иалагъаны иҭахара аҵкьыс аҧсуа ихьзи-ихьымзги дрызхәыцны иҟаитаз, ажәларгьы ирылаҵәеит, ашәа зизырҳәазгьы еиҳарак убри азоуп.[7]

1930-1940 ашықәсқәа рзы Сталини Бериеи имѽаҧыргоз аполитика иахҟьаны Аҧсны аразкы знапы ианулараны иҟаз аҵеицәа хьзырҳәагақәа ҭахоит. Харада ахара рыдҵаны згәырҵҟәыл шьахәыз ақыҭақәа инарылганы иргон. Абас, ҟәланырхәаа 37-ѽык дырзит.

30-тәи ашықәс еиқәатҵәақәа иаанрыжьыз ахәрақәа мгьаҵкәа, аиҭаҷиара амѽа ианыҟәла ауп ианалага 1941 шықәсазы Аҧьыныцьтәылатә еибашьра Ду. Ҟәланырхәаа рҵеицәа 83-ѽык рыҧстазаара ҷахнаҵәеит ари аибашьра. Далҳамкаар залшом,

[7] Смыр Г.У. Смыр Гәдиса ашәа зихырҳәаазеи? Ажурнал «Амцабз», №2, 2004. Ад.11

Џьаҭ ҳәа зырҳәоз[8], зфырхаҵареи згәымшәареи рзы Аҧьынҵьтәылатә еибашьра ду аорденқәа I, II аԥаҙареи, «Аеҵәа ҟаҧшьи» занаршьаз, раҧхьатәи аҧсуа ҵырԥы Виктор Константин-иҧа Аргәын. Иара итаԥцәа ракәын, анаԥс зыхьҙ нагахас аҧырԥцәа: ԥынтәтәи Асовет Еидгыла Афырхаҵа аинрал-леитенант В. Попков, Асовет Еидгыла Афырхаҵа аинрал-маиор Г. Шадрин, аполковник А. Шишков. Лымкаала иалкаатәуп Аҧсны аҵеицәа: Мери Аԥҙцҳа, Азиз Агрба, Михаил Аҧьба, Шьаақьыр Иунусба, Шамиль Палба, Ҭемыр Иазычба уҳәа. Декабрмза 18, 1942 шықәсазы Виктор адҵа шыниагҙоз дҭахоит.[9] Иахьа, Виктор Константин-иҧа имоҭа Алхас дынхоит Москва. Уи иҧстазаара, иабду еиҧш, иадиҳәалеит аҳаирпланқәа. Раҧхьа аҳаирпланшәарыца (истребитель) дақәтәан, уажәы апассаҵьыртә ҳаирплан арныҟәцараҽы дыҟоуп.[10]

Аҧсны ақыртқәа рнапахьы ииаргар рҭахыижьтеи акраатцуан, рыгәтакы анагҙаразы 1992 шықәсазы нанҳәа 14 рзы Аҧсны иақәлеит. Аибашьра раҧхьатәи амшқәа инадыркны рабҧьар шьтыхны, рхы-рыҧсы иамеигҙа игылт ҟәланырхәаа рҵеицәа. 29-ԥык рыҧсадгьыл рхы ақәырҵеит, урҭ рыхьҙ наунагҙа хьтәы нбанла ианызаауеит Аҧсны аҭоурых адаҟьақәа рҽы. Ҟәланырхәаа 11-ԥык ирыхҵоуп «Афырхаҵа» ҳәа ахьҙ, «Агәымшәараз» - 79-ԥык, «Леон» иорден ранашьоуп 36-ԥык. Зыпсадгьыл зхы ақәызҵаз ҟәланырхәаа рҵеицәа рыхьҙ кашәара шақәым зырҵабыргуа абаҟа 1996 ш. ишьақәыргылан.

Ҭыпқ аҽы иаангылом аамҭа, уи ҳҽанрааланы агәыгра дуқәа адҳәаланы ҳшьаҽақәа еихаҳгоит ҳаргьы. Аҧсны ҵхьаҟатәи аҧеиҧш знапы ианулараны иҟоу аҽар раазараҽы аҭакҵхықәра ду рымоуп аҧсуа школқәа рырҵаԥцәа.

Иахьа, Ҟәланырхәа аус руеит абжьаратә школқәа ԥба: М.М. Ҭраҧшь ихьҙ зху ашкол № 1, аргылара ахы ацаркын 1930 ш.,

---

[8] Аргәын Родик Расим-иҧа, 1961, Ҟәланырхәа. 23.02.19 ш

[9] Тариа А.М. Первый летчик Абхазии. Сухум, 2004

[10] Аргәын Родик Расим-иҧа,1961, Ҟәланырхәа. 23.02.19 ш.

цшь-шықәса рышьтахь уи ашәқәа аартын раԥхьатәи атацәа рзы.[11]

Кәланырхәатәи абжьаратә школ № 2 аартра Даур Владимир-иԥа Ахба ихьз адҳәалоуп. Декабр 2, 1992 ш. иара инапхгарала иаатит, усҟан аитбыратәи акласскәа рҽы атара зтоз атацәа рхыԥхьазара назон 84-цык рҟынза. Ишьақәгылаз атрадициа бзиақәа ирыцтцо иахьа ашкол аԥстазаара ԥхьаҟа ицоит, араҟа еиҽкаауп аспорттә зал зых иақәиту аиқәпара аҽазыҟатцаразы. Аԥсныи анҭытцгьы ахәыҷқәа аԥхьахә тыпқәа ааныркылахьеит. Кәланырхәа ахьз атгара знапы иану иреиуоуп.

Ақытанхамца аганахь ала ҳахәаԥшуазар, Кәланырхәа аихьзарақәа рнацсгьы, аитахара ахьамоу ыҟоуп. Аламала акәымзар аԥш аарыхра иаҟәытцхьеит. Уи зыхҟьо ақытауаа ражәақәа рыла русеицуреи адгьыл аус адулареи рзеилагзом, еиҳа ирзыманшәалоуп руалафахәы ала аԥьармыкьа акынтә иаархәар. Арахәааза ра акәзар уи атагылазаашьа еиґьуп.

Хыхь зызбахә ҳамаз аихьзарақәа рышҟа ҳаиасуазар ҳазаатгылароуп азахәааза ра. Азахәааза ра аԥсуаа жәытәнатә аахыс рнапы злаку, бзиа ирбо қытанхамцоуп. Ари аус аҽиара аман Кәланырхәа ақытаҽгьы. Убас, XIX ашә. икьыцхьыз Баллас М.К. ишәкәы аҽы иарбоуп 3032 захәа шьапы ақыта Кәланырхәа ишеитаҳаз. Дрыхцәажәоит урт рыхккәагьы: «*Атпижъ:* ягоды черныя, тонкокожія, но вино сильно чернаго цвѣта. Распространенъ въ селеніяхъ Дзырхва и Куланурхва, Гудаутскаго участка.

Атасраква: ягоды черныя, даетъ вино чернаго цвѣта; встрѣчается въ изобилін въ урочищѣ Тасраква, Гудаутскаго участка.

Ахарданжъ: ягоды черныя, продолговатыя, вино очень хорошаго качества, распространенъ въ Аацахъ, Куланурхвѣ, Дзырхвѣ, Звандрыпшѣ и другихъ мѣстностяхъ Гудаутскаго участка.

Апю-жера: ягоды красноватыя. Урочище Рьюта, около Лыхны.

[11] Цәышба Асида Дырмит-иԥҳа, 1971, Кәланырхәа. 28.03.2021ш.

Акамшталъ (Акя-мушталъ, по мнѣнію некоторых», тождествен» съ Ажишкоко): ягода белая, средней величины, изъ него получается лучшее вино съ ароматом» муската, въ селеніяхъ Куланурхве, Анухвѣ и Аацы, Гудаутскаго участка».[12]

Иахьатәи аамҭа ҳалацәажәозар, Ҟәланырхәа инхоит Аргәынаа рҭаацәара абиԥарала еимдо аҳахәааҳара знапы алаку. 2014 шықәсазы еиҷыркааyеит а◌цара, иахьатәи аамҭа иашьашәало, Италиантәи иаагоу аматәахәқәа рыла и◌ычаны. 2015 шықәсазы аргыларақәа хыркәшаны аусура иалагоит «Аргәын иашҭа» захьӡу анаплакы. Араҟа итартәо а◌ы ахаҭабзиара Аԥсны анҭыц ахә ҳаракны иршьахьеит, уи зыртцабыргуа ашәҟәқәа ранаршьахьеит. Ишдыру еиԥш, аԥхын Аԥсны иатәааyеит хыԥхьаҳара рацәала аԥсшьа◌цәа. Аԥсабара аԥшӡареи, ачеиԥьыкеи урҭ рзы дара аинтерес амоуп. Аргәынаа р◌ыҟатцарҭа макьана хыԥхьаҳара рацәала аԥсшьа◌цәа рыдкыларазы ишазыхиамгьы, имачу гәыԥ-гәыԥла иатәааyеит. Абасеиԥш иҟоу аусм◌аԥгатәқәа ақытақәа рзы акырҵа ишьахәу акәны ҳахәаԥшуеит. Избанзар, 1) уи ақытауаа рзы аусурҭатыԥны ирзыҟалоит, ишдыру еиԥш иахьа аусура змам аҷәар рхыԥхьаҳара шырацәоу; 2) атыԥантәи ақытаалыц арҷиара, иҷыцу ам◌а анылара иазкуп, избанзар иахьатәи аамҭазы акырҵа ирацәоуп аҳәааныpцәантәи иаарго афатәқәеи аалыцқәеи; 3) иазгәаҳҭар ҳалшоит ақыта ахьӡ шыҳаракхо, хымпада уи итнажьо аалыц ахаҭабзиара шьақәыргәгәазар.

Ажәытәҳа инаркны аԥсуа жәлар рынхам◌аҷы, адгьыл ақәаарыхра еиԥш ацак ду аман арахәааҳарагьы, уи иахкуп аҷааҳара. Аԥсуа етнографцәа, археологцәа, аҭоурых◌◌цәа, абызшәадыр◌цәа, афольклортцаа◌цәа русумтақәа рҟны аҷы иадҳәалоу акыр азцаарақәа ирзаатгылахьеит. Иара убас аԥсуа шәҟәы◌◌цәа ҟа-

[12] Винодѣліе въ Россіи. (историко-статистическій очеркъ). Состлвилъ Михаилъ Балласъ. Часть II. Западное Закавказье. И зданіе департамента земледѣлія. С.-Петербургъ. Тіпографія В. Киршбаума, Дворц. Площ. д. М-ва Финансовъ.1896.[Электронный ресур].https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003938627/?ysclid=mmop7kvu1i781445671 (дата обращения 23.01.2026г.) Ад. 122-124

зара дула иахцәажәахьеит ҳажәлар рыпсҭазаара иузацрымхуа, рҿаԥыцтә рҿиамҭа иалаҵәоу аҽеи аҽеыбгаҟазареи.

Ақыҭа Ҟәланырхәагьы иамоуп ахатәы аҽеыбгаҟазара аҭоурых. Иахьагьы ажәлар ргәалашәараҿы иҟоуп аҽеырԥра азҟазацәа зыхьӡи зыжәлеи еидкыланы ирҳәо: Аԥӡба Мкан, Аргәын Анатоли, Воуба Даҭикәа, Воуба Руслан, Смыр Зааибеи, Цәышба Валикәа, Цәышба Мас. Арҭ аҽеыбгаҟазацәа Аԥсны аԥнуҵҟа адагьы анҭыҵгьы рыхьӡ наԥхьан.

Ҟәланырхәатәи аҽтра аргылара ахы ацаркын 1985 ш., Нальчик аҟнытә иааган ԥ-ҽык. Ажәла бзиа иреиуаз аҽы ахьӡ аҟынтәи ауп Ҟәланырхәатәи аҽтра «Кира» ахьӡгьы ахьынтәааyа.

Аԥсны есышықәса имԥаԥырго аҽырхәмаррақәа рхы аладырхәоит ҟәланырхәаа рҽыбгаҟазаԥцәа. Иазгәаҭатәуп, угәы иамахәартә ишыҟоу агәыԥ аҿы аиҳабацәа рнаԥс, зынӡа иқәыԥшӡоу аҿар ахьалахәу, уи алагьы агәыҷра ҳамоуп аҽеыбгаҟазара акыршықәса анҵыра шамазаааyа.

Ақыҭақәа аҵасқәеи ақьабзқәеи ирхәыштааранy иҟоуп. Абраҟоуп иахьа уажәраанӡагьы еиқәханы иахьызгәарҭо аԥсуа ныҳәарақәа. Аԥсуа жәлар рыпсҭазаара иадҳәалаз аныҳәарақәа зегьы рахьтә рацәак ахшыԥзышьҭра змауц аныҳәарақәа иреиуоуп аԥсуа жәлақәа ргьырак ирымоу ажәлатә ныҳәарақәа. Абас, Ҟәланырхәа ақыҭа Арԥта аҳаблаҿы Аныхахәы ҳәа иахьашьҭоу аҭып аҿы жәытәнатә аахыс Гәымбаа аныҳәарақәа мԥаԥыргоит. Аныҳәара иалахәу ахацәа рымацара роуп. Ҭаацәарацыпхьаӡа хаҭарнакк идамхаргьы дыҟазар ауп. Еилартоит рыхәта, досу инаигоит: ашыла, ашәаӡа, ацәацкьа. Ачыс албгьа иқәцаны иҟарцон, аха аҵыхәтәантәи аамҭазы аишәа кьаҿ ҟарцеит (аиҳабацәа уи ишазыразымгьы). Агәи агәаҵәеи рнаԥс, иҟоу ачашә ду, аныҳәара иалахәу зегьы агьама хымпада ирбароуп.[13]

[13] Смыр С.А. Гәымбаа рыжәлатә ныҳәара. ААУ астудентцәеи, аспирантцәеи, аҭцааԥцәа ҿарацәеи рытцаарадырратә усумҭақәа реизга. Аҟәа, 2022. Ад.64-67

Ҟәланырхәаа рҵеицәа хьӡырҳәагақәа, зышьаҭа Аҧсны аҭоурых аҿы иааизыжьыз иреиуоуп жәлар рфырхатца Смыр Гәдиса; адраматә театр ақтиорцәа Анна Аргәын-Коношок, Муҭы Ақа㏄ба, Разынбеи Агрба, Азиз Агрба; аҵарауаа Михаил Ҭраҧшь, Иу. Аргәын.

Ажәакала, Ҟәланырхәа аҭоурых Аҧсны аҭоурых иахәҵакуп. Ақыҵақәа рҭоурых ала ишьақәҳаргылар ҳалшоит амилаҭ аҭоурых. Аҧсуа қыҵақәа инарҭбааны рыҵцаара азҵаара аетнологиаҿы аҧхьаҟа иазышьҭоу ус дууп.

Ахыҧхырҵа

1. Винодѣліе въ Россіи. (историко-статистическій очеркъ). Состлвилъ Михаилъ Балласъ. Часть II. Западное Закавказье. И зданіе департамента земледѣлія. С.-Петербургъ. Тіпографія В. Киршбаума, Дворц. Площ. д. М-ва Фннансовъ. 1896. Ад. 122-124. [Электронный ресур]. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003938627/?ysclid=mmop7kvu1i781445671 (дата обращения 23.01.2026г.)

Алитература

1. Бжания В.В, Бжания Д.С., Хондзия З.Г., Агумава А.С. Погребальный комплекс Осиа-рху в селе Куланырхуа. Абхазоведение. Выпуск III. Сухум, 2004.

2. Саканиа С.М., Требелева Г.В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Т.1. Магнитогорск, 2019.

3. Смыр Г. У. Гәдиса ашәа зихырҳәаазеи? // Ажурнал «Амцабз», №2, Ад.11

4. Смыр С.А. Гәымбаа рыжәлатә ныҳәара. ААУ астудентцәеи, аспирантцәеи, аҭцаа㏄цәа ҿарацәеи рыҵцаарадырратә усумҭақәа реизга. Аҟәа, 2022

5. Тариа А.М. Первый летчик Абхазии. Сухум, 2004

6. Хондзия З.Г. Археологические памятники села Куланырхуа и его окрестностей: автореф. дисс.канд.ист. наук: 07.00.06. Сухум, 2022.

7. Хондзия З.Г. История археологического изучения села Куланырхуа. Абхазоведение. Выпуск VII. Сухум, 2012.
8. Шамба Г.К. Михаил Ҭраԥшь. Аҟәа 1978.

Аинформантцәа

1.Ақаѡба Гьаргь, Ҟәланырхәа, 22.08.2018 ш.
2.Аргәын Родик Расим-ипа, 1961, Ҟәланырхәа. 23.02.19 ш.
3.Цәышба Асида Дырмит-ипҳа, 1971, Ҟәланырхәа. 28.03.2021 ш.

КИУТ А.О.,
аспирант АГУ

ЭТНИЧЕСКАЯ МОЗАИКА АБХАЗИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ УКЛАДА ЖИЗНИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В XIX ВЕКЕ

Аннотация: *В статье анализируется влияние колонизационной политики Российской империи на трансформацию жизненных стратегий переселенческих групп в Абхазии XIX века. Рассматриваются процессы адаптации греков, армян, эстонцев, болгар, немцев, мегрелов и других этнических общностей к новым природно-климатическим и социально-экономическим условиям региона. Особое внимание уделяется изменениям в хозяйственной деятельности – переходу от традиционного зерноводства к специализированному плантационному земледелию (табаководство, виноградарство, садоводство), обусловленному как природными особенностями региона, так и включённостью в имперские экономические связи.*

Ключевые слова: *Абхазия, миграция, переселенцы, этническая мозаика, колонизация, межэтническое взаимодействие, махаджирство, демография.*

Annotation: *This article analyzes the impact of the Russian Empire's colonization policies on the transformation of the life strategies of settler groups in 19th-century Abkhazia. It examines the adaptation of Greeks, Armenians, Estonians, Bulgarians, Germans, Mingrelians, and other ethnic communities to the region's new natural, climatic, and socioeconomic conditions. Particular attention is paid to changes in economic activity—the transition from traditional grain farming to specialized plantation agriculture (tobacco, viticulture, and horticulture), conditioned by both the region's natural features and their integration into imperial economic ties.*

Key words: *Abkhazia, migration, migrants, ethnic mosaic, colonization, interethnic interaction, muhajirs, demography.*

XIX век стал переломным этапом в истории Абхазии, ознаменованным масштабными этнодемографическими и социокультурными трансформациями. Включение региона в состав Российской империи в 1810 году, а также завершение Кавказской войны в 1864 году стали отправными точками для активной колонизационной политики. Одним из ключевых последствий этих процессов стало массовое переселение различных этнических групп и одновременно исход части коренного населения в Османскую империю (махаджирство). В результате в регионе сформировалось сложное многоэтничное сообщество, в котором переселенцы стали важным элементом социальной, хозяйственной и культурной структуры общества.

Формирование новой этнической мозаики сопровождалось не только демографическими изменениями, но и глубокими трансформациями традиционного уклада жизни. Переселенческие группы были вынуждены адаптировать хозяйственные практики, социальные институты и элементы материальной культуры к специфическим природно-климатическим условиям и социокультурному окружению Кавказа.

В 1867 году в Абхазии сформировался значительный массив земель, выведенных из хозяйственного оборота. Массовое переселение абхазского населения в Османскую империю (махаджирство) привело к резкому сокращению численности жителей и фактическому запустению ранее освоенных территорий. Существенная часть пахотных угодий перестала обрабатываться, сады и виноградники пришли в упадок, что свидетельствовало о глубоком кризисе традиционной аграрной системы региона. И уже в 1868 году «освободившаяся» абхазская земля была включена в состав казенных земель, находящихся в ведении Кавказского горского управления[1].

Этот шаг стал частью последовательной административной политики Российской империи, направленной на перераспре-

[1] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 1982. С. 431.

деление земельных ресурсов и организацию переселенческого заселения опустевших районов.

В статье грузинского публициста Якоба Гогебашвили, известной под названием «Кем заселить Абхазию?», автор рассматривает последствия Русско-турецкой войны 1877-78 гг., в результате которой жителям Абхазии пришлось покинуть Родину и переселиться в Турцию. Спорный вопрос заключался в том: кем заселить страну, навсегда покинутую ее обитателями?[2]

Формы колонизации в Абхазии во второй половине XIX века отличались многообразием и зависели как от характера землевладения, так и от экономической конъюнктуры региона. Наибольшее распространение получила арендная колонизация, активно поддерживаемая абхазскими землевладельцами. Эта система обеспечивала им стабильные и сравнительно высокие доходы при сохранении пережитков полукрепостнических отношений и значительной зависимости арендаторов-крестьян.

В 1911 году вывезено из одного только Сухума в разные города 476,872 пуда табаку[3]. Развитие товарного табаководства способствовало усилению миграционных потоков в регион. Экономическая привлекательность табачной отрасли стимулировала переселение специализированных табаководов – прежде всего армян и греков, прибывавших из Османской империи, а также крестьян из западногрузинских районов. Особенно масштабным было переселение выходцев из Мегрелии, где после проведения крестьянской реформы обострилась проблема аграрного перенаселения, выражавшаяся в несоответствии между численностью населения и площадью пахотных земель.

---

[2] Гогебашвили Я.С. Кем заселить Абхазию // Газ. «Тифлисский вестник», 1877.

[3] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913 г. С. 102.

Начался период систематической колонизации Абхазии. Помимо русских поселений, в 1879 году был основан поселок немецких колонистов. Первые попытки освоения территории оказались затруднительными: ни переселенцы, ни сам регион ещё не были готовы к новым социальным, экономическим и природным условиям жизни.

Массовое расселение греческого населения в сельской местности проявилось, в частности, в сооружении церквей в селах, что свидетельствовало о сохранении этноконфессиональной идентичности переселенцев. Сельскохозяйственная специализация армян и греков, прибывших из окрестностей Трапезунда, формировалась под влиянием нескольких факторов: условий аренды, традиционных навыков в табаководстве и природно-климатических особенностей региона. В результате табак стал основной культурой, определявшей хозяйственный уклад этих групп.

Тем не менее наличие свободных земель, вызванное эмиграцией части абхазского населения в Османскую империю, было недостаточным для быстрого и массового заселения региона. Значительное влияние на интенсивность переселения оказали экономические и политические условия в самой Османской империи. После Русско-турецкой войны 1877–1878 годов увеличилось налоговое бремя, а в ключевых табачных районах азиатской части империи была введена монополия французских табакоторговцев, что усилило экономическую мотивацию к эмиграции. Инородцы, особенно греки и мегрелы, поселялись в городах Абхазии. Все каменные работы в Сухуме, такие как мостовые, строительство домов и набережной, выполнялись греками, которые приезжали из Малой Азии на осенне-зимний период. С мая по октябрь они, опасаясь малярии, возвращались на родину.

Расслоение греческой общины шло не только по линии «бедный-богатый», но и по получившим русское подданство и не

получившим таковое; внутри получивших: на постоянно и временно проживающих; имеющих русское или греческое образование[4].

А что касается мегрелов, то они больше занимались торговлей. «Жизнь мингрельцев, поселенцев Абхазии, ничем существенным не отличается от их жизни на своей родине»[5].

Однако после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда российские военные подразделения оставили Абхазию, большинство колонистов было вынуждено покинуть свои новые места жительства. Лишь по завершении войны российским властям удалось вернуть часть колонистов обратно в те же села, за исключением жителей Марьинского, которые были переселены в Цебельду.

Российские власти были заинтересованы в заселении Абхазии преимущественно русским населением, как самым надежным в военно-политическом отношении контингентом. Важную проблему затронул русский врач И. И. Пантюхов в статье «Влияние малярии на колонизацию Кавказа»[6].

Основную массу арендаторов составляли мингрельцы, выходцы из Кутаисской губернии, где особенно тяжелы были последствия земельной «реформы»[7], и армяне, турки, переселившиеся в Абхазию из Турции в 80-х годах XIX столетия.

Речь идет о выживании переселённых в Абхазию народов, о гибели их от малярии и других болезней, о чём не говорилось в официальных донесениях. Из статьи И.И. Пантюхова следует, что рост численности этнических переселенцев происходил не за счёт естественного прироста, а за счёт продолжавшейся коло-

---

[4] Иоаниди Н.Н. Очерки истории греческого населения Абхазской АССР. Сухуми, 1990. С. 19.

[5] Басария С.А. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-кале, 1923 г.

[6] Пантюхов И.И. Малярия и парши в Абхазии. СПб, 1890.

[7] Олонецкий А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии. Конец XIX – начало XX века). Издание АбНИИК. Сухум, 1934. С.54.

низации Абхазии. Создавшуюся заминку в освоении абхазских земель русскими крестьянами ловко использовали жители Западной Грузии. Географическая близость к Абхазии, схожие климатические условия, малоземелье и пережитки крепостнического строя в Мегрелии стимулировали массовый приток крестьян в соседнюю Абхазию. Одна из первых групп в октябре 1879 года высадилась на Пицундском мысу. Получив разрешение от российских властей «поселиться на свободных землях по их выбору», они обосновались в селе Мцара Гудаутского района[8].

Одним из значимых вкладов армянских общин в жизнь региона стало развитие образования. Уже на ранних этапах переселения армяне активно занимались созданием образовательных учреждений. Первые очаги просвещения на территории Абхазии возникли в сельских районах, где армянские переселенцы организовали церковноприходские школы, которые стали важным элементом культурной и образовательной жизни.

Армяне в Абхазии активно занимались сельским хозяйством, ремесленным производством и торговлей. Амшенские армяне, как правило, селились компактными группами в сёлах, но также расселялись по отдельности, в помещичьих усадьбах, где нанимались арендаторами к помещикам на сельскохозяйственные работы. К 1898 году в списке предпринимателей по Сухумскому округу из одной только Цебельды значится 18 армянских фамилий[9].

---

[8] Узунян Э.Г. Этнокультурные предпосылки устойчивости диаспоры на примере амшенских армян Абхазии. [Электронный ресурс]. 2015 (дата публикации). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-predposylki-ustoychivosti-diaspory-na-primere-amshenskih-armyan-abhazii/viewer 10.03.2026 (дата обращения). С. 2.

[9] Узунян Э.Г. Этнокультурные предпосылки устойчивости диаспоры на примере амшенских армян Абхазии. [Электронный ресурс]. 2015 (дата публикации). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-predposylki-ustoychivosti-diaspory-na-primere-amshenskih-armyan-abhazii/viewer 10.03.2026 (дата обращения).С. 3.

Лютеранское общество Сухума стало ключевым духовным центром для немецкой общины, помогая ей сохранять свою этническую самобытность. Знаковым событием, символизирующим их культурное и архитектурное наследие, стало возведение кирхи святого апостола Иоанна в Сухуме, завершённое к 1913 году. Немецкие переселенцы, хоть и немногочисленные, значительно повлияли на модернизацию сельского хозяйства Абхазии в конце XIX века. Их фермы служили образцом эффективного земледелия, адаптированного к особенностям Кавказского побережья.

По инициативе Российской империи эстонцы были переселены, получив в дар землю и временное пособие. Однако, несмотря на поддержку со стороны Российской империи, жизнь на новых землях была сопряжена с немалыми трудностями. Занявшись преимущественно земледелием, переселенцы сумели внести значительный вклад в развитие абхазского аграрного сектора. В Абхазию прибывали купцы не только из Турции и европейских стран, но и даже из Средней Азии. Например, в 1823 году в Анапе находились крупные торговые караваны из Бухары и Дагестана. Привезённые товары, без сомнения, распределялись по всему Черноморскому побережью Кавказа и другим его регионам. Царизм рассматривал внешнюю торговлю на Кавказе как средство для распространения своего политического влияния в районе Черного моря. «В 1810 году правительством было утверждено «Положение» о меновой торговле с горцами на Кавказской линии, в котором указывалось, что эти торговые сношения устанавливаются для того, чтобы приобрести доверие горцев»[10].

С 1820-х годов центром внутренней и внешней торговли абхазов стал Сухум-кале, где проходили еженедельные базары. Из Кутаиси купцы везли шелковые и хлопчатобумажные ткани,

[10] Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX – XX вв. Сухум, 1995. С. 247.

лен, лисьи и куньи меха. С 60-х годов из Абхазии вывозился табак. Крупные табаководы в Абхазии применяли наёмный труд в довольно широких масштабах. С первых шагов своего развития табаководство в Абхазии попало в зависимость от крупных табачных торговцев и фабрикантов. На побережье Абхазии приезжали скупщики из Петербурга, Москвы, Одессы, Феодосии, Ялты, Трапезунда и Константинополя. Заготовленный абхазский табак почти весь вывозился, и табачные экспортеры не открывали на месте табачного производства. Одним из основных источников доходов абхазских феодалов были промысел дельфинов и рыболовство. По данным 60-х гг. XIX века, в Пицунде за лето добывалось не менее 300 пудов жира. Дельфиний жир абхазы продавали туркам и грекам.

Таким образом, после присоединения Абхазии к России торговля распространилась повсеместно, а рост товарности сельского хозяйства увеличился. Это привело к постепенному внедрению капиталистических отношений на территории Абхазии. Торговля и обращение российских монет укоренились в этом крае. С 40-х годов XIX века денежные отношения начали интенсивно развиваться. С развитием промышленности, торговли и товарного земледелия изменялся состав местного населения, феодальные порядки сменялись капиталистическими, но Абхазия, по своему укладу, оставалась аграрной страной, и абсолютное большинство её населения составляли крестьяне. В это же время происходило формирование национальной интеллигенции, которая, получив образование в центральных городах России, возвращалась служить своей Родине. Это были не только выходцы из аристократической или буржуазной среды, но и из трудового народа.

В результате целенаправленной колонизации, проведённой царским самодержавием в конце XIX – начале XX века, в Абхазии фактически была осуществлена этническая революция. На землях, значительно опустевших вследствие войны и мигра-

ционных процессов, были сформированы более или менее компактные этнические общины, включающие картвелов (преимущественно мегрелов), русских, греков, армян, немцев, болгар, молдаван и эстонцев.

По утвержденному в 1837 г. «Положению»[11] поселенцам на новом месте оказывались различные льготы как денежные, так и хозяйственные. В Абхазию переселялись как крестьяне из Российских губерний, военнослужащие – от нижних чинов до высших. Русским в Абхазии была отведена роль образцовых хозяйственников, их расселяли среди других этнических групп, таких как греки и болгары.

Инициатива по заселению Сухумского округа греческим населением была реализована в 1866 году. По распоряжению Кавказского наместника, великого князя Михаила Николаевича, 76 семей греков-переселенцев из Турции были размещены в Цебельде, где ими были образованы населённые пункты Александровское, Георгиевское и Ольгинское.

Таким образом, переселение греков в Абхазию, организованное правительством Российской империи, началось в конце 60-х годов XIX века. Несмотря на то, что не все первые переселенцы смогли закрепиться в Абхазии, процесс переселения продолжался быстрыми темпами. С годами численность греков увеличивалась, и к концу XIX века они стали одной из значительных этнических групп среди народов Абхазии. В отличие от греков, чья численность росла, болгарское население, по разным социальным и экономическим причинам, ежегодно сокращалось, и к концу XIX века их осталось всего несколько десятков человек.

В трудах Т.А. Ачугба освещается проблема этнической истории абхазов в контексте этнополитических и миграционных процессов, происходивших в течение XIX – XX вв. Он приводит данные переписей населения Российской империи и Союза ССР

[11] Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX – XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010. С. 96.

за 1886 (посемейная), 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. По Берже в книге «Краткий обзор горских племен на Кавказе», население Абхазии за 1858 год составляло 94,023 человек[12].

В 1886 г. была проведена посемейная перепись населения. В Сухумском округе всего проживало 68,8 тыс. чел. Из них: абхазы – 59,0 тыс., грузины – 4,0 тыс., (собственно грузины – 0,5 тыс., мегрелы – 3,5 тыс.), русские – 1,0 тыс., армяне – 1,3 тыс., греки – 2,0 тыс., другие – 1,5 тыс. Вклад переселенцев из Турции, в частности армян, греков и лазов, в формирование табачной сырьевой базы и развитие перерабатывающей промышленности неоспорим. Ведь именно с этим, в известной степени, связано возникновение торгового капитала в Абхазии. Другим известным фактом является высокая агрокультура эстонцев и немцев, переселившихся в Абхазию[13].

В период с конца XIX века по начало XX столетия Сухум, являвшийся административным и культурным центром Абхазии, стал свидетелем появления множества общественных объединений. Эти организации, ориентированные на культурно-просветительскую, научную и благотворительную деятельность, в значительной степени были смоделированы по образцу подобных структур, существовавших в крупных городах Российской империи. Инициаторами их создания были в основном представители русской интеллигенции[14].

Таким образом, исследование этнической мозаики Абхазии в XIX веке позволяет лучше понять динамику культурных и социальных изменений в регионе, а также процесс адаптации различных этнических групп в условиях переселений и изменений государственной власти. Важно отметить, что данные процессы

[12] Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. С. 3.

[13] Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухуми, 1989. С. 77.

[14] Смыр Л.Г. Сухумское общество сельского хозяйства (1898-1922 гг.). Москва, 1996 г. С.3.

не завершились в XIX веке, а продолжают оказывать влияние на современную этническую картину Абхазии.

Литература

1. Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XIX – XX вв. Сухум, 1995.

2. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010.

3. Басария С.А. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-кале, 1923 г.

4. Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858.

5. Гогебашвили Я.С. Кем заселить Абхазию // Газ. «Тифлисский вестник», 1877.

6. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 1982.

7. Иоаниди Н.Н. Очерки истории греческого населения Абхазской АССР. Сухуми, 1990.

8. Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухуми,1989.

9. Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913 г.

10. Олонецкий А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии. Конец XIX – начало XX века). Издание АбНИИК. Сухум, 1934.

11. Пантюхов И.И. Малярия и парши в Абхазии. Санкт-Петербург, 1890.

12. Смыр Л. Г. Сухумское общество сельского хозяйства (1898-1922 гг.). Москва, 1996 г.

Узунян Э.Г. Этнокультурные предпосылки устойчивости диаспоры на примере амшенских армян Абхазии. [Электронный ресурс]. 2015 (дата публикации). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-predposylki-ustoychivosti-diaspory-na-primere-amshenskih-armyan-abhazii/viewer 10.03.2026 (дата обращения).

ЦКУА И.Л.,
аспирант АГУ

АНТИЧНЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПИТИУНТА

Аннотация*. Данная работа посвящена эпиграфическим памятникам, обнаруженным в результате археологических изысканий на территории древнего полиса – Питиунта (совр. Пицунда). Целью настоящей работы является попытка собрать все выявленные на сегодняшний день в Питиунте артефакты и варианты прочтений древних памятников эпиграфики и их анализ.*

Ключевые слова*: Питиунт, эпиграфический памятник, античность, греческие надписи, латинские надписи, клеймо, храм, мозаика.*

Annotation*. This work is devoted to the epigraphic monuments discovered as a result of archaeological surveys on the territory of the ancient polis – Pitiunt (modern times Pitsunda). The purpose of this work is an attempt to collect all the versions of readings of ancient epigraphic monuments that have developed today in historical science and analyze them.*

Keywords*: Pitiunt, epigraphic monument, antiquity, Greek inscriptions, Latin inscriptions, stamp, temple, mosaic. P*

Эпиграфические памятники античной эпохи выступают в качестве одного из наиболее значимых исторических источников, изучение которых, наряду с произведениями античных авторов, содействуют более полному восстановлению исторической картины одного из интереснейших периодов в истории нашей страны. Несмотря на то, что общий корпус античной эпиграфики региона характеризуется фрагментарностью, материалы, обнаруженные на территории древнего полиса Питиунт (совр. Пицунда), обладают исключительной научной ценностью.

Питиунт (др.-греч. Πιτυοῦς) на протяжении веков являлся важнейшим форпостом античной цивилизации на Восточном Причерноморье. Первое упоминание «Великого Питиунта» относятся к сведениям Артемидора Эфесского, известного географа II–I вв. до н.э., которые приводит Страбон в своей «Географии». Здесь, в Питиунте, были обнаружены эпиграфические памятники как на древнегреческом, так и на латинском языке.

История Питиунта тесно связано с римской цивилизацией. Возведенная на этом месте крепость относится примерно к второй половине II в. н.э. О нахождении здесь римских легионеров свидетельствуют различные археологические находки эпохи поздней античности, однако в данном случае нас интересует исключительно эпиграфический материал.

В 1957 г. во время раскопок римской сторожевой башни у озера Инкит, в культурном слое II–III вв. н.э. была выявлена небольшая часть керамической плиты с прямоугольным клеймом с четкими латинскими буквами LEG. Второй фрагмент был обнаружен в 1964 г. на территории кастелла, в культурном слое конца II в. н.э. Здесь же сохранилась часть клейма [LE]G и номер легиона – XV. Третий фрагмент был обнаружен в 1985 г., где также была частично сохранена часть надписи [LE]G XV. Все эти керамические плиты идентичны по составу глины. На основании сопоставления с другими находками клейма здесь можно расшифровать: LEG(io) XV (Apollinaris).[1] Подобные клейма впоследствии были выявлены и в Себастополисе (совр. Сухум) – около 17 фрагментов.[2]

По замечанию Л.Г. Хрушковой, данные находки весьма интересны, поскольку Аполлонов легион, о присутствии которого в

[1] Кигурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А., Тодуа Т.Т. Клейма XV легиона из Пицундского городища // Вестник Древней истории. № 2. М.: Наука, 1964. С. 88

[2] Джопуа А.И., В.А. Нюшков. Античная эпиграфика на территории Абхазии // Вестник Танаиса Вып. 5. Т. I. Ростов-на-Дону, 2019. С.133

Колхиде не говорит ни один источник, напоминает о себе археологическими находками (3, с. 41).

Однако это не единственный эпиграфический памятник Питиунта. Так, внутри Пицундской крепости, более известной как городище, найдены остатки четырех храмов, которые возводились последовательно в одном и том же месте на протяжении двухсот лет. Нас же здесь интересует так называемый храм № 2. (Рис.3)

В 1952 г. на территории Питиунта археологической экспедицией под руководством академика А.М. Апакидзе были выявлены остатки данной древнейшей базилики.[3] По своему типу она была трехнефной, одноапсидной, с нартексом. Площадь храма составляет 367 кв. м.[4]

Именно здесь была обнаружена одна из самых обсуждаемых эпиграфических находок, выявленных на территории Абхазии – напольная мозаика с христианскими сюжетами и греческими надписями.

Мозаика в церкви выполнена в технике «opus tessellatum» из довольно крупных (до 1 кв. см.) кубиков природных камней разных цветов и оттенков, уложенных и скрепленных на известковом растворе цемянки. От мозаики, украшавшей пол храма, сохранилось 30%, преимущественно в восточной части и в нартексе.[5] (Рис. 4)

Надписи на мозаике, к сожалению,уцелели лишь частично, что в свою очередь спровоцировало сложение различных мнений о прочтении их фрагментов.

---

[3] Леквинадзе В.А. О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках // Вестник Древней истории. № 2. М.: Наука, 1970. С.174.

[4] Саканиа С.М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Т. I. Магнитогорск, 2019. С.32.

[5] Саканиа С.М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Т. I. Магнитогорск, 2019. С.33.

Композиционный центр ее составляет крупный медальон, диаметром (1,39 м) с монограммой-хризмой, т.е. с монограммой, сочетающей в себе греческие начальные буквы имени Христа: «Х» и «Р». К ней присоединены апокалиптические символы – начальная буква греческого алфавита «α» (альфа) и конечная «ω» (омега). Л.А. Мацулевич считает, что эта надпись является сокращённым вариантом известной формулы: «Я есмь альфа и омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника живой воды» [6, с. 148]. Следует отметить, что относительно данной надписи, споров не возникает.

Другая же надпись является темой многолетнего обсуждения в научной среде. (Рис. 5)

Т.С. Каухчишвили, занимавшаяся подробным исследованием этой надписи, прочитала ее так: «В моление за Орэла и за весь его дом (ὑπέρ εὐχῆς Ὡρέλ καὶ παντὸς τοῦ οἴκου [αὐτοῦ])».[6]

По замечанию архимандрита Дорофея (Дбар), исследователи в данной надписи оспаривают как характер надписи (являлась ли она ктиторской или погребальной), так и прочтение и принадлежность имени «Орэл».[7] Так, по мнению Т.С. Каухчишвили, данная надпись являлась ктиторской.[8] Группа исследователей (Л.А. Мацулевич, Ш.Я. Амиранашвили, В.А. Леквинадзе) считает данную надпись погребальной, то есть надгробной эпитафией.[9]

В.А. Леквинадзе прочел Орэл в Пицундской мозаике как Орентий, полагая, что речь идет именно об этом мученике. По-

---

[6] Каухчишвили Т.С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики / ВП, т. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С.232.

[7] Дорофей (Дбар), архимандрит. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Изд. 2. Новый Афон, 2015. С. 119.

[8] Каухчишвили Т.С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики / ВП. Т. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С.239.

[9] Амиранашвили Ш.Я. История грузинской монументальной живописи. Т. I. Тбилиси, 1957. С. 22; Каухчишвили Т. С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики / ВП. Т.. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С.239

этому, по его мнению, базилика (где находилась мозаика) носит погребальный или поминальный характер (см. Хрушкова Л.Г.).[10]

Соотношение указанного в надписи Пицундской мозаики имени с мучеником Орентием, по мнению архимандрита Дорофея (Дбар), является наиболее верным.[11]

Л.Г. Хрушкова же предложила свой вариант прочтения имени, полагая, что мы имеем здесь латинское имя Aurelius, Аврелий, переданное по-гречески как Ὡρέλιος, с заменой η на ε.[12]

И, наконец, есть мнение, что «Орэл» строил храм и принадлежал к местной знати.[13] О том, что это имя является собственным, предположила Т.С. Каухчишвили. С этим не согласен архимандрит Дорофей (Дбар), который задается следующим вопросом: «Где это собственное имя? Почему оно не встречается на территории Абхазии?[14]

Палеографический анализ очертания литер позволяет датировать пицундскую напольную надпись широким диапазоном V–VII вв. н.э. Несмотря на сохраняющиеся лакуны в интерпретации, данный памятник остается ключевым свидетельством раннехристианской культуры и административно-религиозной жизни Восточного Причерноморья.

Литература

1. Амиранашвили Ш.Я. История грузинской монументальной живописи. Т. I. Тбилиси, 1957. 185 с.

---

[10] Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. С. 80.

[11] Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Изд. 2. Новый Афон, 2015. Указ.соч. С. 120.

[12] Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. С. 81.

[13] Пачулия В.П. В краю золотого руна. М.: Наука, 1968. С. 120

[14] Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Изд. 2. Новый Афон, 2015. с. 122.

2. Джопуа А.И., В.А. Нюшков. Античная эпиграфика на территории Абхазии // Вестник Танаиса. Вып. 5. Т. I. Ростов-на-Дону, 2019. С. 124–139.

3. Дорофей (Дбар), архимандрит. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Изд. 2. Новый Афон, 2015. 343 с.

4. Каухчишвили Т.С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики / ВП. Т. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 218–241.

5. Кигурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А., Тодуа Т.Т. Клейма XV легиона из Пицундского городища // Вестник Древней истории. № 2. М.: Наука, 1964. С. 88–92.

6. Леквинадзе В.А. О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках // Вестник древней истории, 1970, № 2. М., 1970. С. 174–193.

7. Леквинадзе В.А. О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках // Вестник Древней истории. № 2. М.: Наука, 1970. С. 174–193.

8. Мацулевич Л.А. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте // Вестник Древней истории. № 4. М.: Наука, 1956. С. 146–153.

9. Пачулия В. П. В краю золотого руна. М.: Наука, 1968. 135 с.

10. Саканиа С.М., Требелева Г.В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Т.I. Магнитогорск, 2019. С. 201.

11. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. 500 с.

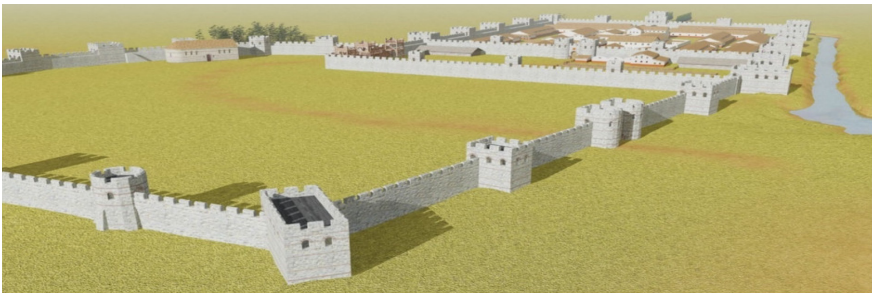


Рис. 1. Реконструкция Питиунта по Саканиа С.М., Требелевой Г.В.

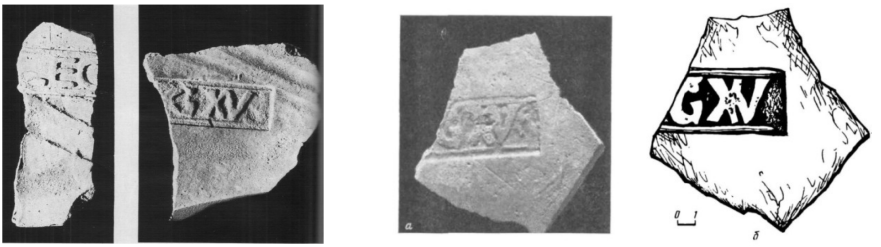


Рис. 2. Фрагменты керамических плит с надписями из Питиунта

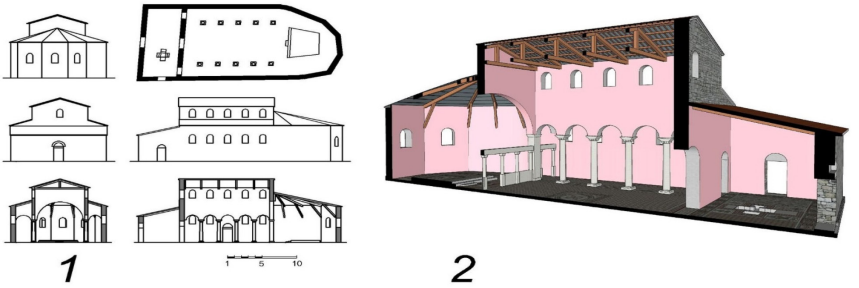


Рис. 3. Питиунт. Храм №2. План здания. Реконструкция по Саканиа С.М., Требелевой Г.В.

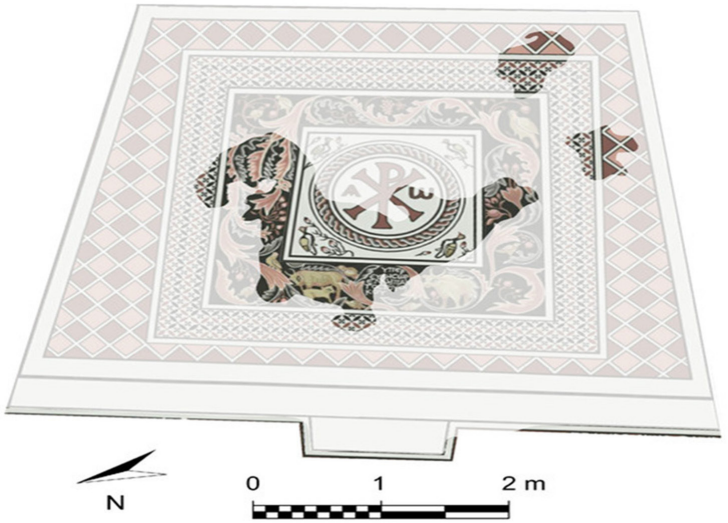


Рис. 4. Питиунт. Храм №2. Реконструкция мозаики на платформе по Саканиа С.М., Требелевой Г.В.

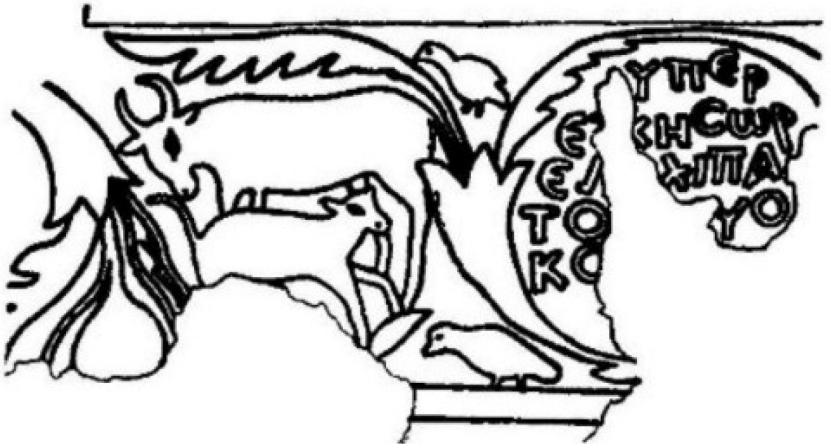


Рис. 5. Надпись мозаики из Питиунта по Саканиа С.М., Требелевой Г.В.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авидзба Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заместитель директора по науке АбИГИ им. Д.И. Гулиа. avidzba.viktor2022@gmail.com

Аргун Алхас Валикович – кандидат исторических наук, директор ННИКЗ «Анакопия». hasafon@mail.ru

Архимандрит Дорофей (Дбар) – доктор теологии, доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории АбИГИ им. Д.И. Гулиа. dbardorotheos@gmail.com

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, профессор Абхазского государственного университета, ведущий научный сотрудник отдела этнологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа, заслуженный деятель наук и заслуженный работник высшей школы Республики Абхазия. valera.biguaa@yandex.ru

Берулава Эка Сергеевна – старший лаборант кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии. ekaberulava2000@icloud.com

Габелая Аслан Суликович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, научный сотрудник отдела новой и новейшей истории АбИГИ им. Д.И. Гулиа, член Абхазского исторического общества. aslan1991st@gmail.com

Габелия Алик Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, декан факультета истории и международных отношений, заслуженный работник высшей школы, заслуженный работник науки РА, лауреат Государственной премии им. Г.А. Дзидзария. agabelia@mail.ru

Гумба Гурам Джотович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, за-

ведующий отделом древней и средневековой истории Абхазии АбИГИ им. Д.И. Гулиа, профессор АН Чеченской Республики. guram-gumba@yandex.ru

Джапуа Альбина Эдиковна – старший лаборант кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии. dzhopua-1995@mail.ru

Джопуа Аркадий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, директор Абхазского государственного музея, старший научный сотрудник отдела археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. arkadi100@rambler.ru

Джопуа Инал Аркадиевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, заведующий отделом археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. inal100@mail.ru

Кайтан Шандор Геннадиевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, старший научный сотрудник отдела археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. shandorkaitan88@mail.ru

Касландзия Наала Валерьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, старший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории АбИГИ им. Д.И. Гулиа, лауреат Государственной премии им. Г.А. Дзидзария. naala2011@mail.ru

Квициния Мзиана Багратовна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории, заслуженный работник высшей школы. mzia_k@mail.ru

Киут Астанда Омаровна – аспирант АГУ. astanda.omarovna@mail.ru

Маан Омар Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, ведущий научный сотрудник отдела этнологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа, член-корреспондента АНА. maa64@mail.ru

Мамац-ипа Рамзет Урусканович – аспирант АГУ, преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии,

младший научный сотрудник отдела археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. mamatsev.ramzet2016mir@yandex.ru

Мирзоев Асланбек Султанович – доктор исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, ведущий научный сотрудник отдела этнологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. marzeibach@mail.ru

Нишанян Елена Размиковна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории. lenanishanian@yandex.ru

Отырба Дамей Асланович – аспирант, лаборант отдела древней и средневековой истории АбИГИ им. Д.И. Гулиа. dameyotyrba2@gmail.com

Сангулия Гарик Анатолиевич – старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, старший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории АбИГИ им. Д.И. Гулиа, начальник Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия. garik-ajsanyg@yandex.ru

Смыр София Аркадьевна – старший лаборант кабинета им. проф. Г.А. Амичба. sofismyr@mail.ru

Счастный Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, научный сотрудник отдела археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. ychsra@yandex.ru

Харчлаа Лиана Ясоновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заслуженный работник высшей школы. liana-kharchlaa@mail.ru

Цкуа Инал Лаврентьевич – аспирант АГУ. hastalamuerte13666@gmail.com

Содержание

Бигəаа В.Л. Апрофессор Гьаргь Амҷба иахьа 90 шықəса ихытцуазаарын… (ипстазаареи итцарадырратə нысымҩеи) 5
Касландзия Н. В. Вклад Г.А. Амичба в историческое абхазоведение 13
Архимандрит Дорофей (Дбар) Храм Киачныха: архитектурные особенности, исторический контекст и церковные древности 29
Квициния М.Б. Вопросы истории религии в трудах Г. А. Амичба 77
Мирзоев А.С. Элитарные и эгалитарные политические традиции на Западном и Центральном Кавказе. Взаимоотношения между феодальными владениями Черкесии и демократическими политиями Западного Кавказа 93
Гумба Г.Д. Абхазская государственность: прошлое и настоящее 125
Харчлаа Л.Я. Некоторые вопросы государственного строительства Абхазии в современном глобализирующемся мире 141
Маан О.В. Этнокультурная динамика Восточного Причерноморья в эпоху «военной демократии» (к проблеме этнической истории абхазов 156
Джопуа А.И., Мамац-ипа Р.У. Разведывательные работы палеолитической стоянки в с. Яштуха в 2024 г 179
Авидзба В.В. Административно-правовые преобразования в абхазском княжестве в первой половине XIX века: опыт синтеза имперского права и местных обычаев 189

Габелая А.С. К вопросу о хронологии НЭПа Абхазии: дискуссионные аспекты 199
Аргун А.В. Строительная керамика как исторический источник в изучении объектов на территории исторической Абхазии 211
Сангулия Г.А. Развитие и типология горных обществ Абхазии 233
Сангулия Г.А., Джопуа И.А., Кайтан Ш.Г. Исследования нагорного храма в с. Гума 238
Габелия А.Н., Берулава Э.С. Истоки археологического изучения Абхазии: методология и ключевые открытия (1870 – 1917 гг.) 245
Счастный Д.А. Использование данных ИИ в работе с археологическими материалами: опыт и перспективы 257
Нишанян Е.Р. К вопросу об источниках формирования феодального землевладения в Абхазском царстве (VIII – X вв.) 270
Отырба Д.А. Хронология абхазских царей: интерпретация исторических источников в трудах Г.А. Амичба 283
Джапуа А.Э. Из истории репатриации абхазских махаджиров в контексте российско-османского противостояния (1860 – 1880 гг.) 298
Смыр С.А. Ақыҭа Ҟәланырхәа аҭоурых аҟнытә 315
Киут А.О. Этническая мозаика Абхазии: трансформация уклада жизни переселенцев в XIX веке 326
Цкуа И.Л. Античные эпиграфические памятники Питиунта. 337

Научное издание

В авторской редакции

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АМИЧБА

ГЬАРГЬ АЛЕҚСАНДР-ИПА АМҶБА ДИИЖЬҬЕИ 90 ШЫҚӘСА АҬРА ИАЗКУ АҬҬААРАДЫРРАТӘ КОНФЕРЕНЦИА АМАТЕРИАЛҚӘА

Редактор Л.С. Пачулия
Корректор Л.С. Пачулия
Верстка А.Ш. Береджи

Подписано в печать 22.04.2026 г.
Формат 60х84 1/16. Усл. печ. лист 22

Тираж: 150 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии АГУ

г. Сухум, ул. Университетская 1.
E-mail: tipografiya.agu@mail.ru